

БРЕНДОН САНДЕРСОН

Звезды
НОВОЙ
ФАНТЕЗИИ

АРХИВ БУРЕСВЕТА
✠ ————— КНИГА 4 ————— ✠

ТОМ I

РИТМ ВОЙНЫ

Звезды новой фэнтези

Брендон Сандерсон

Ритм войны. Том 1

«Азбука-Аттикус»

2020

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Сандерсон Б.

Ритм войны. Том 1 / Б. Сандерсон — «Азбука-Аттикус»,
2020 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-20260-3

Ценой немалых усилий Далинар Холин создает коалицию монархов, способную противостоять в войне за Рошар жестокости и коварству Приносящих пустоту. Но победа остается лишь зыбкой мечтой, ведь врагам помогает могущественное божество, а среди друзей скрываются предатели. Адолин и Шаллан отправляются в мир спренов, чтобы заручиться помощью союзников, рискуя в случае неуспеха обречь все человечество на гибель. Они еще не знают, что главное сражение вскоре развернется в городе-башне Уритиру и его исход будет зависеть не от военной мощи противоборствующих сторон, а от их стойкости, решимости и проницательности. Впервые на русском!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-20260-3

© Сандерсон Б., 2020
© Азбука-Аттикус, 2020

Содержание

Предисловие и благодарности	6
Пролог	12
Часть первая	22
1. Черствость	23
2. Рассеченные пути	31
3. «Четвертый мост»	44
4. Архитекторы будущего	52
5. Сломанные копья	57
6. Тяжкое наследие	68
7. Редчайшие из вин	77
8. Капитуляция	87
9. Противоречия	95
10. Единственная потеря	107
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Брендон Сандерсон

Ритм войны. Том 1

*Посвящается Айзеку Стюарту,
который изображает то, что я воображаю*

Предисловие и благодарности

С гордостью представляю вам «Ритм войны», четвертую книгу из цикла «Архив Буресвета». Я начал писать эту серию десять лет назад, и с годами мне все больше нравилось видеть, как история растет, становясь такой, какой я представлял ее себе. В частности, одна сцена в конце этой книги была среди первых, что пришли мне в голову более двадцати лет назад!

Мы приближаемся к последней книге этой части «Архива Буресвета». (Эта серия рисуется мне как два набора из пяти книг с двумя главными арками.) Спасибо, что были со мной все эти годы! Моя цель – и дальше выдавать продолжения своевременно. Как всегда, сроки для выхода этой книги были жесткие, они требовали многих часов напряженной работы многих людей. Список будет длинноват, но каждый заслуживает похвалы за свои усилия.

В «Torbooks» редактором, ведущим этот роман, была Деви Пиллаи, неумолимая, пунктуальная и вообще замечательная защитница «Архива Буресвета». Это первая книга о Космере, над которой не поработал мой давний редактор Моше Федер, и все равно он заслуживает большой благодарности за руководство серией в первые годы ее существования. Но я хочу выразить особую благодарность Деви за то, что она помогла сделать этот переход плавным и легким.

Как всегда, спасибо Тому Догерти, который дал мне первый шанс в деле издания книг. Команда Дэви и Тома из «Tor», работавшая над этим романом вместе с нами, включает Рейчел Басс, Питера Лютьена, Рафала Гибека и Хизер Сондерс.

Что касается «Gollancz», моего британского издателя, я хочу выразить особую благодарность Джиллиан Редфирн, которая оказывает редакторскую поддержку на протяжении всего процесса, а также очень усердно трудится над тем, чтобы книги выглядели великолепно.

Нашим редактором текста был неизменно великий Терри Макгэрри, а в качестве литературного редактора к нам впервые присоединилась Кристина Куглер. Я давно хотел поработать с Кристиной над книгой о Космере, и она отлично справилась с этой.

Продюсером аудиокниги был Стив Вагнер. И к циклу вернулись замечательные Майкл Крамер и Кейт Рединг, лучшие в мире чтецы аудиокниг. Я искренне благодарен им за то, что они продолжают баловать нас, сражаясь с эпическими фэнтезийными монстрами величиной в пятьдесят с лишним часов.

Моим главным представителем по этой книге было литературное агентство «JABberwocky» во главе с Джошуа Билмесом. Ему помогали Сьюзен Веласкес, Карен Борн и Валентина Сайнато. Наш британский агент – Джон Берлин из литературного агентства «Zeno». Я по-прежнему благодарен им за работу и поддержку.

В моей собственной компании, «Dragonsteel Entertainment», в качестве менеджера выступает моя замечательная жена Эмили Сандерсон. Неподражаемый Питер Альстром – вице-президент и главный редактор, а Айзек Стюарт – художественный руководитель. Обычно я в шутку как-нибудь переделываю его имя, но, учитывая, что эта книга посвящена ему, я решил на этот раз его помиловать. Айзек не только создает прекрасные карты – именно он когда-то познакомил меня с моей будущей женой. (Не как-нибудь, а на свидании вслепую.) Если вам представится случай встретиться с ним, попросите его подписать ваш экземпляр этой книги и обязательно обменяйтесь с ним историями о ваших любимых наборах LEGO.

Кроме того, в «Dragonsteel Entertainment» работают Карен Альстром, редактор, отвечающий за «плавный монтаж», и Кара Стюарт, менеджер склада и финансовый директор. Адам Хорн – мой штатный публицист, личный помощник и вездесущий мастер на все руки, для которого нет ничего невозможного. Среди других сотрудников магазина – Кэтлин Дорси Сандерсон, Эмили «Мем» Грейндж, Лекс Уиллхайд и Майкл Бейтман. Именно они отправляют вам футболки, плакаты и книги с автографами. Их помощники, «мини-миньоны» нашей команды:

Джейкоб, Хейзел, Изабель, Мэтью, Одри, Тори и Джо. Кроме того, спасибо помощникам-добровольцам, особенно всегда потрясающей Кристи Джейкобсон.

Художники, внесшие свой вклад в «Ритм войны», бросили вызов не только пандемии и трагедии на финальном этапе работы над иллюстрациями; некоторым в буквальном смысле пришлось сразиться с бурей, чтобы закончить начатое. Я преклоняюсь перед их талантом и целеустремленностью, и всем им не только выражаю свою сердечную благодарность, но и желаю мира в эти трудные времена.

Один из самых ярких моментов моей карьеры – работа с Майклом Уэланом. Я потрясен тем, как он поддерживает мои книги, на время откладывая личные проекты, чтобы создавать для цикла прекрасные картины. Я был бы благодарен только за одну из его иллюстраций на обложке, поэтому считаю себя невероятным везунчиком из-за того, что Майкл продолжил творить волшебство для «Ритма войны» и создал то, что я считаю лучшей обложкой «Архива Буресвета» на сегодняшний день. Это, без сомнения, шедевр, и я благоговею перед ним.

В «Давшем клятву» мы печатали портреты Вестников на форзаце и нахзаце и продолжаем эту традицию здесь. В самом начале работы над этой книгой мы заказали изображения оставшихся шестерых Вестников, зная, что двоих из них придется отложить для будущей книги. Каждый художник выполнил поставленную задачу и создал шедевр. Вестник Таленелат работы Донато измучен заботами, но ликует, и я в восторге от его прекрасного видения этого персонажа. Миранда Микс не новичок в «Архиве Буресвета» – мы любим работать с ней при любой возможности – и ее Вестница Баттах царственна и загадочна. Карла Ортис, чьими работами я увлекаюсь уже некоторое время, предоставила нам великолепные и почти идеальные образы Вестников Чанаранач и Налана. Наконец, Вестники Магали Вильнев – Пайлиах и Келек – потрясающе и прекрасны. Говард Лайон сотрудничал с ней, чтобы нарисовать удивительные версии маслом этих последних двух, которые в конечном итоге будут показаны вместе с другими.

Дэн Дос Сантос – живая легенда и хороший друг. Он привносит свой фирменный стиль в «модные вкладки» в этом томе, решая трудную задачу изображения певцов чужеродными, но одновременно такими, чтобы читатели могли идентифицировать себя с ними эмоционально. Я думаю, он с этим справился, и результат вышел фантастический.

В этом году Бен Максуини полностью присоединился к команде «Dragonsteel», и в книге представлены некоторые из его лучших работ. Страницы со спренами Шаллан особенно удачно дополняют визуальную эстетику Рошара. Мне нравится, как рисунок Бена, в подробностях изображающий атриум Уритиру, помогает передать необъятность города; в этом смысле особо благодарю Алекса Шнайдера за консультации по некоторым архитектурным вопросам.

Огромное спасибо Келли Харрис, основному члену нашей буресветной команды, которая всегда оживляет страницы блокнота Навани, применяя безупречный дизайнерский подход, который напоминает замыслы рисунков Альфонса Мухи начала XX века.

Кроме того, многие художники и другие люди трудились «за кулисами», а потому заслуживают огромной благодарности. Это Миранда Микс, Говард Лайон, Шон Бойлз, Кори Бойлз, Джейкоб, Изабель, Рейчел, Софи и Хейли Лазо.

В работе над этой книгой нам помогли несколько очень важных экспертов. Шэд «Шейдиверсити» Брукс был нашим главным консультантом по историческим боевым искусствам. Карл Фиск также одолжил нам часть своего опыта в этой области – хотя, если я что-то не так понял, это не вина экспертов. Это почти наверняка что-то, что я либо не показал им вовремя, либо забыл поправить.

Нашим экспертом по диссоциативному расстройству личности была Бритт Мартин. Я действительно ценю ее готовность помочь мне в изображении психических заболеваний в этих книгах. В «Ритме войны» она была нашим тайным Сияющим рыцарем, который неизменно подталкивал меня вперед.

Особая благодарность четырем бета-читателям – в частности, за их подробные отзывы об определенном аспекте сексуальности: Пейдж Филлипс, Аликс Хоге, Блу и Е. Н. Вейр. Книга стала лучше благодаря вашему вкладу.

В рабочую группу, потрудившуюся над этой книгой, входят: Кейлин Зобелл, Кэтлин Дорси Сандерсон, Эрик Джеймс Стоун, Дарси Стоун, Алан Лэйтон, Бен «Брендон, пожалуйста, хоть раз произнеси мое имя по буквам правильно» Олзедиксплоксиплентивар, Итан Скарстедт, Карен Альстром, Питер Альстром, Эмили Сандерсон и Говард Тайлер. И лучшей группы веселых мужчин и женщин вы не найдете. Они читали огромные куски этой книги каждую неделю и постоянно сталкивались с тем, как я делаю существенные изменения, чтобы довести роман до ума.

В нашу экспертную команду бета-читателей на этот раз вошли: Брайан Т. Хилл, Джессика Эшкрафт, Сумейя Муратагич-Тадич, Джошуа «Джофву» Харки, Келлин Нойманн, Джори «Вышибала Джор» Филлипс (поздравляю, Джори!), Дрю Маккаффри, Лорен Маккаффри, Лилиана Кляйн, Евгений «Арджент» Кирилов, Дарси Коул, Брэндон Коул, Джо Дирдефф, Остин Хасси, Элияху Береловиц Левин, Меган Канне, Аликс Хоге, Трэй Купер, Диана Ковел Уитни, Ричард Файф, Кристина Гудман, Боб Клутц, Орен Мейрон, Пейдж Вест, Бекка Репперт, Бен Репперт, Тед Херман, Иэн Макнатт, Кальяни Полури, Рахул Пантула, Гэри Сингер, Линтин «Ботаника» Сюй, Росс Ньюберри, Дэвид Беренс, Тим Чалленер, Мэтт Винс, Джулия Костантини, Элис Арнесон, Пейдж Филлипс, Рави Персо, Бао Фам, Обри Фам, Адам Хасси, Никки Рамзи, Джоэл Д. Филлипс, Зенеф Марк Линдберг, Тайлер Патрик, Марни Петерсон, Линдси Лютер, Мишель Уокер, Джош Уокер, Джейден Кинг, Эрик Лейк и Крис Клюве.

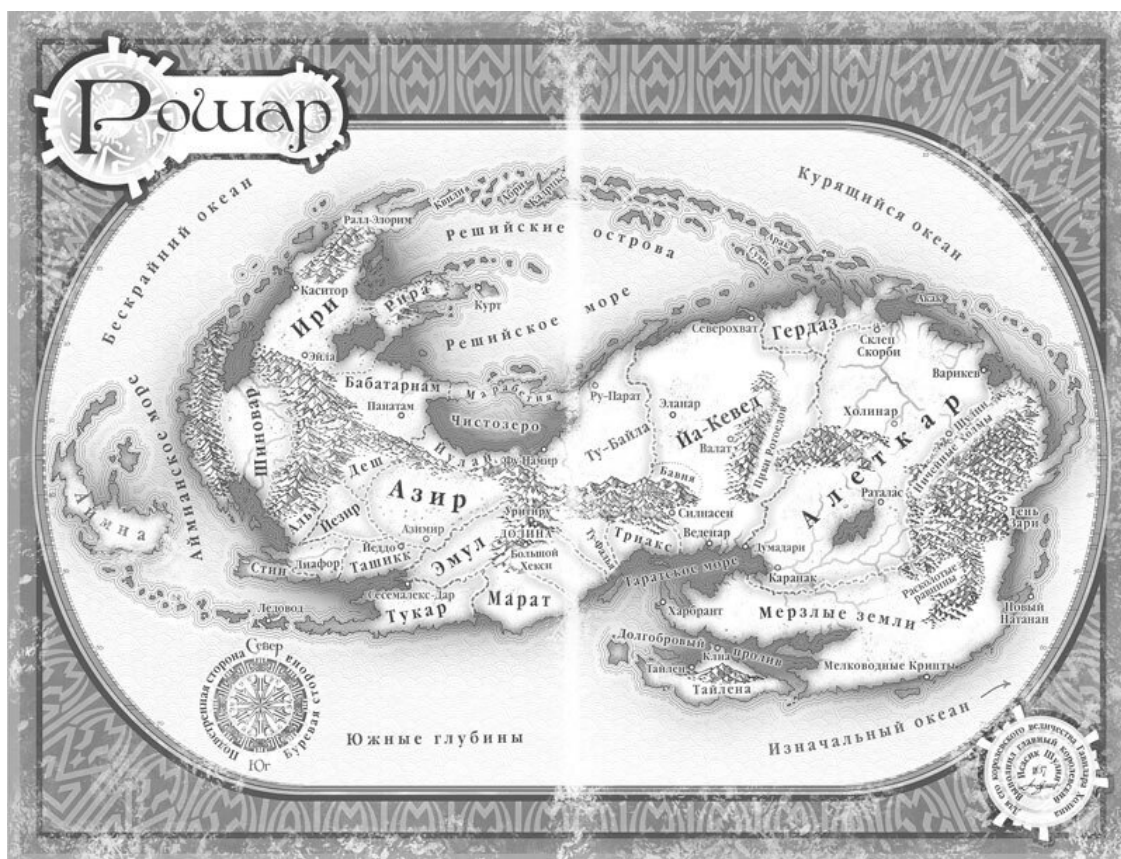
Нашим специальным координатором комментариев бета-читателей был Питер Оруллиан, который и сам по себе отличный автор.

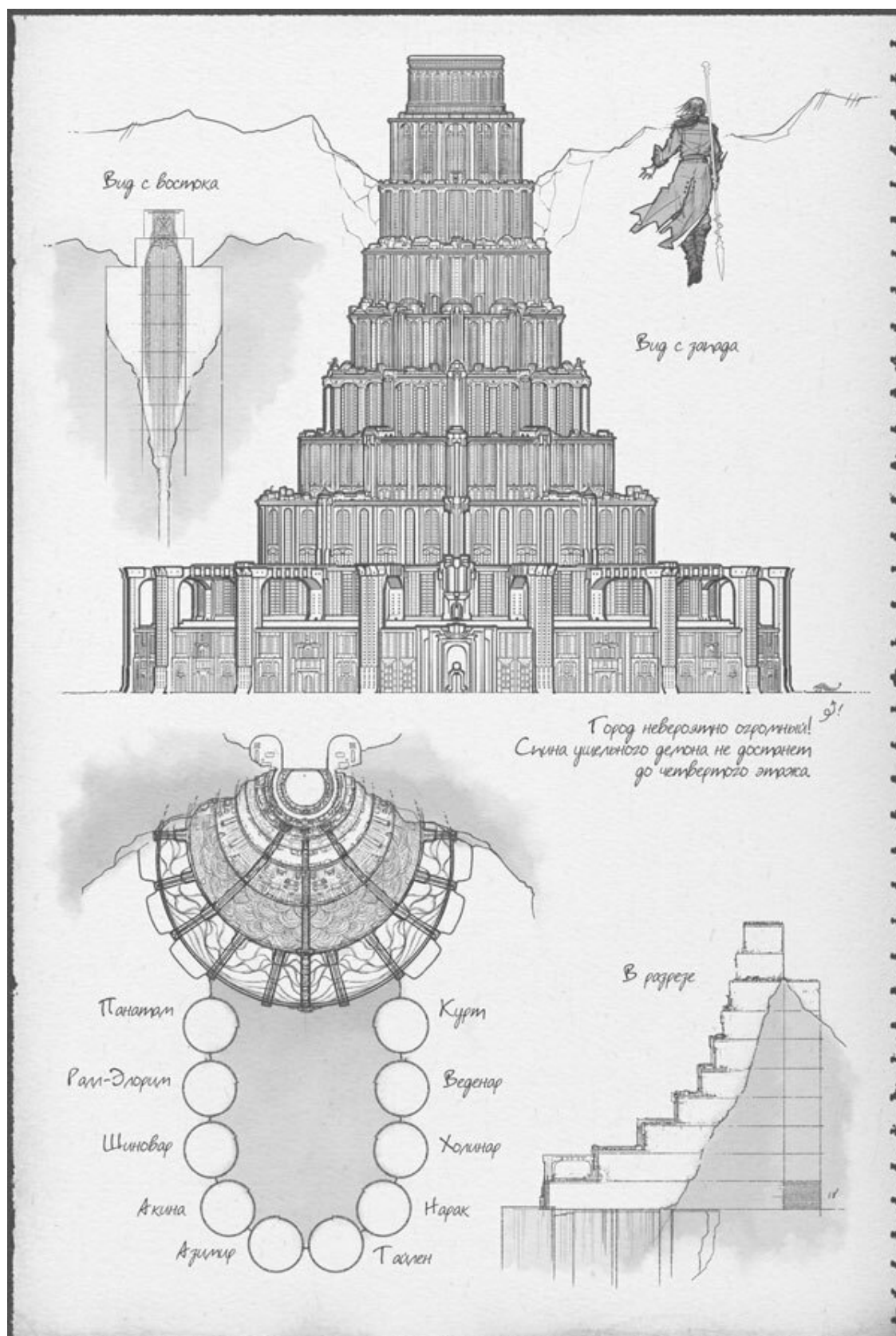
Среди наших гамма-читателей было много бета-читателей, а также Крис Макграт, Жуан Менезиш Морайш, Брайан Маньянт, Дэвид Фэллон, Роб Уэст, Шивам Бхатт, Тодд Сингер, Джесси Белл, Джефф Такер, Джесси Саломон, Шеннон Нельсон, Джеймс Андерсон, Фрэнки Джером, Зои Ларсен, Линнея Линдстром, Аарон Форд, Пунам Десаи, Рам Шохам, Дженнифер Нил, Глен Фогелаар, Тейлор Коул, Хизер Клиггер, Донита Ордерс, Рэйчел Литтл, Сюзанна Мусин, Уильям «абердашер», Кристофер Коттингем, Курт Мэнвэринг, Крис Мэйси, Джейкоб Хансакер, Аарон Биггс, Амит Штейнхарт, Кендра Уилсон, Сэм Баскин и Алекс Расмуссен.

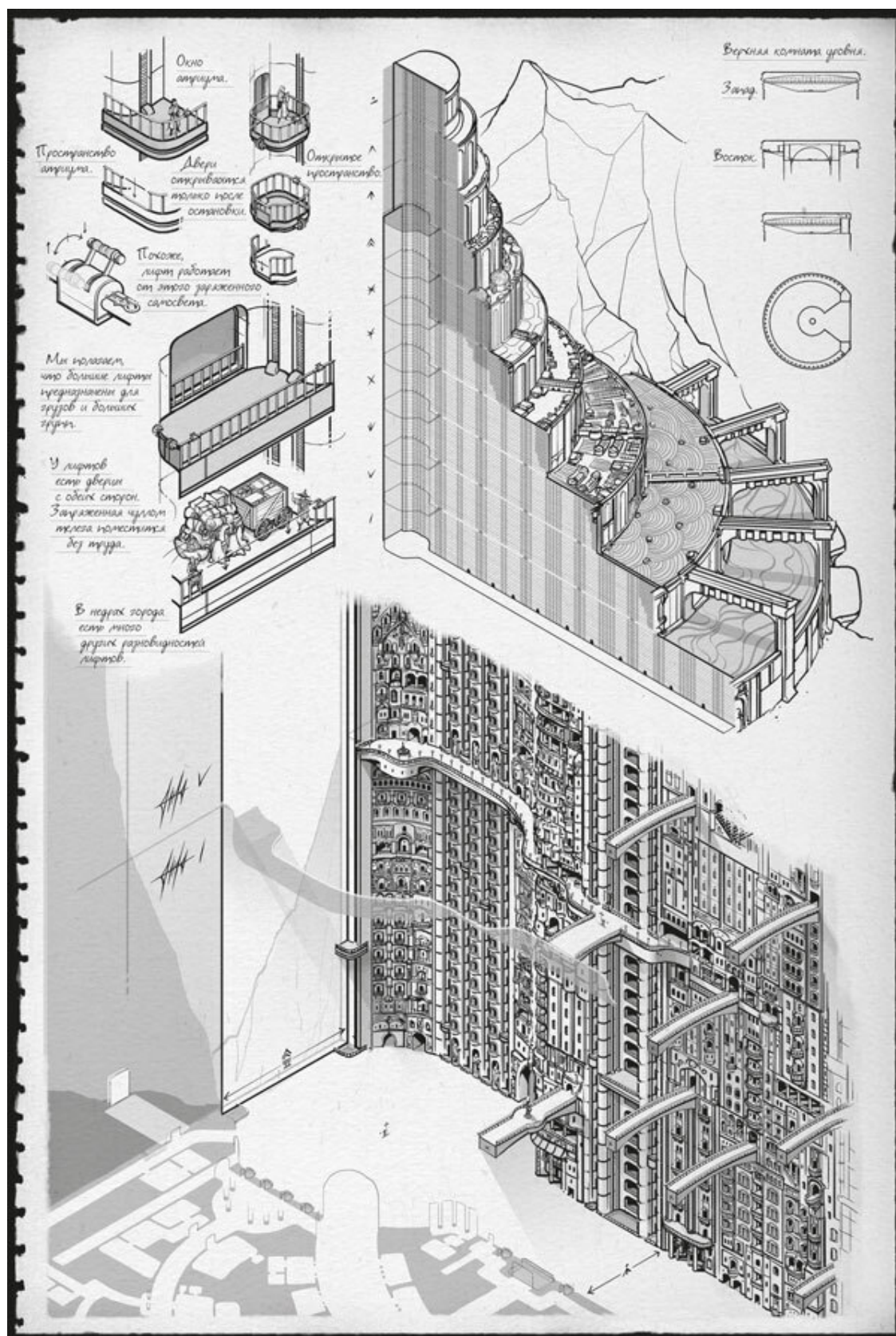
Я в курсе, что многие из вас хотели бы присоединиться к команде бета- или гамма-читателей, но знайте – это не так похоже на работу мечты, как вам кажется. Этим людям часто приходится читать книгу в очень ограниченные сроки и в незавершенном виде. Соглашаясь на это, они лишаются удовольствия получить книгу сразу в ее наилучшем варианте, портят собственные впечатления, чтобы улучшить ваши. Я ценю их неустанную работу и их отзывы. Благодаря их усилиям эта книга стала гораздо лучше.

Это был огромный список, я знаю. Он становится больше в каждой книге! Но я искренне ценю каждого из своих помощников. Как я часто говорю, мое имя стоит на обложке, но эти романы на самом деле представляют собой коллективную работу, использующую таланты и знания огромного числа людей, преданных своему делу.

Благодаря им вы теперь можете почувствовать «Ритм войны», четвертую книгу «Архива Буресвета». Желаю приятного путешествия.

Пролог Притворяться

Семь лет назад

Конечно, паршенди захотели играть на своих барабанах.

Конечно, Гавилар им разрешил.

И конечно, он не подумал предупредить Навани.

– Вы видели размеры этих инструментов? – спросила Маратхэм, проводя руками по своим черным волосам. – Куда их поместить? Мы и так уже на пределе, после того как ваш супруг пригласил всех иностранных сановников. Мы не можем...

– Мы рассадим избранных в верхнем зале для торжеств, – сказала Навани, сохраняя внешнее спокойствие, – и поставим барабаны там, возле королевского стола.

Все остальные на кухне были близки к панике: помощники поваров носились туда-сюда, кастрюли гремели, спрены предчувствия колыхались над полом, как знамена. Гавилар пригласил не только великих князей, но и их родственников. И всех до одного великих лордов в городе. И он хотел двойной Пир нищих. А теперь... барабаны?

– Мы уже заставили всех работать в нижнем пиршественном зале! – воскликнула Маратхэм. – У меня нет столько людей, чтобы устроить...

– Сегодня ночью вокруг дворца слоняется вдвое больше солдат, чем обычно, – сказала Навани. – Мы попросим их помочь тебе со всем разобраться.

Выставить дополнительную охрану, продемонстрировать силу? В этом смысле на Гавилара всегда можно было положиться.

Для всего остального у него была Навани.

– Да, это может сработать, – согласилась Маратхэм. – Будет славно заставить этих грубиянов потрудиться, а то они только под ногами путаются. Значит, у нас два главных пира? Ладно. Дышим глубже.

Невысокая дворцовая распорядительница поспешно удалилась, едва не налетев на поваренка с большой миской дымящихся моллюсков.

Навани отступила в сторону, пропуская будущего повара. Юноша благодарно кивнул; слуги уже давно перестали нервничать, когда она появлялась на кухне. Навани ясно дала им понять, что если работаешь честно и усердно, то можешь никого не бояться.

Несмотря на скрытое напряжение, они, казалось, хорошо держали себя в руках – хотя раньше все перепугались, обнаружив червей в трех бочках с зерном. К счастью, Навани удалось выцарапать у светлорда Амарама припасы, сделанные для его людей. Прямо сейчас при помощи поваров, позаимствованных в монастыре, они и впрямь могли бы накормить всех гостей Гавилара.

«Нужно будет дать указания, как распределить приглашенных по пиршественным залам», – подумала Навани, выскальзывая из кухни в дворцовый сад. И надо оставить в обоих немного свободных мест. Как знать, сколько народу явится без приглашения?

Через сад Навани прошла к боковым дверям дворца. Здесь она будет меньше путаться под ногами, и ей не придется уворачиваться от слуг. На ходу она огляделась, чтобы убедиться, что все фонари на месте. Хотя солнце еще не село, она хотела, чтобы дворец Холинара ярко сиял сегодня вечером.

Так, стоп. Неужели это Эсудан – ее невестка, жена Элокара, – стоит возле фонтанов, болтая с двумя пожилыми ревнителями? Она должна встречать гостей внутри. Длинные волосы Эсудан были собраны в пучок и украшены самосветами всех оттенков. Такая пестрота смотрелась вычурно – Навани предпочитала несколько простых камней одного оттенка, – но действительно выделяла стройную Эсудан.

Бури яркие и дерзкие... это же Рушур Крис, художник и мастер-артефабр. Когда он приехал? Кто его пригласил? Он держал в руках коробочку с нарисованным на ней цветком. Может быть, это... один из его новых фабриалей?

Навани почувствовала, что ее тянет к этой группе, и прочие мысли вылетели из головы. Как он сделал нагревательный фабриаль, заставляя температуру меняться? Она видела рисунки, но поговорить с самим мастером...

Увидев Навани, Эсудан широко улыбнулась. Радость ее казалась неподдельной, что было необычно – по крайней мере, по адресу Навани. Она старалась не воспринимать неприязнь Эсудан к ней как личное оскорбление; всякая невестка опасается свекрови, это дело обычное. Особенно если девушка не может похвалиться никакими талантами.

Навани улыбнулась в ответ и хотела вступить в разговор, надеясь получше рассмотреть коробочку, но Эсудан взяла ее за руку:

– Мама! Я совершенно забыла о нашей встрече. Я иногда такая легкомысленная! Мне ужасно жаль, ревнитель Крис, но я вынуждена покинуть вас.

С нешуточной силой Эсудан потянула Навани через сад, назад к кухне.

– Спасибо Келеку, что вы появились, мама. Этот человек – самый ужасный зануда в целом мире.

– Зануда? – переспросила Навани, через плечо оглянувшись на ревнителя. – Он говорил о...

– Самосветах. И опять о самосветах. А также о спренах, о ящиках со спренами и бурях! Ну понимать же надо. Я встречаюсь с важными людьми. Жены великих князей, лучшие военачальники страны – все явились поглазеть на диких паршунов. И тут я застаю в саду, втянутая в разговор с ревнителем? Да будет вам известно, что ваш сын меня там бросил. Когда я его найду...

Навани высвободилась из хватки Эсудан.

– Кто-то должен развлекать этих ревнителей. Почему они здесь?

– Не спрашивайте меня, – отрезала Эсудан. – Гавилару они для чего-то понадобились, но он заставил Элокара развлекать их. Невежливо – вот как это называется. Честное слово!

Гавилар пригласил одного из самых известных в мире артефакторов посетить Холинар и не потрудился сказать об этом Навани? В душе ее всколыхнулась ярость, которую женщина тщательно скрывала и держала взаперти. Шквал бы его побрал! Как... как он мог...

Спрены гнева начали собираться у ее ног в виде лужицы кипящей крови. «Успокойся, Навани», – одернула она сама себя. Может быть, он собирается преподнести ревнителей в подарок. Усилием воли она прогнала гнев.

– Светлость! – позвали из кухни. – Светлость Навани! О, пожалуйста! У нас проблема.

– Эсудан, – сказала Навани, не сводя глаз с ревнителя, который побрел к монастырю. – Не могла бы ты помочь на кухне? Мне бы хотелось...

Но Эсудан уже спешила к другой группе в саду, в которой присутствовало несколько великих лордов-генералов. Навани глубоко вздохнула и подавила очередной приступ разочарования. Эсудан утверждала, что заботится о приличиях и манерах, но собиралась вмешаться в разговор мужчин, не имея при себе мужа, чье присутствие хоть отчасти оправдало бы такое поведение.

– Светлость! – снова позвал повар, помахав ей рукой.

Навани бросила последний взгляд на ревнителя, затем стиснула зубы и поспешила на кухню, стараясь не зацепиться юбкой за декоративный сланцекорник.

– А теперь что случилось?

– Вина не хватает. У нас нет ни «Клавенды», ни «Рубиновой скамьи».

– Как? – изумилась она. – У нас же есть запасы...

Они с поваром посмотрели друг на друга: ответ был очевиден. Далинар снова нашел их винный погреб. Он стал почти виртуозом в деле тайного опустошения бочек, чтобы угощаться вместе с друзьями. Если бы он хоть половину этого усердия направил на нужды королевства!

– Еще есть моя личная коллекция. – Навани достала из кармана записную книжку и сжала ее защищенной рукой через ткань рукава, чтобы написать записку. – Я храню ее в монастыре, под присмотром сестры Таланы. Покажи ей это, и она тебя пропустит.

– Благодарю, светлость. – повар взял записку.

Но не успел он выйти за дверь, как Навани заметила управляющего дворцом – седобородого мужчину с бесчисленными кольцами на пальцах. Нервно теребя кольца на левой руке, он топтался на лестнице, ведущей во дворец. Похоже, опять проблемы!

– Что случилось? – спросила Навани, решительно направляясь к нему.

– Прибыл великий лорд Райн Хатам и просит аудиенции у короля. Вы помните, его величество обещал поговорить с Райном сегодня вечером о...

– О пограничном споре и неправильно нарисованных картах, да, – вздохнула Навани. – А где же мой супруг?

– Неясно, светлость. В последний раз его видели с светлордом Амарамом и некоторыми из этих... необычных личностей.

Так дворцовый персонал называл новых друзей Гавилара – тех, кто появлялся без предупреждения или объявления и редко называл свои имена.

Навани стиснула зубы, прикидывая, куда мог скрыться Гавилар. Он рассердится, если она ему помешает. Ну и хорошо. Ему следовало бы позаботиться о своих гостях, а не полагать, что она справится со всем и со всеми.

К сожалению, в данный момент она... ну, ей придется справиться со всем и всеми.

Она позволила встревоженному управляющему проводить ее до парадного входа, где гостей развлекали музыкой, напитками и поэзией, пока готовился пир. Некоторых старшие слуги повели поглядеть на паршенди – истинную новинку этой ночи. Не каждый день король Алеткара подписывает договор с группой таинственных паршунов, которые умеют говорить.

Она извинилась перед великим лордом Райном за отсутствие Гавилара: может быть, она сама посмотрит карты? После этого ее остановила вереница нетерпеливых мужчин и женщин, которых привело во дворец обещание аудиенции у короля.

Навани заверила светлоглазых, что их заботы были услышаны. Пообещала разобраться с несправедливостью. Успокоила смятенные чувства тех, кто думал, что личное приглашение от короля означает, что они действительно увидят его, – редкая привилегия в эти дни, если только вы не из числа «необычных личностей».

Гости, конечно, все еще прибывали. Этих не было в обновленном списке, который раздраженный Гавилар предоставил ей ранее в тот же день.

Золотые ключи Вев! Навани заставила себя сделать приветливое лицо. Она улыбалась, смеялась, махала рукой. Тайком сверяясь со своим блокнотом, спрашивала о семьях, новорожденных и любимых рубигончих. Интересовалась их торговыми делами, делала заметки о том, кто из светлоглазых кого избегает. Короче говоря, вела себя как королева.

Это занятие очень выматывало, оставляя без душевных сил, но таков ее долг. Возможно, когда-нибудь она сможет проводить свои дни, возясь с фабриями и притворяясь ученой. Сегодня она выполнит свою работу, пусть и чувствуя себя самозванкой в глубине души. При всей древности своего происхождения Навани не могла заставить замолчать внутренний голос, с тревогой шептавший, что на самом деле она всего лишь провинциалка из захолустья, одетая в чужое платье.

В последнее время неуверенность усилилась. Спокойно. Спокойно. Здесь не место для подобных размышлений. Навани обошла комнату, с удовольствием отметив, что Эсудан нашла Элокара и в кои-то веки беседует с ним, а не с посторонними мужчинами. Элокар действительно выглядел счастливым, руководя началом празднества в отсутствие отца. Адолин и Ренарин тоже были поблизости, одетые в строгие мундиры, – первый очаровывал стайку молодых женщин, второй рядом с братом казался неуклюжим и неловким.

И... там был Далинар. Стоял, выпрямившись во весь рост. Почему-то он был выше любого мужчины в комнате. Он еще не опьянел, и люди кружили близ него, как у костра в холодную ночь, – нуждаясь в тепле, но боясь обжечься. Эти его затравленные глаза, пылающие страстью...

Бури полыхающие! Навани извинилась и быстро поднялась по ступенькам туда, где ей не будет так жарко. Удалиться было плохой идеей; короля нет, и если королева тоже исчезнет, возникнут вопросы. Но пусть уж какое-то время они все потерпят без нее. Кроме того, здесь, наверху, она могла бы проверить одно из укрытий Гавилара.

Пробираясь через похожие на темницы коридоры, она разминулась с паршенди: они несли свои барабаны и переговаривались на непонятном языке. Почему в этом месте нельзя добавить естественного света, сделать еще хоть пару окон? Она говорила об этом с Гавиларом, но ему нравилось как есть. Так у него больше мест, чтобы спрятаться.

«Здесь, – подумала она, останавливаясь на перекрестке. – Голоса».

– То, что я могу возить их с Брейза и обратно, ничего не значит, – сказал один. – Это слишком близко, какое уж тут расстояние!

– Всего несколько лет назад такое было невозможно, – произнес глубокий, мощный голос. Гавилар здесь! – Это доказательство. Связь не разрывается, и ящик позволяет путешествовать. Пока не так далеко, как вам хотелось бы, но надо же с чего-то начинать.

Навани выглянула из-за угла. Дверь в конце короткого коридора впереди была приоткрыта, пропуская голоса наружу. Да, Гавилар устроил встречу именно там, где она и ожидала: в ее кабинете. Это была уютная комнатка с красивым окном, спрятанная в углу второго этажа. Сама она редко бывала в кабинете, но люди вряд ли стали бы искать там Гавилара.

Она медленно приблизилась и заглянула в приоткрытую дверь. Гавилар Холин был достаточно велик, чтобы заполнить собой всю комнату. Он носил бороду, но та придавала ему вид

не столько старомодный, сколько классический. Он был словно ожившая картина, воплощение старого Алеткара. Некоторые думали, что он может стать законодателем моды, но мало кому подобный стиль был бы к лицу.

Кроме того, вокруг Гавилара все... искажалось. Ничего сверхъестественного или бессмысленного. Просто... ну, кто угодно признал бы, что Гавилар может поступать как вздумается, вопреки любой традиции или логике. Для него это сработает. Так было всегда.

Король разговаривал с двумя мужчинами, которых Навани вроде бы уже видела. Высокий макабаки с родимым пятном на щеке и воринец ниже ростом, с круглым лицом и маленьким носом. Их называли послами с Запада, не уточняя, от какого же королевства они посланы.

Макабаки с каменной физиономией прислонился к книжному шкафу, скрестив руки на груди. Воринец ломал руки, напоминая Навани дворцового управляющего, хотя этот человек казался намного моложе. Лет двадцать пять? Может, тридцать с небольшим? Нет, он мог быть и старше.

На столе между Гавиларом и мужчинами лежала горстка сфер и самосветов. При виде их у Навани перехватило дыхание. Они были распределены по цветам и яркости, но некоторые казались странными: светились обратным светом, как будто были маленькими ямами фиолетовой тьмы, впитывающими цвет вокруг себя.

Она никогда не видела ничего подобного раньше, но самосветы со спренами, запертыми внутри, могли иметь самые разные причудливые проявления и эффекты. Эти... наверное, они предназначены для фабрикалей. Что общего у Гавилара со сферами, странным светом и выдающимися артефактами? Почему он никогда с ней об этом не говорил?

Гавилар внезапно выпрямился и посмотрел в сторону двери, хотя Навани не издала ни звука. Их взгляды встретились. Она толкнула дверь, как будто собиралась войти. Она не шпионила, она была королевой, хозяйкой этого дворца. Она могла войти куда хотела, особенно в свой кабинет.

– Супруг мой, – сказала она. – Гости скучают без тебя. Ты, кажется, потерял счет времени.

– Господа, – обратился Гавилар к послам, – я должен извиниться.

Нервный воринец провел рукой по своим жидким волосам:

– Гавилар, я хочу побольше узнать о проекте. Кроме того, ты должен знать, что сегодня здесь еще кое-кто из нас. Я успел заметить следы ее пребывания.

– У меня скоро встреча с Меридасом и остальными, – сказал Гавилар. – Они мне еще кое-что расскажут, и сможем поговорить снова.

– Нет, – резко ответил макабаки. – Сомневаюсь, что мы это сделаем.

– Это еще не все, Нейл! – возразил воринец, хотя и последовал за своим другом, когда тот вышел. – Это очень важно! Я хочу уйти. Это единственный способ...

– Что это было? – спросила Навани, когда Гавилар закрыл дверь. – Это не послы. Кто они на самом деле?

Не отвечая, Гавилар принялся неторопливо собирать сферы со стола и складывать в мешочек.

Навани бросилась вперед и схватила одну.

– Что это? Откуда ты взял сферы, которые вот так светятся? Это как-то связано с теми артефактами, которых ты пригласил?

Она посмотрела на него, ожидая какого-то ответа, какого-то объяснения.

Вместо этого он протянул руку за ее сферой:

– Это тебя не касается, Навани. Возвращайся на пир.

Она сжала сферу в кулаке:

– Чтобы продолжать прикрывать тебя? Ты обещал великому лорду Райну, что будешь посредником в его споре именно сегодня? Знаешь, сколько людей тебя ждет? И ты сказал,

что до начала пира должен принять участие еще в одном совещании? Собираешься просто проигнорировать наших гостей?

– Знаешь ли ты, женщина, – тихо проговорил он, – как я устал от твоих постоянных вопросов?

– Тогда попробуй ответить разок-другой. Это был бы новый опыт – обращаться с женой как с человеком, а не как с машиной, созданной для подсчета дней недели.

Он взмахнул рукой, требуя сферу.

Навани инстинктивно крепче сжала ее.

– Почему? Почему ты продолжаешь отгораживаться от меня? Умоляю, скажи.

– Я имею дело с секретами, с которыми ты не справишься, Навани. Если бы ты знала масштабы того, что я затеял...

Она нахмурилась. Масштабы чего? Он уже завоевал Алеткар. Объединил великих князей. Неужели речь о том, что он обратил свой взор к Ничейным холмам? Несомненно, заселение клочка дикой пустоши, где обитает всего лишь странное племя паршунов, не идет ни в какое сравнение с тем, чего он уже достиг.

Он взял ее за руку, разжал пальцы и вынул сферу. Она не сопротивлялась – это было бы уже опасно. Он никогда не применял к ней силу, но еще в его арсенале имелись замечания. Угрозы.

Гавилар взял странную, приковывающую внимание сферу и спрятал в мешочек вместе с остальными. Туго затянул завязки, словно подводя конец спору, затем сунул кошель в карман.

– Ты наказываешь меня? – спросила Навани. – Ты же знаешь, как я люблю фабриали. Ты специально дразнишь меня, потому что знаешь, что это будет больно.

– Возможно, ты научишься думать, прежде чем говорить, Навани. Возможно, ты узнаешь опасную цену слухов.

«Опять?..»

– Гавилар, ничего не было.

– Думаешь, меня это волнует? Или, по-твоему, это волнует придворных? Для них ложь ничем не хуже истины.

Навани поняла: это правда. Гавилару было все равно, изменяла ли она ему, – а она не изменяла. Но то, что она сказала, породило слухи, которые трудно было остановить.

Гавилара заботило только его наследие. Он хотел, чтобы его запомнили как великого короля, великого вождя. Это стремление всегда подталкивало его, но в последнее время переросло во что-то другое. Он все спрашивал: запомнят ли его как величайшего короля Алеткара? Мог ли он соперничать со своими предками, такими людьми, как Солнцетворец?

Если королевский двор решит, что он не справляется с собственной женой, разве это не запятнает его наследия? Что толку в королевстве, если Гавилар знает, что жена тайно любит его брата? Эти мысли были все равно что досадный скол в мраморе его монумента на самом видном месте.

– Поговори со своей дочерью, – сказал Гавилар, поворачиваясь к двери. – Кажется, мне удалось успокоить гордость Амарама. Он может принять ее снова, а то ведь ее время истекает. Мало кто из других претендентов обратит на нее внимание; мне, вероятно, придется отдать половину королевской казны, чтобы избавиться от девчонки, если она снова откажет Мери-дасу.

– Вот сам с ней и говори, – фыркнула Навани. – Если то, чего ты добиваешься, так важно, стоит в кои-то веки сделать это самому. Кроме того, я не люблю Амарама. Ясна заслуживает лучшего.

Он замер, потом оглянулся и проговорил медленно и тихо:

– Ясна выйдет замуж за Амарама, как я ей велел. Она отбросит эту мечту прославиться, отрицая церковь. Ее высокомерие пятнает репутацию всей семьи.

Навани шагнула вперед, и ее голос стал таким же холодным, как и его.

– Ты понимаешь, что девочка все еще любит тебя, Гавилар? Они все тебя любят. Элокар, Далинар, мальчишки... они поклоняются тебе. Уверен, что хочешь открыть им, кто ты на самом деле? Они – твое истинное наследие. Относишься к ним с осторожностью. От них зависит, каким тебя запомнят люди.

– Меня запомнят великим, Навани. Никакие усилия посредственностей вроде Далинара или моего сына не сумеют этому помешать. И лично я подозреваю, что для Элокара слово «посредственность» – это комплимент.

– А как же я? Я могла бы написать твою историю. Твое жизнеописание. Что бы ты ни сделал, чего бы ты ни достиг... это эфемерно, Гавилар. Для будущих поколений чей бы то ни было образ создают слова на странице. Ты отвергаешь меня, но я держу в руках то, что тебе дороже всего. Толкни меня слишком сильно – и я сожму кулаки.

Он не ответил. Ни криков, ни ярости, но холодная пустота в его глазах могла поглотить королевства и оставить только черноту. Он поднял руку к ее подбородку и нежно обхватил его – это была насмешка над былыми знаками любви.

Она оказалась больнее пощечины.

– Знаешь, Навани, почему я не впутываю тебя в это? – мягко спросил он. – По-твоему, ты сможешь принять правду?

– Попробуй хоть раз. Это было бы живительно.

– Ты недостойна этого, Навани. Называешь себя ученой, но где же твои открытия? Ты изучаешь свет, но сама – его противоположность. Вещь, которая уничтожает свет. Ты проводишь время, барахтаясь в кухонных отбросах и размышляя о том, распознает ли какой-нибудь ничтожный светлоглазый правильные линии на карте. Великий человек так не поступает. Ты не ученая. Тебе просто нравится быть рядом с ними. Ты не артефабр. Ты всего лишь женщина, которая любит безделушки. У тебя нет собственной славы, достижений или способностей. Все, что отличает тебя от остальных, пришло от кого-то другого. У тебя нет власти – ты просто любишь выходить замуж за мужчин, у которых она есть.

– Да как ты смеешь...

– Отрицай это, Навани, – отрезал он. – Отрицай, что любила одного брата, но вышла замуж за другого. Ты притворялась, что обожаешь человека, которого ненавидела, – и все, поскольку знала, что он станет королем.

Она отпрянула от него, вырываясь из его хватки и отворачиваясь. Зажмурилась и почувствовала слезы на щеках. Это было сложнее, чем он предполагал: она любила их обоих, но сосредоточенность Далинара ее страшила. Она выбрала Гавилара, надеясь, что жизнь с ним будет спокойнее.

Но в обвинениях Гавилара была доля правды. Она могла бы солгать себе и сказать, что всерьез думала о Далинаре, но все они знали, что в конце концов она выберет Гавилара. Так она и поступила. Из них двоих он был более влиятельным.

– Ты отправилась туда, где больше денег и власти, – продолжил Гавилар. – Как заурядная шлюха. Пиши обо мне все, что хочешь. Говори, кричи, провозглашай. Я переживу твои обвинения, и мое наследие сохранится. Я открыл вход в царство богов и легенд; и как только я присоединюсь к ним, мое владычество станет вечным. Ему никогда не будет конца.

Затем он вышел, с тихим щелчком закрыв за собой дверь. Даже в пылу спора он контролировал ситуацию.

Дрожа, Навани на ощупь добралась до кресла у стола, где бурлили спрены гнева. Спрены стыда порхали вокруг нее, как белые и красные лепестки.

Ярость заставила ее задрожать. Ярость на него. На себя – за то, что не дала сдачи. На мир – потому что она знала: он сказал правду, по крайней мере отчасти.

«Нет, не позволяй его лжи стать твоей правдой. Борись с ней».

Стиснув зубы, она открыла глаза и начала рыться в столе в поисках масляной краски и бумаги.

Она начала рисовать, с каллиграфической точностью проводя каждую линию. Гордость, словно в доказательство его правоты, заставляла ее быть дотошной и безупречной. Эти действия обычно успокаивали. То, как аккуратные, упорядоченные линии превращались в слова; то, как краска и бумага обретали смысл.

В конце концов у Навани получился один из лучших охранных глифов, которые она когда-либо создавала. Он содержал три простых символа: «смерть», «дар», «смерть». Она нарисовала каждый в форме башни Гавилара или геральдического меча.

Рукотворная молитва быстро сгорела в пламени лампы, ярко полыхая. И как только это произошло, ее душевный подъем сменился стыдом. Что она делает? Молится о смерти мужа? Спрены стыда нагрянули с новой силой.

Как до этого дошло? Их ссоры становились все отвратительнее. Мужчина, с которым Навани сталкивалась в последнее время, не был ее Гавиларом. Он вел себя иначе, когда разговаривал с Далинаром, Садеасом или даже с Ясной.

Гавилар был выше подобного. Она подозревала, что и ему это известно. Завтра она получит цветы. Никаких извинений в придачу, но какой-нибудь подарок – обычно это был браслет.

Да, он знал, что должен стремиться к лучшему. Но... каким-то образом она пробуждала в нем чудовище. А он каким-то образом пробуждал в ней слабость. Она хлопнула защищенной рукой по столу, другой рукой потирая лоб.

Бури. Казалось, не так давно они сидели и обсуждали королевство, которое им предстояло создать. Теперь ни один разговор не обходился без того, чтобы схватиться за самые острые ножи и вонзить прямо в самые больные места с точностью, приобретенной только благодаря давнему знакомству.

С усилием она взяла себя в руки, поправила макияж, пригладила волосы. Может быть, Гавилар и прав насчет нее, но сам-то он всего лишь головорез из глухомани, чересчур удачливый и наделенный способностью дурить хороших людей, заставляя следовать за ним.

Если такой человек мог притворяться королем, то она могла притворяться королевой. Во всяком случае, у них было королевство.

Хоть кто-то должен попытаться им править.

Об убийстве Навани ничего не слышала, пока оно не свершилось.

На пиру они, словно образцовая королевская пара, возглавляли каждый свою трапезу и друг с другом общались сердечно. Потом Гавилар ушел, сбежал под первым попавшимся предлогом. По крайней мере, он дождался окончания ужина.

Навани отправилась попрощаться с гостями. Намекнула, что у Гавилара не было намерения кого-то оскорбить, он просто устал от длительных разъездов. Да, она уверена, что скоро он устроит аудиенцию. Они с удовольствием приедут, как только пройдет следующая буря...

Это продолжалось до тех пор, пока ей не стало казаться, что от улыбок лицо вот-вот пойдет трещинами. Она вздохнула с облегчением, когда за ней прибежала посыльная, и отошла от уходящих гостей, ожидая услышать, что разбилась дорогая ваза или что Далинар храпит за своим столом.

Вместо этого посыльная привела Навани к дворцовому управляющему. Лицо старика было искажено горем, глаза покраснели, а руки тряслись. Он потянулся к ней и взял за руку – словно для устойчивости. Слезы текли по его лицу, застревая в клочковатой бороде.

При виде столь бурных чувств она осознала, что редко думает о нем как о человеке – даже не всегда помнит, как его зовут. Для нее он был просто частью дворцовой обстановки, почти как статуи перед входом. Почти тем же, чем сама она была для Гавилара.

– Герех, – сказала она, смущенно беря его за руку. – Что случилось? Вы хорошо себя чувствуете? Мы слишком вас заездили...

– Король, – выдавил старик. – О светлость, они забрали нашего короля! Эти паршуны. Эти варвары. Эти... эти чудовища.

Навани сразу же заподозрила, что Гавилар нашел какой-то способ сбежать из дворца и все решили, что его похитили. «Ну что за человек!» – подумала она, представляя его в городе с теми необычными посетителями, обсуждающим секреты в темной комнате.

Герех крепче прижал ее руку к себе.

– Светлость, они убили его. Король Гавилар мертв.

– Не может быть, – сказала она. – Он самый могущественный человек в стране, а то и во всем мире. Окруженный осколочниками. Ты ошибаешься, Герех. Он...

«Он вынослив, как буря», – хотела она сказать. Но, конечно, это было не так – он просто хотел, чтобы люди так думали. «Моему владычеству никогда не будет конца...» Когда он говорил такие вещи, ему трудно было не верить.

Лишь увидев труп, Навани осознала правду – та начала просачиваться в сознание, одевая холодом, как зимний дождь. Тело Гавилара, изломанное и окровавленное, лежало на столе в кладовке; охранники отталкивали испуганных слуг, когда те просили объяснений.

Навани стояла над мертвым мужем. Даже видя его с кровью в бороде, в разбитом осколочном доспехе, бездыханным и с зияющими ранами на теле... даже теперь она задавалась вопросом: не уловка ли это? То, что лежало перед ней, было невероятно. Гавилар Холин не мог просто взять и умереть, как обычный человек.

Она попросила показать обрушившийся балкон, где Гавилар был найден без признаков жизни после падения. Они сказали, что Ясна все видела. Обычно невозмутимая, девушка сидела в углу, сжатой в кулак защищенной рукой закрывая рот, и плакала.

Только тогда вокруг Навани начали появляться спрены потрясения, похожие на треугольники изломанного света. Только тогда она поверила.

Гавилар Холин мертв.

Садеас отвел Навани в сторону и с искренней печалью объяснил свою роль в этих событиях. Она слушала, оцепенело и отрешенно. Она была так занята, что даже не заметила, что большинство паршенди тайно покинули дворец – бежали в темноту за мгновение до того, как их приспешник напал. Их вожди остались, чтобы прикрыть отступление.

Словно в трансе, Навани вернулась в кладовую, к холодным останкам Гавилара Холина. Его бесполезному телу. Судя по взглядам слуг и лекарей, они ожидали от нее проявлений горя. Возможно, рыданий. Конечно, в комнате толпами появлялись спрены боли, даже несколько редких спренов страданий, похожих на растущие из стен зубы.

Она чувствовала что-то похожее на эти эмоции. Печаль? Нет, не совсем. Сожаление. Если он действительно мертв, тогда... выходит, это конец. Их последний настоящий разговор оказался очередной ссорой. Пути назад не было. Раньше она всегда говорила себе, что они помирятся. Что они проберутся сквозь тернии и найдут обратную дорогу к тому, что было. Если не к любви, то хотя бы к спокойствию.

Теперь этого никогда не будет. Все кончено. Он мертв, она вдова, и... вот буря, она же молилась об этом! Осознание пронзило Навани. Она надеялась, что Всемогуший не прислушался к глупым мольбам, написанным в минуту ярости. В тот миг она возненавидела Гавилара, но на самом деле не хотела его смерти. Ведь так?

Нет. Нет, все должно было закончиться совсем иначе. И тогда она почувствовала еще кое-что. Жалость.

Труп Гавилара Холина, лежащий на столе в луже крови, казался непревзойденным оскорблением в адрес его грандиозных планов. Он думал, что вечен, не так ли? Он жаждал воплотить в жизнь какую-то великую мечту, слишком важную, чтобы поделиться ею с Навани?

Что ж, Отец Бурь и Мать Мира равнодушны к желаниям людей, какими бы грандиозными те ни были.

Чего она не чувствовала, так это горя. Его смерть была важным событием, но для нее она ничего не значила. Важным казалось одно: теперь ее дети никогда не узнают, кем он стал.

«Я не пойду на низость, Гавилар, – подумала она, закрывая глаза. – Во имя того, кем ты когда-то был, я позволю миру остаться в заблуждении. Ты получишь свое наследие».

Потом она застыла. Его осколочный доспех – точнее, доспех, который был на нем, – сломался около пояса. Она сунула пальцы в его карман и коснулась свиной кожи. Вытащила знакомый мешочек со сферами, но обнаружила, что тот пуст.

Бури! Куда он их положил?

Кто-то в комнате кашлянул, и Навани вдруг осознала, как это выглядит со стороны: она роется в его карманах. Навани вынула сферы из волос, положила их в мешочек, затем сунула ему в ладонь, потом коснулась лбом его сломанного нагрудника. Пусть решат, что она возвращает ему дары, и ее свет в символическом смысле становится его светом в смерти.

Затем, чувствуя его кровь на своем лице, она встала и сделала вид, что взяла себя в руки. Несколько часов после этого, сражаясь с хаосом, в который погрузился перевернутый вверх дном город, она беспокоилась, что приобретет репутацию бессердечной. Вместо этого люди, казалось, находили ее стойкость утешительной.

Короля больше нет, но осталось королевство. Гавилар покинул этот мир так же, как жил в нем: устроив грандиозную драму и предоставив Навани собирать черепки.

Часть первая

Время

Каладин – Шаллан – Навани – Венли – Лирин

1. Черствость

Во-первых, спрен должен к вам приблизиться.

Тип самосвета имеет значение; некоторых спренов естественным образом привлекают определенные самосветы. Кроме того, важно успокоить спрена тем, что он знает и любит. Допустим, для спрена огня просто необходимо жаркое пламя.

Лекция по фабриальной механике, прочитанная Навани Холин перед коалицией монархов, Уритиру, йезеван, 1175 г.

Лири́н был поражен тем, как спокойно он себя чувствовал, проверяя десны ребенка на цингу. Годы лекарской подготовки сослужили ему сегодня хорошую службу. Дыхательные упражнения, предназначенные для того, чтобы избавиться от дрожи в руках, для шпионажа подходили так же хорошо, как и для операций.

– Вот, – сказал он матери ребенка, вытаскивая из кармана маленький резной панцирь. – Покажи это женщине в обеденном павильоне. Она принесет сока для твоего сына. Проследи, чтобы он выпивал его до последней капли каждое утро.

– Благодарна очень, – сказала женщина с сильным гердазийским акцентом. Она крепко прижала к себе сына, а затем посмотрела на Лирина затравленными глазами. – Если... если ребенок... найдется...

– Я позабочусь, чтобы тебя известили, если мы услышим о других твоих детях, – пообещал Лири́н. – Сожалею о твоей потере.

Она кивнула, вытерла щеки и понесла ребенка на сторожевой пост за городом. Группа вооруженных паршунов приподняла ее капюшон и сравнила лицо с рисунками, присланными Сплавленными. Хесина, жена Лирина, стояла рядом и читала описания, как требовалось.

Позади них утренний туман скрывал Под. Город был похож на скопище темных, окутанных тенями глыб. Словно опухоли. Лири́н с трудом разглядел натянутый между зданиями брезент, служивший ненадежным укрытием для многочисленных беженцев из Гердаза. Целые улицы были перекрыты, и призрачные звуки – звон тарелок, разговоры людей – поднимались сквозь туман.

Эти лачуги, конечно, не выдержат бури, но их можно быстро разобрать и спрятать. В противном случае просто не хватило бы жилья. Люди могли на несколько часов забиться в буревые убежища, но не могли так жить постоянно.

Он повернулся и посмотрел на очередь ждущих приема. Хвост очереди исчезал в тумане, сопровождаемый кружащимися, точно стаи насекомых, спренами голода и спренами изнеможения, похожими на струйки пыли. Бури! Сколько еще людей сможет вместить город? Деревни ближе к границе должны быть заполнены до отказа, если такие толпы пробираются далеко внутрь.

Прошло уже больше года со времени прихода Бури бурь и падения Алеткара. Все это время страна Гердаз – меньший сосед Алеткара на северо-западе – каким-то образом продолжала сражаться. Два месяца назад враг наконец решил сокрушить королевство навсегда. Вскоре после этого число беженцев увеличилось. Как обычно, солдаты сражались, в то время как простые люди были вынуждены покинуть свои дома. Их поля были вытоптаны, они голодали.

Город Под сделал все, что мог. Арик и другие мужчины – когда-то они были стражниками в поместье Рошона, а теперь не имели права носить оружие – организовали очередь и не давали никому проникнуть в город до того, как Лириин их осмотрит. Он убедил светлость Абиаджан, что ему необходимо осмотреть каждого. Она беспокоилась о чуме; он просто хотел перехватить тех, кто нуждался в лечении.

Ее бдительные солдаты двигались вдоль очереди. Паршуны с мечами. Они научились читать и настаивали, чтобы их называли певцами. Спустя год после их пробуждения Лириин все еще находил подобные вещи странными. Впрочем, ему-то какая разница? В каком-то смысле мало что изменилось. Паршуны были подвержены тем же страстям, что и светлорды-алети. Тот, кто ощутил вкус к власти, желал большего и потому искал его при помощи меча. Обычные люди истекали кровью, и Лириину оставалось только зашивать раны.

Он вернулся к своей работе. Сегодня Лириину предстояло осмотреть еще по меньшей мере сотню беженцев. Где-то среди них скрывался человек, который был причиной многих страданий. Именно из-за него Лириин сегодня так нервничал. Однако следующим в очереди был не он, а оборванный алети, потерявший в бою руку. Лириин осмотрел рану беженца, но той было уже несколько месяцев, и лекарь ничего не мог поделать с обширными рубцами.

Лириин поводил пальцем взад-вперед перед лицом мужчины, наблюдая, как его глаза следят за ним. Признаки шока были очевидны.

– У тебя недавно были раны, о которых ты мне не рассказываешь?

– Никаких ран, – прошептал мужчина. – Но разбойники... они забрали мою жену, лекарь. Забрали ее... оставили меня привязанным к дереву. Просто ушли, смеясь...

Досадно. Ментальный шок скальпелем не вырезать.

– Как только войдешь в город, ищи четырнадцатую палатку. Скажи тамошним женщинам, что я тебя послал.

Мужчина с пустым взглядом тупо кивнул. Он хоть понял, что ему сказали? Запомнив черты лица беженца – седеющие волосы с завитком на затылке, три большие родинки в верхней части левой щеки и, конечно же, укороченную руку, – Лириин сделал пометку спросить о нем в четырнадцатой палатке сегодня вечером. Там помощники наблюдали за беженцами, склонными к самоубийству. Ничего больше Лириин не мог сделать, учитывая, что приходилось заботиться о стольких людях.

– Ступай. – Лириин мягко подтолкнул мужчину к городу. – Палатка четырнадцать. Не забудь. Я сожалею о твоей потере.

Мужчина ушел.

– Ты говоришь это так легко, лекарь, – раздался голос сзади.

Лири́н развернулся и тут же почтительно поклонился. Абиаджан, новая градоначальница, была паршуньей с совершенно белой кожей и изысканными мраморными разводами на щеках.

– Светлость, – сказал Лири́н. – О чем вы?

– Ты сказал этому человеку, что сожалеешь о его потере. Ты так охотно говоришь это каждому из них, но, кажется, сострадания в тебе не больше, чем в камне. Неужели ты ничего не чувствуешь к этим людям?

– Я чувствую, светлость, но приходится соблюдать осторожность, чтобы их боль не раздавила меня. Это одно из первых правил лекарского ремесла.

– Любопытно. – Паршунья подняла защищенную руку, завернутую в рукав хавы. – Помнишь, как в детстве вправлял мне вывих?

Абиаджан вернулась – с новым именем и новым поручением от Сплавленных, – после того как бежала вместе с остальными после Бури бурь. Она привела с собой много паршунов, все из этих краев, но из тех, что раньше жили в Поде, вернулась только Абиаджан. Она молчала о том, что пережила за прошедшие месяцы.

– Какое любопытное воспоминание. Теперь та жизнь кажется сном. Я помню боль. Смятение. Суровую фигуру, которая принесла мне еще больше боли, – хотя теперь я понимаю, что ты стремился исцелить меня. Столько забот из-за маленькой рабыни.

– Меня никогда не волновало, кого я исцеляю, светлость. Раба или короля.

– Уверена, тот факт, что Уистиоу заплатил за меня хорошие деньги, не имеет к этому никакого отношения. – Она прищурилась, глядя на Лири́н, а потом снова заговорила, как будто произнося слова из песни: – Ты сочувствовал мне, бедной растерянной рабыне, у которой украли разум? Ты оплакивал нас, лекарь, и ту жизнь, которую мы вели?

– Лекарь не должен плакать, – тихо сказал Лири́н. – Лекарь не может позволить себе плакать.

– Как камень, – повторила она и покачала головой. – Ты не видел спренов чумы у этих беженцев? Если эти спрены проникнут в город, они могут убить всех.

– Не спрены – причина болезни. Зараза распространяется через воду, грязь, а иногда через дыхание тех, кто ее переносит.

– Суеверие, – отрезала она.

– Мудрость Вестников, – не сдался Лири́н. – Нам следует соблюдать осторожность.

Фрагменты старых рукописей, многократно переведенные с одного языка на другой, упоминали о быстро распространяющихся болезнях, унесших десятки тысяч жизней. О подобных вещах молчали современные тексты, которые читали Лири́ну, но до него доходили слухи о чем-то странном на Западе – о новой чуме, как это называли. Подробностей было мало.

Без дальнейших комментариев Абиаджан двинулась дальше. За ней последовали ее сопровождающие – группа возвысившихся паршунов и паршуний. Хотя их одежда была алетийского фасона, цвета были более светлыми, более приглушенными. Сплавленные объяснили, что певцы в прошлом избегали ярких цветов, чтобы одежда не отвлекала внимание от узоров на их коже.

Лири́н чувствовал, что Абиаджан и другие паршуны находятся в поисках себя. Их акцент, их одежда, их манеры – все они были отчетливо алетийскими. Но они замирали всякий раз, когда Сплавленные говорили о предках, и искали способы подражать этим давно умершим паршунам.

Лири́н повернулся к следующей группе беженцев – на этот раз целой семье. Ему стоило бы радоваться, но он все равно не мог не думать о том, как трудно будет прокормиться родителям с пятью детьми, когда все ослабели от голода.

Когда он отправил их дальше, вдоль очереди к нему двинулась знакомая фигура, прогоняя спренов голода. На Лараль теперь было простое платье служанки, на левой руке перчатка вместо удлиненного рукава; она несла ведро с водой для ждущих беженцев. Но при этом моло-

дая женщина шла не как служанка. В ней ощущалась некая решимость, несхожая с вынужденной покорностью. Конец света казался ей просто неприятностью, почти того же разряда, как раньше неурожай.

Она остановилась рядом с Лирином и предложила ему пить – налила в чистую чашку из своего бурдюка, а не зачерпнула прямо из ведра.

– Три человека от начала, – прошептала Лараль, когда Лирин сделал глоток.

Лекарь хмыкнул.

– Ниже ростом, чем я ожидала, – заметила Лараль. – Он считается великим полководцем, лидером гердазийского сопротивления. А похож на бродячего торговца.

– Гений приходит во всех формах. – Лирин знаком попросил снова наполнить его чашку, чтобы продолжить разговор.

– И все же... – сказала она и замолчала: мимо прошел Дурнаш, высокий паршун с мраморной черно-красной кожей и мечом за спиной. Когда он достаточно отдалился, она тихо продолжила: – Я удивляюсь тебе, Лирин. Ты ни разу не предложил нам сдать этого скрытого генерала.

– Его казнят.

– Но ты ведь считаешь его преступником, не так ли?

– Он несет ужасную ответственность, потому что продолжал сражаться против превосходящих сил противника. Он отдал жизни своих людей в безнадежной битве.

– Некоторые назвали бы это героизмом.

– Героизм – миф, которым потчуют идеалистически настроенных молодых людей, особенно когда хотят, чтобы они проливали за кого-то кровь. Из-за этого одного из моих сыновей убили, а другого забрали. Оставь себе свой героизм и верни мне жизни, растраченные впустую в глупых конфликтах.

По крайней мере, казалось, что все почти закончилось. Теперь, когда сопротивление в Гердазе окончательно рухнуло, можно было надеяться, что поток беженцев уменьшится.

Лараль смотрела на него бледно-зелеными глазами. Она была проникательна. Как бы ему хотелось, чтобы все сложилось иначе, чтобы старый Уистиоу протянул еще несколько лет. Лирин мог бы назвать эту женщину дочерью, а Тьен и Каладин теперь могли бы лечить людей, работая вместе с ним.

– Я не сдам этого гердазийского генерала, – сказал Лирин. – Перестань так на меня смотреть. Я ненавижу войну, но не осуждаю твоего героя.

– И твой сын скоро придет за ним?

– Мы послали Кэлу весточку. Этого должно быть достаточно. Убедись, что твой муж готов с отвлекающим маневром.

Она кивнула и пошла дальше, чтобы предложить воду стражникам-паршунам у входа в город. Лирин быстро осмотрел нескольких беженцев, а затем добрался до группы закутанных в плащи фигур. Он успокоил себя быстрым дыхательным упражнением, которому учил его наставник в операционной много лет назад. Хотя внутри у него бушевала буря, руки Лирин не дрожали, когда он махнул фигурам в плащах, чтобы те приблизились.

– Мне нужно провести осмотр, – тихо сказал Лирин, – чтобы, когда я вытащу вас всех из очереди, это не привлекло внимания.

– Начни с меня, – предложил самый низкорослый из мужчин.

Остальные четверо осторожно переместились так, чтобы окружить его.

– Не ведите себя так, будто охраняете его вы, тупицы, – прошипел Лирин. – Сядьте лучше на землю. Может быть, тогда вы будете меньше походить на банду головорезов.

Они подчинились, и Лирин пододвинул свой табурет к явному лидеру. На верхней губе у того красовались тонкие посеребренные усики, и было ему лет пятьдесят. Его загорелая кожа

оказалась темнее, чем у большинства гердазийцев; он мог бы сойти за азильца. Глаза были глубокого темно-коричневого цвета.

– Ты – это он? – прошептал Лирин, приложив ухо к груди мужчины, чтобы проверить его сердцебиение.

– Да, – ответил гердазиец.

Дьено энне Калах. Дьено – «норка» на старом гердазийском. Хесина объяснила, что «энне» – почетная частица, подразумевающая величие.

Можно было ожидать – как, очевидно, и поступила Лараль, – что Норка окажется жестоким воином, выкованным на той же наковальне, что и люди вроде Далинара Холина или Мери-даса Амарамы. Лирин, однако, знал, что убийцы могут выглядеть по-разному. Норка, может, и коротышка без одного зуба, но в его худощавом телосложении чувствовалась сила, и Лирин при осмотре заметил немало шрамов. Те, что вокруг запястий, на самом деле... это были шрамы, оставленные кандалами на коже раба.

– Спасибо, – прошептал Дьено, – что предоставил нам убежище.

– Это был не мой выбор.

– И все же ты гарантируешь, что сопротивление спасется, чтобы жить дальше. Да благословят тебя Вестники, лекарь.

Лирин отыскал бинт и начал перевязывать рану на руке мужчины, которая не была обработана должным образом.

– Пусть Вестники благословят всех нас, чтобы этот конфликт побыстрее закончился.

– Да, и захватчики удерут, поджав хвост, обратно в Преисподнюю, которая их извергла.

Лирин продолжал свою работу.

– Ты... не согласен, лекарь?

– Твое сопротивление потерпело неудачу, генерал, – сказал Лирин, туго затягивая повязку. – Твое королевство пало, как и мое. Дальнейший конфликт приведет лишь к новым смертям.

– Но ты же не собираешься подчиняться этим чудовищам?

– Я повинуюсь тому, кто приставит меч к моей шее. Так было всегда.

Он закончил свою работу, затем бегло осмотрел четверых спутников генерала. Женщин нет. Как генерал читает послания, которые получает?

Лирин сделал вид, что обнаружил рану на ноге одного из мужчин. После небольшого наставления тот стал прихрамывать, а затем издал болезненный вой. Укол иглы заставил спрессов боли, похожих на маленькие оранжевые руки, вырваться из земли.

– Это потребует операции, – громко сказал Лирин. – Или ты потеряешь ногу. Нет, никаких возражений. Мы займемся этим немедленно.

Он велел Арику принести носилки. Другим солдатам, включая генерала, достались роли носильщиков, что и дало Лирину повод вывести их всех из очереди.

Теперь им требовался отвлекающий маневр. Он пришел в виде Торалина Рошона, мужа Лараль, бывшего градоначальника. Спотыкаясь и пошатываясь, он вышел из окутанного туманом города.

Знаком приказав Норке и его солдатам следовать за ним, Лирин неспешно повел их к посту инспекции.

– Вы ведь не вооружены? – прошипел он себе под нос.

– При нас нет очевидного оружия, – ответил Норка, – но нас выдает не оно, а мое лицо.

– Мы к этому подготовились.

«О Всемогуший, пусть все получится».

Приблизившись, Лирин смог лучше разглядеть Рошона. Щеки бывшего градоначальника свисали, как сдутые мехи: он сильно похудел после смерти сына семь лет назад. Рошону было

приказано сбрить бороду – возможно, потому, что он ею гордился, – и он больше не носил свою гордую воинскую такаму. На смену им пришли наколенники и короткие штаны кремоскреба.

Он нес под мышкой табуретку и что-то невнятно бормотал, при этом его деревянная ступня царапала камень. По правде говоря, Лирин не мог сказать, пьян ли Рошон на самом деле или притворяется. В любом случае он привлекал внимание. Паршуны, стоявшие на посту инспекции, подталкивали друг друга локтями, один из них напевал в бодром ритме – что они часто делали, когда забавлялись.

Рошон выбрал здание неподалеку и поставил свой табурет, затем, к радости наблюдавших паршунов, попытался взобраться на него, но промахнулся и споткнулся, зашатался на деревянной ноге и чуть не упал.

Им нравилось наблюдать за ним. Каждый из этих новоявленных певцов раньше принадлежал тому или иному богатому светлоглазому. Смотреть, как бывший градоначальник превращается в спотыкающегося пьяницу, который проводит свои дни, выполняя самую черную из всех работ? Да это было увлекательнее, чем выступление любого рассказчика историй.

Лирин подошел к посту охраны.

– Этому нужна срочная операция. – он указал на человека на носилках. – Если я не займусь им прямо сейчас, он может потерять конечность. Моя жена присмотрит, чтобы остальные беженцы сидели и ждали моего возвращения.

Из трех паршунов, назначенных инспекторами, только Дор потрудился сверить лицо «раненого» с рисунками. Норка был первым в списке опасных беженцев, но на носильщиков Дор даже не взглянул. Лирин заметил эту странность несколькими днями раньше: когда он использовал беженцев из очереди в качестве рабочей силы, инспекторы уделяли внимание исключительно человеку на носилках.

Лирин надеялся, что с Рошоном, который будет обеспечивать развлечение, паршуны еще сильнее расслабятся. И все же его пробил пот, когда Дор замешкался на одном из рисунков. Письмо Лирина, возвращенное вместе с разведчиком, просившим убежища, предупреждало Норку, чтобы он взял с собой только рядовых охранников, которых не будет в списках. Неужели он...

Двое других паршунов смеялись над Рошоном, который, хоть и был пьян, пытался добраться до крыши здания и соскрести с нее остатки крема. Рассеянным взмахом руки пропуская Лирина, Дор повернулся и присоединился к ним.

Лекарь быстро переглянулся с женой, ждавшей неподалеку. Хорошо, что никто из паршунов не смотрел на нее, потому что она была бледна, как уроженка Шиновара. Лирин, вероятно, выглядел ненамного лучше, когда, сдержав вздох облегчения, повел Норку и солдат вперед. Их можно держать в операционной, подальше от посторонних глаз, пока...

– Всем прекратить свои занятия! – раздался сзади женский голос. – Приготовиться оказать почтение!

Лирину захотелось немедленно удрать. Он почти сделал это, но солдаты просто продолжали идти в обычном темпе. Да. Надо притвориться, что не услышал.

– Ты, лекарь! – окликнул его тот же голос.

Это была Абиаджан. Лирин неохотно остановился, в его голове проносились оправдания. Поверит ли она, что он не узнал Норку? Лирин и без того был не в ладах с градоначальницей после случая с Джебером, когда дурака вздернули и выпороли, а он настоял на лечении.

Лирин обернулся, изо всех сил стараясь держать себя в руках. Абиаджан поспешила к нему, и, хотя певцы не краснели, она явно была взволнована. Когда она заговорила, ее слова звучали отрывисто:

– Идем со мной. У нас гость.

Лирин не сразу сумел осознать услышанное. Она не требовала объяснений. Это было из-за... чего-то другого?

– Что случилось, светлость?

Неподалеку Норка и его солдаты остановились, но Лири́н видел, как их руки шевелятся под плащами. Они сказали, что не взяли с собой «очевидное» оружие. Да поможет ему Всемогу́щий, если дойдет до кровопролития...

– Все в порядке, – быстро проговорила Абиаджан. – Мы благословлены. Идем со мной. – Она посмотрела на Дора и стражников. – Передайте весть. Никто не должен входить в город или покидать его, пока я не дам иного приказа.

– Светлость, – Лири́н указал на человека в носилках, – рана этого беженца может показаться не очень серьезной, но я уверен, что, если не займусь ею немедленно, он...

– Это подождет. Вы пятеро, – она указала на Норку и его людей, – ждите. Все просто ждут. Понятно? Ждите и... А ты, лекарь, пойдешь со мной.

Она зашагала прочь, не сомневаясь, что Лири́н последует за ней. Встретившись взглядом с Норкой, лекарь кивком велел ему оставаться на месте и поспешил за градоначальницей. Что так выбило ее из колеи? От обычного царственного вида не осталось и следа.

Вдоль очереди беженцев Лири́н пересек поле за городом и вскоре получил ответ. Из тумана вынырнула громоздкая фигура семи футов ростом, сопровождаемая небольшим отрядом паршунов с оружием. У этого ужасного существа была борода и длинные волосы цвета засохшей крови, и они, казалось, сливались с его одеждой – как будто шевелюра заменяла ему таковую. Его кожа была черной, с красными разводами под глазами.

Самое главное, у него был зазубренный панцирь, не похожий ни на один из виденных Лири́ном: со странной парой костяных выступов – или рогов, – торчащих над ушами.

Глаза существа излучали мягкий красный свет. Один из Сплавленных. Здесь, в Поде.

Уже несколько месяцев Лири́н не видел подобных ему хотя бы мельком – в тот раз небольшая группа остановилась на пути к линии фронта в Гердазе. Та группа парила в воздухе в легких одеждах, держа в руках длинные копья. Они были наделены неземной красотой, в то время как панцирь на этом существе выглядел гораздо более зловещим, словно оно и впрямь выбралось из Преисподней.

Сплавленный заговорил на ритмичном языке, обращаясь к маленькому существу рядом с ним: это была паршунья-боеформа. «Певица, – напомнил Лири́н самому себе. – Не паршунья. Называй ее правильно даже в мыслях, чтобы не ошибиться при разговоре».

Боеформа шагнула вперед, чтобы перевести сказанное Сплавленным. Даже те Сплавленные, кто знал алетийский, часто пользовались переводчиками, как будто говорить на человеческих языках было ниже их достоинства.

– Ты, – обратилась переводчица к Лири́ну, – лекарь? Ты сегодня осматривал людей?

– Да, – сказал Лири́н.

Сплавленный что-то сказал.

– Мы ищем шпиона, – перевела боеформа. – Возможно, он прячется среди этих беженцев.

Лири́н почувствовал, как у него пересохло во рту. То, что возвышалось над ним, было кошмаром, которому следовало бы остаться демоном из легенд, рассказанных шепотом у полупночного костра. Лири́н попытался заговорить, но не смог выдать ни слова, и ему пришлось откашляться, чтобы прочистить горло.

Сплавленный рявкнул в приказном тоне, и его солдаты рассредоточились вдоль очереди. Беженцы попятились, некоторые попытались бежать, но паршуны, хоть и маленькие по сравнению со Сплавленным, были боеформами, отличавшимися огромной силой и ужасной быстротой. Одни ловили беглецов, в то время как другие начали осматривать людей в очереди, откидывая капюшоны и изучая лица.

«Не оглядывайся на Норку, Лири́н. Не выдавай своего волнения».

– Мы... – начал Лирин. – Мы осматриваем каждого человека, сравнивая его с рисунками, которые нам дали. Я даю слово. Мы сохраняем бдительность! Нет нужды запугивать этих несчастных.

Переводчица молчала, но Сплавленный немедленно заговорил на своем языке.

– Того, кого мы ищем, нет в этих списках, – сказала переводчица. – Это молодой человек, шпион самого опасного рода. По сравнению с этими беженцами он должен быть крепок и силен, хотя и может притвориться слабым.

– Но... это описание подходит ко множеству людей, – сказал Лирин.

Может быть, ему повезло? Может быть, это совпадение? Возможно, дело вовсе не в Норке. Лирин ощутил мгновение надежды, как солнечный свет, пробивающийся сквозь тучи.

– Ты бы запомнил этого человека, – продолжила переводчица. – Высокий, с волнистыми черными волосами до плеч. Чисто выбрит, на лбу клеймо раба. Включая глиф «шаш».

Клеймо раба.

«Шаш». Опасный.

О нет...

Рядом один из солдат Сплавленного откинул капюшон беженца в плаще, открывая лицо, которое Лирину полагалось знать в мельчайших подробностях. И все же суровый мужчина, в которого превратился Каладин, выглядел грубым подобием чувствительного юноши, которого помнил лекарь.

Каладин немедленно полыхнул бурсесветом. Невзирая на старания Лирина, смерть все же явилась в город Под.

2. Рассеченные путы

Затем пусть спрен осмотрит вашу ловушку. Самосвет не должен быть ни полностью заряженным, ни совсем тусклым. Эксперименты показали, что семьдесят процентов максимальной мощности буресвета дают наилучший результат.

Если вы сделали свою работу правильно, спрен окажется очарован своей будущей тюрьмой. Он будет танцевать вокруг камня, смотреть на него, плавать вокруг него.

Лекция по фабриальной механике, прочитанная Навани Холин перед коалицией монархов, Уритиру, йезеван, 1175 г.

– Я же говорила, что нас заметили, – сказала Сил, когда Каладин вспыхнул буресветом.

Каладин хмыкнул в ответ. Он взмахнул рукой, и Сил превратилась в величественное серебряное копьё; от вида оружия певцы, искавшие «шпиона», шарахнулись прочь. Смотреть на отца Каладин избегал, чтобы не выдать их знакомства. Кроме того, он знал, что увидит. Разочарование.

Так что ничего нового.

Беженцы в панике бросились врассыпную, но Сплавленные больше не обращали на них внимания. Массивная фигура повернулась к Каладину, и существо, скрестив руки на груди, улыбнулось.

«Я же говорила тебе, – мысленно сказала Сил. – Буду напоминать об этом до тех пор, пока ты не поймешь, насколько я умна».

– Это новая разновидность, – сказал Каладин, держа копьё наготове. – Ты когда-нибудь видела такое раньше?

«Нет. Но он еще уродливее прочих».

За последний год на полях сражений все чаще появлялись новые разновидности Сплавленных. Каладин был хорошо знаком с теми, кто мог летать, как ветробегуны. Их называли *шанай-им*, что приблизительно переводилось как «Те, кто пришел с небес».

Другие Сплавленные не могли летать; как и у Сияющих, у каждой разновидности был свой набор сил. Ясна предположила, что их должно быть десять, хотя Далинар – не объясняя, откуда он это знает, – настаивал на девяти.

Эта разновидность была седьмой, с которой выпало сражаться Каладину. И, если будет на то воля ветров, седьмой, которую он убьет. Каладин поднял копье, чтобы вызвать Сплавленного на бой один на один: с Небесными это всегда срабатывало. Этот Сплавленный, однако, махнул своим спутникам, призывая атаковать Каладина со всех сторон.

В ответ Каладин сплел себя с небесами. Когда он взмыл вверх, Сил тотчас же вытянулась, став длинным копьем, идеально подходящим для того, чтобы бить по наземным объектам с воздуха. Буресвет кипел внутри Каладина, заставляя его двигаться, действовать, сражаться. Но ему приходилось соблюдать осторожность. Поблизости были мирные жители, в том числе несколько очень дорогих ему людей.

– Посмотрим, сможем ли мы отвлечь их, – сказал Каладин.

Изменив угол сплетения, он направился вниз по наклонной – полетел быстро, спиной вперед. К несчастью, туман не давал Каладину уйти слишком далеко или слишком высоко, ведь так он мог потерять из виду своих врагов.

«Будь осторожен, – сказала Сил. – Мы не знаем, какими способностями обладает этот новый Спла...»

Окутанная туманом фигура неподалеку внезапно рухнула наземь, и что-то выстрелило из тела – полоска красно-фиолетового света, похожая на спрена. Этот луч метнулся к Каладину, затем расширился, чтобы вновь принять форму Сплавленного; раздавшийся при этом звук походил на гудение растянутой кожи и скрежет камней одновременно.

Сплавленный появился в воздухе прямо перед Каладином. Не успел тот среагировать, как Сплавленный схватил его одной рукой за горло, а другой – за мундир на груди.

Сил взвизгнула, превращаясь в туман, – форма копья была слишком громоздкой для боя на короткой дистанции. Тяжесть огромного Сплавленного, с его каменным панцирем и мощными мускулами, сдернула Каладина с вышины и швырнул на землю. Ветробегун распластался на спине.

Сжатые пальцы Сплавленного перекрыли Каладину поток воздуха, но с бушующим внутри буресветом не нужно было дышать. Тем не менее он схватил Сплавленного за руки, пытаясь освободиться. Буреотец! Существо было очень сильным. Разжать его пальцы было все равно что пытаться согнуть сталь. Страхнув с себя первоначальную панику, что его полет прервали, Каладин собрался с мыслями и призвал Сил в виде кинжала. Он рассек правую руку Сплавленного, затем левую, и пальцы существа помертвели.

Раны должны были зажить – Сплавленные, как и Сияющие, исцелялись при помощи буресвета. Но пока пальцы твари еще были мертвы, Каладин пнул противника и освободился. Он опять сплел себя с небесами, взмыл ввысь. Однако не успел он перевести дух, как туман внизу прорезал красно-фиолетовый свет: завернувшись в узел на лету, он догнал Каладина.

Похожая на тиски рука взяла его в захват сзади. Секундой позже Каладин ощутил пронзительную боль между плеч: Сплавленный ударил его ножом в шею.

Каладин закричал и почувствовал, что конечности онемели: спинной мозг был поврежден. Буресвет поспешил залечить рану, но этот Сплавленный явно имел опыт сражений со связывателями потоков – он продолжал вонзать нож в шею Каладина снова и снова, не давая ему исцелиться.

– Каладин! – вскричала Сил, порхая вокруг него. – Каладин! Что мне делать?

Она превратилась в щит в его руке, но его вялые пальцы выпустили ее, и она вновь приняла облик спрена.

Движения Сплавленного были искусными, точными; он продолжал висеть сзади, – похоже, это существо могло летать только в форме светящейся ленты, но не в человекоподоб-

ной. Горячее дыхание обжигало щеку Каладина, пока существо снова и снова било его ножом в шею. Рассечение позвоночника, сообразил он, вспомнив уроки отца. Повторное причинение полного паралича. Умный способ борьбы с врагом, который может исцелять самого себя. Такими темпами буресвет Каладина будет быстро растрочен.

Солдат в Каладине действовал скорее инстинктивно, чем обдуманно, и заметил – несмотря на то что вертелся в воздухе, схваченный ужасным врагом, – что перед каждым новым ударом на один миг подвижность восстанавливается. Поэтому, когда по телу пробежали мурашки, Каладин наклонился вперед, а затем что было сил ударил Сплавленного затылком.

Вспышка боли и белого света почти ослепили. Хватка Сплавленного ослабла, а потом и вовсе разжалась, и Каладин повернулся. Существо схватило Каладина за мундир, повисло на нем. Перед глазами все плыло, и тварь выглядела всего лишь тенью. Этого было достаточно. Каладин замахнулся рукой, целясь в шею Сплавленного, и Сил легла ему в ладонь как поясной меч. Если пронзить светсердце, голову или шею осколочным клинком, Сплавленный умирает, невзирая на всю свою мощь.

Зрение Каладина восстановилось достаточно, чтобы он увидел фиолетово-красный свет, вырвавшийся из груди Сплавленного. Его душа – или что у него там вместо души – становилась лентой красного света, оставляя тело где-то позади. Клинок Каладина снес мертвецу голову с плеч, но свет уже его покинул.

Шквал... Эта тварь казалась скорее спреном, чем певцом. Брошенное тело провалилось сквозь туман, и Каладин последовал за ним. Его раны полностью зажили. Приземлившись рядом с упавшим трупом, он вдохнул второй мешочек со сферами. Сможет ли он вообще прикончить это существо? Осколочный клинок мог порезать спрена, но это не убивало их. В конце концов они обретали прежнюю форму.

По лицу Каладина струился пот, сердце бешено колотилось. Хотя буресвет призывал его двигаться, он успокоился и стал наблюдать за туманом, выискивая признаки Сплавленного. Они отошли достаточно далеко от города, чтобы он не мог видеть никого другого. Только затененные холмы. Пустота.

«Бури! Чуть не сыграл в ящик».

Уже очень давно он не оказывался так близко к смерти. Каладина тревожило, как быстро и неожиданно Сплавленный одолел его. Слишком он привык чувствовать себя хозяином ветров и неба, и уверенность в своей способности быстро исцелиться сыграла с ним дурную шутку.

Чувствуя, как ветер обдувает кожу, Каладин медленно повернулся. Осторожно подошел к бесформенной груди, что осталась от Сплавленного. Труп – или что бы это ни было – выглядел высохшим и хрупким, поблекшим, как раковина давно умершей улитки. Плоть превратилась в какой-то камень, пористый и легкий. Каладин поднял отрубленную голову и ткнул большим пальцем в лицо: оно рассыпалось в прах. С телом несколько мгновений спустя произошло то же самое, а затем даже панцирь распался.

Сбоку мелькнула полоса фиолетово-красного света. Каладин немедленно рванулся вверх, едва избежав хватки Сплавленного, который возник из света под ним. Существо, однако, тут же отбросило новое тело и в облике света устремилось вверх вслед за Каладином. На этот раз Каладин опоздал увернуться, и существо, возникшее из света, схватило его за ногу.

Сплавленный начал взбираться, цепляясь за униформу Каладина и подтягиваясь. К тому времени как Сил-клинок возникла в руках Каладина, Сплавленный держал его крепко: ноги обвились вокруг туловища, левая рука схватила руку Каладина с мечом и отвела в сторону, в то время как свое правое предплечье он воткнул Каладину в горло. Поневоле ветробегун задрал голову и больше не мог видеть Сплавленного, не говоря уже о том, чтобы попытаться что-то с ним сделать.

Однако некие преимущества он сохранял даже в таком положении, и они делали схватку с ним весьма опасной. Все, к чему Каладин мог прикоснуться, он мог сплести. Он влил буре-

свет в своего врага, чтобы сплетением отбросить его прочь. Свет сопротивлялся, как обычно при применении к Сплавленному, но у Каладина было достаточно сил, чтобы преодолеть сопротивление.

Самого себя Каладин сплетением направил в другую сторону, и вскоре огромные невидимые руки разняли противников. Сплавленный хмыкнул, потом сказал что-то на своем языке. Каладин отпустил Сил-клинок и сосредоточился на попытках отбросить противника подальше. Сплавленный теперь светился бурсветом; тот поднимался от него, как люминесцентный дым.

Наконец хватка врага ослабла, и он отскочил от Каладина, будто стрела, выпущенная из осколочного лука. Через долю секунды этот безжалостный красно-фиолетовый свет вырвался из груди Сплавленного и снова направился прямо на Каладина.

Каладин едва избежал его, сплетением направив себя вниз в тот самый момент, когда Сплавленный возник во плоти и потянулся к нему. Промахнувшись, тварь упала и исчезла в тумане. И снова Каладин обнаружил, что у него осталось мало бурсвета, а сердце бешено колотится. Он вдохнул третий – из четырех – мешочек сфер. Они научились носить такие вшитыми в униформу. Сплавленный знал, что нужно попытаться истощить запас сфер Сияющего.

– Ух ты! – сказала Сил, паря рядом с Каладином с таким расчетом, чтобы видеть происходящее у него за спиной. – Он хорош, не так ли?

– Дело не только в этом. – Каладин взгляделся в безликий туман. – У него особая стратегия, а я не так уж силен в рукопашном.

Борьба на поле боя случалась нечасто. По крайней мере, не по правилам. Каладин практиковался действовать в строю и все увереннее овладевал мечом, но прошло уже много лет с тех пор, как он обучался тому, как избежать захвата за шею.

– Где он? – спросила Сил.

– Не знаю. Но нам не обязательно его побеждать. Нам нужно только держаться подальше от его лапиц достаточно долго, пока не прибедут остальные.

Несколько минут прошли в молчаливом наблюдении, а потом Сил вскрикнула:

– Там!

Образовав ленту света, она указала путь к тому, что увидела.

Каладин не стал ждать дальнейших объяснений. Он сплел себя и рванулся прочь сквозь туман. Сплавленный появился, но схватил пустоту: Каладин увернулся. Снова вырвался луч, тело существа упало, но Каладин, двигаясь беспорядочными зигзагами, сумел еще дважды избежать встречи.

Это существо использовало пустотный свет, чтобы каким-то образом создавать новые тела. Все они выглядели одинаково, с волосами как своего рода одеждой. Он не перерождался – он телепортировался, используя для перемещения ленту света. Они встречали Сплавленных, которые могли летать, и других, которые обладали такими же способностями, как светоплеты. Возможно, это была разновидность, чьи силы в некотором роде отражали способности иноземцев к путешествиям.

После третьей по счету материализации существо ненадолго прекратило погоню. «Он может телепортироваться только три раза, а потом должен отдохнуть, – предположил Каладин. – Каждый раз он атакował трижды. Значит, после этого его силы должны восстановиться. Или... нет, ему, вероятно, нужно куда-то отправиться и добыть больше пустотного света».

И действительно, через несколько минут красно-фиолетовый луч вернулся. Набирая скорость, Каладин рванулся прочь. Воздух вокруг него ревел, и к пятому сплетению он был достаточно быстр, чтобы красный свет отстал и потускнел, не в силах удерживать такой темп.

«Не так уж ты и опасен, если не можешь до меня дотянуться, верно?» – подумал Каладин. Сплавленный, очевидно, пришел к тому же выводу, и лента света нырнула вниз сквозь туман.

К несчастью, Сплавленные, вероятно, знали, что Каладин намерен вернуться в Под. Изменив направление, он тоже полетел вниз. Остановился на вершине холма, заросшего шишковатыми камнепочками, которые во влажном воздухе вольготно раскинули свои лозы.

Сплавленный стоял у подножия холма, глядя вверх. Да... темно-коричневая накидка, которую он носил, и впрямь была волосами с макушки, длинными и туго обмотанными вокруг тела. Он отломил с руки панцирный отросток-шпору – острое и зазубренное оружие – и направил на Каладина. Вероятно, он использовал такую штуку как кинжал, когда атаковал Каладина со спины.

Это естественное «снаряжение» означало, что при телепортации он не мог взять с собой посторонние предметы. Выходит, держать при себе сферы с пустотным светом он тоже не мог и должен был отступать, чтобы пополнить запасы.

Сил превратилась в копье.

– Я готов! – крикнул Каладин. – Атакуй.

– Чтобы ты смог удрать? – отозвался Сплавленный на алетийском. Его голос был грубым, как скрежет камней. – Следи за мной краем глаза, ветробегун. Скоро мы снова встретимся.

Он превратился в ленту красного света и исчез в тумане, оставив еще один рассыпающийся труп.

Каладин сел и глубоко вздохнул. Облачко бурсвета перед его лицом смешалось с туманом. Этот туман исчезнет, когда солнце поднимется выше, но сейчас он все еще окутывал землю, придавая ей жуткий и пустынный вид, как в кошмарном сне.

Внезапно Каладина накрыла волна изнеможения. Тусклое ощущение того, что бурсвет кончается, смешанное с обычным упадком сил после битвы. И еще кое-что. Что-то, нынче встречающееся все чаще.

Его копье исчезло, и в воздухе перед ним появилась Сил. Вместо прозрачного девичьего платья она пристрастилась носить стильное, до щиколоток, блестящее. На его вопрос об этом она ответила, что Адолин ей присоветовал кое-что насчет манеры одеваться. Ее длинные синевато-белые волосы сливались с туманом, и она не носила удлинненный рукав. Да и зачем ей это? Она не была человеком, не говоря уже о том, чтобы исповедовать воринизм.

– Что ж, – она уперла руки в бока, – мы ему показали.

– Он дважды чуть не убил меня.

– Я не сказала, что конкретно мы ему показали. – она обернулась на случай, если это был трюк. – Ты в порядке?

– Ага.

– У тебя усталый вид.

– Ты всегда так говоришь.

– Потому что ты всегда выглядишь усталым, дурачок.

Он поднялся на ноги.

– Я приду в себя, как только начну двигаться.

– Ты...

– Мы больше не будем об этом спорить. Я в порядке.

Действительно, он почувствовал себя лучше, когда встал и втянул побольше бурсвета. Ну и что с того, что бессонные ночи вернулись? Раньше ему случалось спать еще меньше, и ничего – выжил. Каладин-раб смеялся бы до колик, услышав, что этот новый Каладин – светлоглазый осколочник, человек, который наслаждался роскошным жильем и теплой едой, – расстроился из-за недосыпа.

– Пошли, – сказал он. – Если нас заметили по дороге сюда...

– Если?

– Поскольку нас заметили, они пошлют не только Сплавленного. Небесные придут за мной, а это значит, что миссия под угрозой. Давай вернемся в город.

Она ждала, скрестив руки на груди.

– Ладно, – сказал Каладин. – Ты была права.

– И ты должен больше меня слушать.

– И я должен больше тебя слушать.

– И поэтому тебе следует больше спать.

– Если бы это было так просто, – сказал Каладин, поднимаясь в воздух. – Идем.

Вуаль все больше расстраивалась: ее так никто и не похитил.

Полностью изменив внешность, она прогуливалась по рынку военного лагеря, околачивалась возле магазинов. Она провела здесь больше месяца – с фальшивым лицом, отпуская совершенно правильные замечания абсолютно правильным людям. И по-прежнему никаких попыток похищения. Ее даже не ограбили. Куда катится мир?

«Могу дать нам по физиономии, – предложила Сияющая, – если тебе от этого станет легче».

Легкомыслие, от Сияющей? Вуаль улыбнулась, делая вид, что рассматривает фруктовый лоток. Если Сияющая принялась шутить, то они действительно близки к отчаянию. Обычно Сияющая была такой же забавной, как... как...

«Обычно Сияющая беззаботна, как ущельный демон, – предложила Шаллан, просачиваясь на передний план их совокупной личности. – Такой, у которого особенно большой изумруд внутри...»

Да, точно. Вуаль улыбнулась теплоте, исходившей от Шаллан, и даже Сияющей, которая начинала наслаждаться юмором. В прошлом году они втроем достигли удобного равновесия. Они уже не были такими самостоятельными, как раньше, и легко уступали друг другу главную роль.

Казалось, все идет хорошо. Это, конечно, заставило Вуаль беспокоиться. Не слишком ли хорошо оно идет?

Пока это не имеет значения. Она отошла от лотка с фруктами. Этот месяц она провела в военных лагерях,нося лицо женщины по имени Чанаша: низкорослой светлоглазой торговки, которая добилась скромного успеха, сдавая своих чуллов вместе с погонщиками в аренду караванам, пересекающим Расколоте равнины. Они подкупили настоящую женщину, чтобы она одолжила свое лицо Вуали, и теперь та жила в безопасном месте.

Вуаль свернула за угол и зашагала по другой улице. Военный лагерь Садеаса почти не изменился с тех пор, как она жила в этих лагерях, хотя выглядел еще более неухоженным. Дорога нуждалась в хорошей очистке; полипы камнепочек заставляли проезжавшие фургоны дребезжать и подскакивать. В большинстве ларьков возле товаров на виду торчал охранник. Это было не то место, где можно доверить охрану местным солдатам.

Она прошла мимо нескольких торговцев, продававших охранные глифы и другие амулеты, полезные в опасные времена. Бурестражи пытались продать списки грядущих бурь с указанием дат. Она проигнорировала их и перешла к магазинчику, в котором продавались прочные ботинки и походная обувь. Такой товар в военных лагерях шел хорошо. Многие посетители были проезжими путешественниками. К тому же вывод подталкивал беглый осмотр других торговых точек. Пайки, которых хватило бы на долгое путешествие. Ремонтные мастерские для фургонов или повозок. И конечно, здесь скапливалось все то, для чего не нашлось места в Уритиру.

Кроме того, здесь было множество загонов для рабов. Почти столько же, сколько борделей. Как только основная масса гражданских перебралась в Уритиру, все десять военных лагерей быстро превратились в жалкие стоянки для караванов.

По подсказке Сияющей Вуаль тайком оглянулась через плечо: солдат Адолина поблизости не было. Хорошо. Она заметила, что Узор наблюдает за ней со стены неподалеку, готовый доложить Адолину, если понадобится.

Все было на месте, и их разведка указывала, что ее похищение должно произойти сегодня. Возможно, ей следует еще немного подтолкнуть похитителей.

Наконец к ней подошел торговец обувью – толстый парень с бородой в белую полоску. При виде такого контраста у Шаллан возникло желание нарисовать его, поэтому Вуаль отступила назад и позволила Шаллан выйти, чтобы снять Образ для своей коллекции.

– Вас что-нибудь интересует, светлость?

Снова появилась Вуаль.

– Как быстро вы могли бы раздобыть сотню таких пар? – спросила она, постукивая по одному из ботинок тростинкой, которую Чанаша всегда носила в кармане.

– Сто пар? – переспросил мужчина, оживляясь. – Недолго, светлость. Четыре дня, если мой следующий груз прибудет вовремя.

– Отлично. У меня есть специальный контакт со старым Холином в его дурацкой башне, и я могу выгрузить большое количество, если вы сможете доставить их мне. Конечно, понадобится скидка на опт.

– Скидка на опт? – повторил мужчина.

Она взмахнула тростинкой:

– Да, естественно. Если я помогу продать ваш товар в Уритиру, я должна получить свою выгоду.

Он потер бороду.

– Вы... Чанаша Хасарех, не так ли? Я слышал о вас.

– Славно. Значит, вы в курсе, что я не играю в игры. – Она наклонилась и ткнула его тростинкой в грудь. – У меня есть способ обойти тарифы старого Холина, если мы будем действовать быстро. Четыре дня. А нельзя как-нибудь успеть за три?

– Можно. Но я законопослушный человек, светлость. Вы же... понимаете, что избегать тарифов – незаконно.

– Незаконно только в том случае, если мы признаем, что Холин имеет право требовать эти тарифы. Насколько я знаю, он не наш король. Он может претендовать на все, что захочет, но теперь, когда бури изменились, Вестники появятся и поставят его на место. Попомните мои слова.

«Хорошая работа, – подумала Сияющая. – Красиво с этим разобралась».

Вуаль постучала тростинкой по сапогам.

– Сто пар. Три дня. Я пришлю письмоводительницу, чтобы до вечера обсудить детали. Договорились?

– Договорились.

Чанаша была не из улыбчивых, поэтому Вуаль не сделала для этого торговца исключений. Она спрятала тростинку в рукав и коротко кивнула ему, после чего продолжила путь через рынок.

«Вам не кажется, что это было слишком откровенно? – спросила она мысленно. – С последней частью – о том, что Далинар не король, – я, кажется, здорово перегнула палку».

Сияющая сомневалась – в таких ситуациях она была не сильна, – но Шаллан одобрила. Им нужно было надавить сильнее, иначе ее никогда не похитят. Даже задержавшись возле темного переулочка, который, как она знала, часто посещали интересующие ее лица, «Чанаша» не привлекла к себе внимания.

Подавив вздох, Вуаль направилась к винному погребу рядом с рынком. Она приходила сюда уже несколько недель, и хозяева хорошо ее знали. Разведка сообщила, что они, как и торговец обувью, принадлежали к группе Сыны Чести, на которую охотилась Вуаль.

Служанка привела Вуаль в уединенный уголок с отдельным столиком, где не чувствовалась прохлада, царившая снаружи. Здесь она могла выпить в одиночестве и разобраться со счетами.

Счета. Какая гадость. Она достала их из сумки и разложила на столе. На что только не пойдешь ради сохранения иллюзии. Надо было играть безупречно: ведь настоящая Чанаша ни дня не проводила без того, чтобы сверить дебит с кредитом. Кажется, она так расслаблялась.

К счастью, с этой частью дела могла справиться Шаллан; она немного попрактиковалась со счетами Себариала. Вуаль расслабилась, позволив Шаллан взять верх. И на самом деле все было не так уж плохо. Работая, она рисовала каракули на полях, пусть это и не совсем соответствовало роли. Вуаль вела себя так, словно им всегда требовалось оставаться в образе, но Шаллан знала, что время от времени немного расслабиться не помешает.

«Мы могли бы расслабиться, пройдясь по игорным притонам...» – подумала Вуаль.

Одна из причин, по которой им приходилось проявлять такое усердие, заключалась в том, что эти военные лагеря позволяли Вуали дать волю своим наклонностям. Азартные игры без оглядки на воринские приличия. Бары, где без лишних вопросов подают что угодно. Военные лагеря были чудесной маленькой бурей вдали от обители Далинара Холина, где царила идеальная честность.

А еще в Уритиру было слишком много ветробегунов, мужчин и женщин, готовых сами упасть, лишь бы ты не ушиб локоть о неудачно поставленный стол. Здесь все было совсем по-другому. Вуаль могла бы полюбить этот лагерь. Так что, может быть, и к лучшему, что они остались строго в рамках роли.

Шаллан попыталась сосредоточиться на счетах. Она сумеет справиться с цифрами; она набралась опыта, когда вела бухгалтерские книги своего отца. Это началось еще до того, как...

До того, как она...

«Может быть, пора, – прошептала Вуаль. – Вспомнить раз и навсегда. Всё».

Нет, не пора.

«Но...»

Шаллан немедленно отступила.

«Нет, мы не можем думать об этом. Займи мое место».

Когда принесли вино, Вуаль откинулась на спинку стула. Ну ладно. Она сделала большой глоток и попыталась изобразить, будто занимается бухгалтерией. Честно говоря, она не могла злиться на Шаллан. Вместо этого она направила свои чувства на Йалай Садеас. Эта женщина не могла довольствоваться тем, что управляла здесь небольшой вотчиной, зарабатывала на караванах и держалась особняком. О нет. Она должна была затеять шквальную государственную измену.

И поэтому Вуаль пыталась вести бухгалтерские книги и притворяться, что ей это нравится. Она сделала еще один большой глоток. Через некоторое время в голове у нее затуманилось, и она почти втянула бурсвет, чтобы сжечь последствия выпивки, – но остановилась. Она не заказывала ничего особенно опьяняющего. Так что если у нее закружилась голова...

Она выпрямилась, ее взгляд стал рассеянным. В вино что-то подмешали! «Наконец-то», – подумала она, прежде чем безвольно обмякнуть на стуле.

– Не понимаю, что в этом сложного, – рассуждала Сил, когда они с Каладином приблизились к Поду. – Вы, люди, спите буквально каждый день. Вы всю жизнь этим занимаетесь.

– Да что ты говоришь! – ответил Каладин, легко приземляясь прямо за городом.

– Я же именно так и говорю – вот только что сказала, – заявила она, сидя у него на плече и глядя ему за спину.

Ее слова прозвучали беззаботно, но он почувствовал в ней то же напряжение, что и в себе самом, словно воздух вокруг них был туго натянутой кожей.

«Следи за мной краем глаза, ветробегун».

Он снова почувствовал боль в шее, в том месте, где Сплавленный раз за разом вонзал кинжал в его позвоночник.

– Даже младенцы могут спать, – сказала Сил. – Только ты можешь превратить нечто столь простое в нечто чрезвычайно сложное.

– Да? – спросил Каладин. – А ты можешь это сделать?

– Лечь. На время притвориться мертвой. Встать. Легко! О, и поскольку речь о тебе, добавлю обязательный последний шаг: пожаловаться.

Каладин зашагал к городу. Сил ожидала ответа, но ему не хотелось его давать. Не от досады, а скорее... от общей усталости.

– Каладин! – окликнула она.

В минувшие месяцы он чувствовал себя не в своей тарелке. Эти последние годы... как будто для всех жизнь продолжалась, но Каладин был отделен от людей непроницаемой стеной. Как будто он был картиной, висящей в коридоре и наблюдающей за проносящейся мимо жизнью.

– Ладно, – сказала Сил. – Возьму твою роль на себя.

Ее образ расплылся, и она стала точной копией Каладина, сидящего на собственном плече.

– Ну-ну, – низким голосом прорычала она. – Гыр-гыр-гыр. Становитесь в строй, парни. Шквальный дождь, испортивший и без того ужасную погоду. Кроме того, я запрещаю пальцы ног.

– Пальцы ног?

– Люди все время спотыкаются! – продолжала она. – Я не могу допустить, чтобы вы все навредили себе. Так что отныне никаких пальцев. На следующей неделе попробуем обойтись без ног. Теперь ступайте и раздобудьте какой-нибудь еды. Завтра мы встанем до рассвета, чтобы попрактиковаться в сверлении друг друга взглядом.

– Я не настолько плох. – Каладин не смог сдержать улыбку. – Кроме того, ты говоришь скорее голосом Тефта, чем моим.

Она снова преобразилась и выпрямила спину, явно довольная собой. И он должен был признать, что приободрился.

«Буря свидетельница, где бы я был, если бы не повстречал ее?»

Ответ очевиден. Он бы прыгнул во тьму и лежал на дне ущелья, мертвый.

Приблизившись к Поду, они обнаружили, что все почти пришло в порядок. Беженцы были возвращены в очередь, и певцы-боеформы, пришедшие со Сплавленным, ждали возле отца Каладина и новой градоначальницы, их оружие было в ножнах. Казалось, все понимали, что их дальнейшие действия во многом будут зависеть от результатов поединка.

Он шагнул вперед и схватил из воздуха перед собой Сил-копье, величественное серебряное оружие. Певцы обнажили клинки.

– Можете сражаться с Сияющим сами, если хотите, – сказал Каладин. – В качестве альтернативы, если вам не хочется умирать сегодня, предлагаю собрать певцов в этом городе и отступить на восток. Там в получасе хода есть буревое убежище для людей с отдаленных ферм; я уверен, что Абиаджан может привести вас к нему. Оставайтесь внутри до заката.

Шестеро солдат бросились на него.

Каладин вздохнул и опустошил еще несколько сфер с бурсветом. Стычка заняла около тридцати секунд, и в итоге одна из певиц рухнула мертвой с выжженными глазами, а другие отступили – их оружие было разрезано пополам.

Некоторые увидели бы в этой атаке храбрость. На протяжении большей части алетийской истории простых солдат поощряли бросаться на осколочников. Генералы учили, что малейший шанс заполучить осколок стоит невероятного риска.

Это было достаточно глупо: если бы Каладина убили, никакого осколка после него не осталось бы. Он был Сияющим, и солдаты знали это. Судя по тому, что он успел узнать, поведение солдат-певцов во многом зависело от Сплавленных, которым они служили. Готовность этих безоглядно пожертвовать собой не говорила об их хозяине ничего хорошего.

К счастью, оставшиеся пятеро прислушались к Абиаджан и другим певцам из Пода, которые – с некоторым усилием – убедили их, что, несмотря на отчаянную борьбу, они побеждены. Через некоторое время они все вместе побрели через быстро рассеивающийся туман.

Каладин снова посмотрел на небо. «Должно быть, уже близко», – подумал он, подходя к контрольно-пропускному пункту, где его ждала мать с узорчатой косынкой на распущенных волосах до плеч. Она обняла Каладина сбоку, держа маленького Ородена; тот протянул руки, чтобы Каладин взял его.

– Ты подрос! – сказал он мальчику.

– Гагадин! – воскликнул ребенок и замахал руками, пытаясь поймать Сил.

Как всегда, появляясь перед семьей Каладина, та проделала свой обычный трюк, превращаясь в разных животных и приплясывая в воздухе перед ребенком.

– Ну, – сказала мать, – как Лин?

– Тебе обязательно первым делом спрашивать об этом?

– Я же твоя мать, – сказала Хесина. – И?..

– Она порвала с ним, – доложила Сил, похожая на крошечную светящуюся рубигончую.

Слова, исходящие из пасти, звучали странно. – Сразу после нашего последнего визита.

– О, Каладин... – мать обняла его еще раз. – Как он это воспринимает?

– Дулся добрых две недели, но я думаю, что в основном он уже пережил это.

– Вообще-то, он стоит рядом, – заметил Каладин.

– И никогда не отвечает на вопросы о своей личной жизни, – парировала Хесина. –

Заставляя свою бедную мать обратиться к другим, божественным источникам.

– Видишь, – сказала Сил, теперь гарцуя вокруг, как кремлец. – Она знает, как обращаться со мной. С достоинством и уважением, которых я заслуживаю!

– Он снова проявил неуважение к тебе, Сил?

– Он уже целые сутки не упоминал о моем величии.

– Несправедливо заставлять меня иметь дело с вами обеими сразу, – сказал Каладин. – Этот гердазийский генерал добрался до города?

Хесина указала на соседнее здание, расположенное между двумя домами, – один из деревянных сараев для сельскохозяйственного инвентаря. Он не казался особенно прочным; некоторые доски были искорежены и расшатаны недавней бурей.

– Я спрятала их там, когда началось сражение, – объяснила Хесина.

Каладин протянул ей Ородена и направился к сараю.

– Хватай Лараль и собирай горожан. Сегодня грядет кое-что важное, и я не хочу, чтобы они паниковали.

– Объясни, что ты подразумеваешь под словом «важное», сынок.

– Сама увидишь.

– Ты собираешься поговорить с отцом?

Каладин поколебался, потом посмотрел через туманное поле на беженцев. Горожане начали выходить из своих домов, чтобы посмотреть, из-за чего весь этот шум. Отца он не мог найти.

– Куда он делся?

– Проверяет, действительно ли тот паршун, которого ты порезал, мертв.

– Конечно, – вздохнул Каладин. – С Лирином я разберусь позже.

Когда он открыл дверь, несколько очень раздражительных гердазийцев кинулись на него с кинжалами. В ответ он втянул немного бурсвета, заставив струйки люминесцентного дыма подниматься от непокрытых участков кожи.

– Клянусь тремя богами... – прошептал один высокий парень с волосами, собранными в хвост. – Это правда. Вы вернулись.

Эта реакция встревожила Каладина. Этот человек, как борец за свободу в Гердазе, должен был видеть Сияющих раньше. В идеальном мире коалиционные армии Далинара уже несколько месяцев поддерживали бы усилия по освобождению Гердаза.

Только вот на Гердаз все махнули рукой. Маленькая страна, казалось, была близка к краху, и армии Далинара зализывали раны после битвы на Тайленском поле. Затем просочились слухи о сопротивлении в Гердазе. Каждое донесение звучало так, будто с гердазийцами почти покончено, и поэтому ресурсы были распределены на более выигрышные фронты. Но Гердаз держался, безжалостно изводя врага. Армии Вражды потеряли десятки тысяч бойцов, сражаясь в этой маленькой, стратегически неважной стране.

В конце концов Гердаз пал, но потери, понесенные врагом, были на удивление велики.

– Кто из вас Норка? – спросил Каладин, выпуская изо рта светящееся облачко бурсвета.

Высокий парень указал на заднюю часть сарая, где у стены сидела темная фигура, закутанная в плащ. Каладин не смог разглядеть лица под капюшоном.

– Для меня большая честь лично познакомиться с легендой. – Каладин сделал шаг вперед. – Мне велели передать вам официальное приглашение вступить в коалиционную армию. Мы сделаем все возможное для вашей страны, но сейчас светлорд Далинар Холин и королева Ясна Холин очень хотят встретиться с человеком, который так долго противостоял врагу.

Норка не шелохнулся. Он остался сидеть, склонив голову. Наконец один из его людей подошел и потряс его за плечо.

Плащ сдвинулся, и тело обмякло, обнажив рулоны брезента, собранные в подобие человеческой фигуры в плаще. Манекен? Это еще что такое, ради неизвестного имени Буреотца?..

Солдаты казались удивленными не меньше, хотя высокий лишь вздохнул и покорно посмотрел на Каладина:

– Он иногда так делает, светлорд.

– Делает что? Превращается в лохмотья?

– Ускользает. Ему нравится проверять, сможет ли он сделать это так, чтобы мы не заметили.

Ругаясь по-гердазийски, один из солдат пошарил за ближайшими бочками и в конце концов обнаружил расшатанную доску. Дыра выходила в затененный переулок между зданиями.

– Мы найдем его где-нибудь в городе, я уверен, – пообещал солдат Каладину. – Дайте нам несколько минут, и мы его выследим.

– Я-то думал, он не станет играть в игры, – заметил Каладин. – Учитывая опасную ситуацию.

– Вы... не знаете нашего ганчо, светлорд. Именно так он ведет себя в опасных ситуациях.

– Непохоже, чтобы его поймали, – сказал другой с сильным акцентом, качая головой. – Когда ему грозит опасность, он исчезает.

– И бросает своих людей? – потрясенно спросил Каладин.

– Норка не дожил бы до этих дней, если бы не научился выпутываться из переделок, где любой другой пропал бы, – сказал высокий гердазиец. – Если бы мы были в опасности, он попытался бы вернуться за нами. Если не получится... ну, мы его охранники. Любой из нас отдал бы свою жизнь, чтобы он смог спастись.

– Непохоже, что мы ему очень нужны, – прибавил другой. – Сама Ганлос Риера не смогла его поймать!

– Что ж, найдите его, если сможете, и передайте мое сообщение, – сказал Каладин. – Нам нужно поскорее убраться из этого города. У меня есть основания подозревать, что сюда направляется большой отряд Сплавленных.

Гердазийцы отдали ему честь, хотя были не обязаны, будучи солдатами другой страны. В присутствии Сияющих люди вообще вели себя странно.

– Молодец! – одобрила Сил, когда он вышел из сарая. – Ты едва нахмурился, когда тебя называли светлордом.

– Я тот, кто я есть, – сказал Каладин, проходя мимо матери, которая теперь совещалась с Лараль и светлордом Рошоном.

Каладин заметил, как отец организовал нескольких бывших солдат Рошона, которые пытались взять под контроль беженцев. Очередь уменьшилась: надо думать, часть людей бежала.

Заметив Каладина, Лирин поджал губы. Лекарь был ниже ростом – Каладин унаследовал свой рост от матери. Отойдя от толпы, Лирин вытер платком пот с лица и лысеющей головы, затем снял очки, чтобы протереть их.

– Отец, – сказал Каладин, приблизившись.

– Я надеялся, – мягко ответил Лирин, – что наше послание вдохновит тебя на то, чтобы явиться сюда тайком.

– Я пытался. Но Сплавленные повсюду установили посты для наблюдения за небом. Возле одного из них туман неожиданно рассеялся, и я оказался на виду. Я надеялся, что меня не заметили, но... – Он пожал плечами.

Лирин снова надел очки, и Каладин понял, о чем он думает. Лирин предупреждал, что если Каладин будет продолжать навещать их, он принесет смерть в Под. Сегодня она настигла певца, который напал на него. Лирин накрыл труп саваном.

– Я солдат, отец. Я сражаюсь за этих людей.

– Любой идиот с руками может держать копье. Я натренировал твои руки для чего-то лучшего.

– Я... – Каладин остановился и глубоко вздохнул.

В отдалении он слышал характерный глухой звук.

«Наконец-то».

– Мы можем обсудить это позже, – сказал Каладин. – Иди собирай все, что хочешь взять. Быстро. Нам нужно уходить.

– Уходить? – переспросил Лирин. – Я уже говорил тебе. Я нужен горожанам и не собираюсь их бросать.

– Я знаю, – сказал Каладин, махнув рукой в сторону неба.

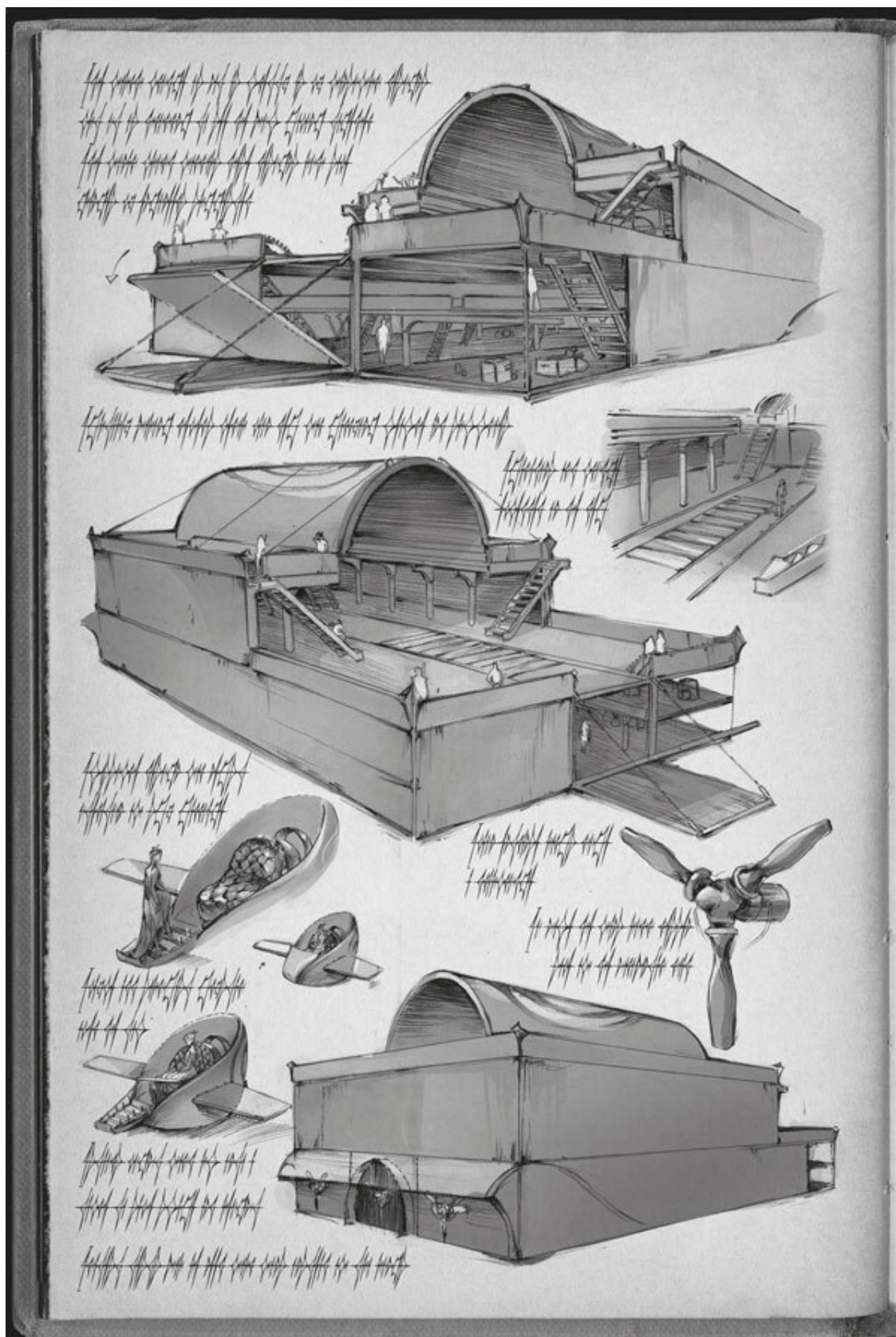
– Да что ты такое...

Лирин осекся: из тумана появилась огромная темная тень. Машина невероятных размеров медленно летела по воздуху. По обе стороны от нее строем парили две дюжины ветробегунов, ярко светящихся от бурсвета.

Это был не корабль, а гигантская летающая платформа. Тем не менее вокруг Лирина собрались спрены благоговения, как кольца голубого дыма. Впрочем, в первый раз, когда Каладин увидел, как Навани заставляет платформу парить, он тоже разинул рот.

Она заслонила солнце, отбрасывая тень на Каладина и его отца.

– Ты ясно дал понять, – сказал Каладин, – что вы с матерью не покинете жителей Поды. Поэтому я договорился взять их с собой.

3. «Четвертый мост»

Последний шаг в поимке спрена – самый сложный, поскольку надо удалить буресвет из камня. Конкретные методы, применяемые каждой гильдией артефабров, хранятся ими в строгой тайне и известны только самым старшим членам.

Самый простой способ – использовать ларкина, разновидность кремлеца, которая питается буресветом. Это было бы замечательно и удобно, если бы эти существа не вымерли почти полностью. Войны в Аймши отчасти случились из-за этих, казалось бы, невинных маленьких созданий. Лекция по фабриальной механике, прочитанная Навани Холин перед коалицией монархов, Уритиру, йезеван, 1175 г.

Навани Холин высунулась из-за борта летающей платформы и посмотрела на камни в сотнях футов внизу. Плодородие Алеткара продолжало ее удивлять, и это многое говорило о тех местах, где она жила. Камнепочки громоздились на каждой поверхности, за исключением участков, расчищенных под жилье или пашни. Целые поля диких трав колыхались на ветру, и над ними плясали спрены жизни. Деревья, сплетясь ветвями, противостояли бурям, как настоящие бастионы.

Здесь, в отличие от Расколотых равнин или Уритиру, все росло. Это был дом ее детства, но теперь он казался ей почти чужим.

– Мне бы очень хотелось, светлость, чтобы вы не высовывались вот так за край, – сказала Велат.

Ученая дама средних лет вела себя так, словно была матерью всем присутствующим; волосы она из-за ветра заплела в тугие косы.

Навани, естественно, высунулась еще дальше. Можно было бы подумать, что за пятьдесят лет жизни она нашла способ преодолевать свою врожденную импульсивность. К счастью, достигнутое положение позволяло ей просто поступать как вздумается.

Летающая платформа отбрасывала на камни внизу симпатичную геометрическую тень. Горожане сгрудились, таращась вверх; Каладин и другие ветробегуны вынудили их отступить, освобождая место для посадки.

– Светлорд Далинар, – сказала Велат, – не могли бы вы вразумить ее? Она же упадет, точно вам говорю.

– Это корабль Навани, Велат, – раздался позади голос Далинара – твердый, как сталь, и неизменный, как математика. Она любила его голос. – Думаю, если я помешаю ей насладиться моментом, она сама меня вышвырнет за борт.

– Разве она не может наслаждаться с середины платформы? Возможно, будучи хорошо привязанной к палубе. Двумя веревками.

Ветер растрепал ее распущенные волосы, и Навани усмехнулась. Свободной рукой она держалась за поручень.

– Теперь в этой местности нет людей. Передайте приказ – ровный спуск на землю.

Она затеяла этот проект, используя в качестве образца старые мосты, с помощью которых пересекали ущелья. В конце концов, это был не военный корабль, а транспорт, предназначенный для перевозки множества пассажиров, – нечто вроде деревянного ящика более ста футов в длину, шестьдесят в ширину и около сорока футов в высоту, чтобы вместились три палубы.

В задней части верхней палубы они построили высокие стены и крышу. Передняя треть была открытой, с перилами по бокам. Большую часть пути инженеры Навани провели на командном пункте в защищенной части. Но поскольку сегодня требовались искусные маневры, они передвинули столы и привинтили их к палубе в правом переднем углу платформы.

«Правый передний угол, – подумала она. – Должны ли мы вместо этого использовать морские термины? Но это не океан. Мы летим».

Они летят. Сработало! Не только в маневрах и испытаниях на Расколотых равнинах, но и в реальной миссии, охватывающей сотни миль пространства.

Позади нее более дюжины инженеров-ревнителей обслуживали командный пункт под открытым небом. Ка – письмоводительница из какого-то отряда ветробегунов – отправила приказ на Уритиру через даль-перо. Находясь в движении, они не могли писать полные инструкции – у даль-перьев с этим были проблемы. Но они могли посылать вспышки света, поддающиеся расшифровке.

В Уритиру другая группа инженеров работала над сложными механизмами, которые удерживали этот корабль в воздухе. На самом деле, он основывался на той же технологии, что и даль-перья. Когда один из элементов системы двигался, другой вторил ему. Что ж, половинки самосвета тоже можно было соединить таким образом, что, когда одна из них опустится, другая половина, где бы она ни находилась, поднимется в воздух.

Сила передавалась: окажись дальняя половина под чем-то тяжелым, им будет трудно опустить свою. К сожалению, имел место некий дополнительный распад; чем дальше друг от друга находились две половинки, тем большее сопротивление чувствовалось при их перемещении. Но если можно было двигать ручку, то почему не сторожевую башню? Почему не карету? Почему не целый корабль?

И поэтому сотни людей и чуллов работали в Уритиру над системой блоков, соединенных с широкой решеткой из самосветов. Когда они опустили решетку вдоль края плато за пределами башни, корабль Навани поднялся в небо.

При помощи другой решетки, укрепленной на Расколотых равнинах и соединенной с чуллами, можно было заставить корабль двигаться вперед или назад. Настоящий прогресс наступил, когда они научились использовать алюминий, чтобы изолировать движение вдоль плоскости и даже изменять векторы силы. Последним элементом конструкции были чуллы: они тянули какое-то время, а затем их разворачивали, временно отсоединив самосветы, и отгоняли в другую сторону, поскольку все это время воздушный корабль продолжал двигаться по прямой.

Чередование этих двух решеток – одной для контроля высоты и второй для контроля горизонтального движения – позволило кораблю Навани воспарить.

Ее корабль. Ее собственный корабль! Она хотела бы поделиться этим с Элокаром. Хотя большинство людей помнили ее сына только как человека, который не сумел стать достойным преемником Гавилара, она знала его как любопытного, любознательного мальчика, обожавшего ее рисунки. Он всегда любил высоту. Как бы ему понравился вид с этой палубы...

Работа над этим судном помогла ей выжить в те несколько месяцев после его смерти. Конечно, не ее математические расчеты в конце концов сделали этот корабль реальностью. О взаимодействии между сопряженными фабриями и алюминием стало известно во время экспедиции в Аймиа. Ее инженерные схемы также были ни при чем; ее первоначальные задумки были куда причудливее, чем нынешняя заурядная конструкция.

Она просто руководила людьми, которые были умнее ее. Так что, возможно, она не заслужила того, чтобы улыбаться, как ребенок, наблюдая за результатом. Но она все равно улыбалась.

Выбор названия потребовал целых месяцев на размышления. В конце концов, она почерпнула вдохновение в мостах, которые один раз уже вдохновили ее. Речь шла о том мосте, который много месяцев назад спас Далинара и Адолина от верной смерти, что, как она надеялась, этот корабль сделает для многих других в столь же ужасных ситуациях.

Итак, первый в мире воздушный транспорт получил имя «Четвертый мост». С разрешения старой команды великого маршала Каладина она приказала установить их старый мост в центре палубы в качестве символа.

Навани отошла от края платформы и направилась к командному пункту. Она услышала, как Велат вздохнула с облегчением, – картограф привязала себя к палубе веревкой. Навани предпочла бы взять с собой Исасика, но он отправился в одну из своих картографических экспедиций, на этот раз в восточную часть Расколотых равнин.

Тем не менее у нее был полный набор ученых и инженеров. Белобородый Фалилар просматривал схемы вместе с Рушу, в то время как множество помощников и письмоводительниц бегали туда-сюда, проверяя структурную целостность или измеряя уровни буресвета в камнях. Навани не оставалось ничего другого, кроме как стоять рядом с важным видом. Она улыбнулась, вспомнив, как Далинар говорил что-то подобное о боевых генералах, чьи планы приводили в действие.

«Четвертый мост» опустился, и передние двери нижнего уровня открылись, чтобы принять пассажиров. Дюжина гранетанцоров потекла к городу. Сияя буресветом, они двигались странной походкой – попеременно отталкиваясь одной ногой и скользя на другой. Они могли скользить по дереву или камню, как по льду, и грациозно перепрыгивать через препятствия.

Последняя в группе гранетанцоров – долговязая девушка, которая, казалось, выросла на целый фут за последний год, – не успела прыгнуть и споткнулась о камень, который обошли все остальные. Навани спрятала улыбку. К сожалению, даже Сияющие не имели защиты от подростковой неуклюжести.

Гранетанцорам надлежало сопроводить жителей города на транспорт и исцелить раненых или больных. Ветробегуны метались по небу, высматривая возможную опасность.

Вместо того чтобы беспокоить инженеров или солдат, Навани направилась к Кмаклу, тайленскому принцу-консORTу. Старейший супруг королевы Фэн был военным моряком, и Навани подумала, что он с удовольствием присоединится к ним в первой миссии «Четвертого моста». Он почтительно поклонился ей, его брови и длинные усы свисали вдоль лица.

– Вы, должно быть, считаете нас очень неорганизованными, адмирал, – сказала ему Навани по-тайленски. – Никакой капитанской каюты и лишь горстка привинченных столов для командного пункта.

– Конечно, это странный корабль, – ответил пожилой моряк. – Но по-своему величественный. Я слушал разговоры ваших ученых – они предположили, что наша скорость составляет в среднем около пяти узлов.

Навани кивнула. Эта миссия началась как длительное испытание на выносливость – и на самом деле она не участвовала в путешествии с первого дня. «Четвертый мост» неделями летал над Курящимся океаном, укрываясь от бурь в лейтах и бухтах. На протяжении того времени единственным экипажем корабля были инженеры и горстка матросов.

Затем пришла просьба от Каладина. Нет ли желания подвергнуть судно более серьезному испытанию, вывезя целый алеткарский городок и печально известного гердазийского генерала в придачу? Далинар принял решение, и «четвертый мост» взял курс на Алеткар.

Ветробегуны доставили на корабль командный состав, включая Навани, и Сияющих.

– Пять узлов, – сказала Навани. – Не особенно быстро по сравнению с вашими лучшими кораблями.

– Прошу прощения, светлость, – возразил пожилой моряк. – Но это, по сути, гигантская баржа, и для нее пять узлов – впечатляющая скорость, даже если игнорировать тот факт, что она летит. – Он покачал головой. – Этот корабль движется быстрее, чем армия, идущая ускоренным маршем, но он доставляет войска свежими и обеспечивает собственную мобильную высоту для стрельбы из лука.

Навани не смогла удержаться, чтобы не просить от гордости.

– Нам еще многое предстоит решить, – сказала она. – Лопасты сзади едва увеличили скорость. Нужно что-то получше. Мы задействовали огромную рабочую силу.

– Воля ваша, – проговорил старик и с отрешенным выражением уставился на горизонт.

– Адмирал? С вами все в порядке?

– Я просто представляю себе конец эпохи. Жизнь, которую я знал, путь океанов и флота...

– Нам по-прежнему нужен флот, – не согласилась Навани. – Этот воздушный транспорт – всего лишь дополнительный инструмент.

– Возможно, возможно. Но на мгновение представьте себе флот обычных кораблей, подвергающихся атаке одного из... этих. Сверху. Для такого не понадобятся специально обученные лучники. Летучие матросы смогут потопить флот за считанные минуты, кидая камни... – Он взглянул на нее. – Моя дорогая, если подобные штуки станут вездесущими, то устареет не только военный флот. Я не могу решить, рад ли я, что достаточно стар, чтобы с нежностью попрощаться со своим миром, или я завидую молодым парням, которым предстоит исследовать этот новый мир.

Навани не находила слов. Она хотела подбодрить его, но прошлое, к которому Кмакл относился с такой теплотой, было... ну, как волны на воде. Оно исчезло, поглощенное океаном времени. Ее волновало будущее.

Кмакл, казалось, почувствовал ее нерешительность и улыбнулся:

– Не обращайте внимания на болтовню ворчливого старого моряка. Смотрите-ка, узко-ватель желает вашего внимания. Идите и ведите нас к новому горизонту, светлость. Вот где мы найдем успех против этих захватчиков.

Она ласково похлопала Кмакла по руке и поспешила к Далинару. Он стоял в центре палубы, и к нему шагал великий маршал Каладин в сопровождении человека в очках. Должно быть, это был отец ветробегуна, хотя ей потребовалось напрячь воображение, чтобы увидеть сходство. Каладин был высоким, а Лири – наоборот. У молодого человека были непослушные кудри, ниспадающие на плечи, в то время как Лири частично облысел, а остаток шевелюры стриг очень коротко.

Однако, подойдя к Далинару, она поймала взгляд Лирина – и семейная связь стала более очевидной. Та же спокойная сосредоточенность, тот же чуть осуждающий взгляд человека, который, казалось, знает о тебе слишком много. В этот момент она увидела двух мужчин с одной душой, несмотря на все их внешнее несходство.

– Сэр, – обратился Каладин к Далинару. – Мой отец, доктор.

Далинар кивнул:

– Лири́н Благословенный Буре́й. Это честь для меня.

– Благословенный Буре́й?.. – переспросил Лири́н.

Он не поклонился, что Навани сочла недипломатичным, учитывая, перед кем он стоял.

– Я предполагал, что вы примете родовое имя своего сына, – сказал Далинар.

Лири́н взглянул на Каладина, который явно не сообщил ему о своем возвышении. Но ничего не прибавил к сказанному, а вместо этого окинул взглядом ее воздушный корабль и кивнул в знак должного уважения.

– Великолепное творение, – сказал Лири́н. – Как вы думаете, сможет ли он быстро доставить мобильный госпиталь, укомплектованный лекарями, на поле боя? Это позволило бы спасти столько жизней...

– Изобретательно, – сказал Далинар. – Впрочем, теперь этим делом обычно занимаются гранетанцоры.

– А-а. Точно. – Лири́н поправил очки и наконец почувствовал некоторое уважение к Далинару. – Я ценю то, что вы делаете здесь, светлорд Холин, но не могли бы вы сказать, как долго мои люди будут заперты в этом транспорте?

– Чтобы добраться до Расколотых равнин, потребуется несколько недель. Но мы будем снабжать припасами, дадим одеяла и все прочее, что нужно для удобного путешествия. Вы будете выполнять важную функцию, помогая нам научиться лучше оснащать эти транспорты. Кроме того, мы лишим врага важного населенного пункта и фермерской общины.

Лири́н задумчиво кивнул.

– Хотите осмотреть помещения? – предложил Далинар. – Трюмы не роскошные, но места хватит для сотен пассажиров.

Лири́н понял, что его отсылают прочь, но опять не поклонился и не выразил уважения, уходя.

Каладин задержался:

– Прошу прощения за моего отца, сэр. Он плохо переносит сюрпризы.

– Все в порядке, – сказал Далинар. – Представляю, через что эти люди прошли в последнее время.

– Возможно, это еще не конец, сэр. Сегодня утром меня заметили во время разведки. Один из Сплавленных – разновидность, которую я никогда раньше не видел, – пришел в Под, охотясь за мной. Я прогнал его, но не сомневаюсь, что вскоре к нему подойдет подкрепление.

Далинар старался сохранять невозмутимость, но Навани заметила, как разочарованно опустились уголки его губ.

– Ладно, – сказал он. – Я надеялся, что туман укроет нас, но это было бы слишком хорошо. Пойди предупреди остальных ветробегунов, а я велю передать весть гранетанцорам, чтобы они ускорили эвакуацию.

Каладин кивнул и добавил:

– У меня кончается свет, сэр.

Навани вытащила блокнот из кармана, когда Далинар поднял руку и прижал ее к груди Каладина. Воздух вокруг них слегка... исказился, и на мгновение показалось, что она заглянула в Шейдсмар. Иную реальность, наполненную стеклянными бусинками и парящими огоньками свечей.

На краткий миг ей послышался вдалеке какой-то звук. Чистая нота, от которой все тело ощутило вибрацию.

Звук тотчас же исчез, но она все равно записала свои впечатления. Силы Далинара были связаны с составом бурсвета, тремя реальностями и в конечном счете с самой природой божественности. Все эти тайны еще предстояло раскрыть.

Каладиновские запасы буресвета были обновлены, излишки заструились над кожей, словно пар, видимый даже при дневном свете. Сферы, которые были при нем, также должны были зарядиться вновь. Далинар каким-то образом проникал в пространство между реальностями и касался силы самого Всемогущего – некогда этой способностью обладали лишь сами бури и существа, обитающие в них.

Вновь полный сил, молодой ветробегун шагнул в сторону. Присев, он коснулся ладонью прямоугольного куска палубы, который выделялся на общем фоне: дерево явно не новое, покрытое пятнами и отметинами от стрел. Его старый мост встроили в палубу, соединив с прочими частями. Ветробегуны из изначального Четвертого моста всегда выполняли один и тот же безмолвный ритуал, прежде чем покинуть воздушный корабль. Это заняло всего мгновение – и Каладин взлетел.

Навани закончила свои записи, пряча улыбку: она заметила, что Далинар читает через ее плечо. Это было все еще довольно странное переживание, несмотря на все ее попытки ободрить его.

– Я уже позволил Ясне делать заметки о том, что я делаю, – сказал Далинар. – И все же каждый раз ты вытаскиваешь этот блокнот. Что ты ищешь, светсердце мое?

– Пока что сама толком не знаю. В природе Уритиру есть нечто странное, и я думаю, что узокователи могут быть связаны с башней – по крайней мере, судя по тому, что мы читали о древних Сияющих.

Она перевернула страницу и показала ему несколько схем, которые нарисовала. В центре города-башни Уритиру было огромное сооружение из самосветов – кристаллическая колонна, фабриаль, не похожий ни на один из тех, что она когда-либо видела. Она все больше убеждалась в том, что башня когда-то питалась от этой колонны, так же как летающий корабль питался от самосветов, которые ее инженеры встроили в корпус. Но башня была сломана и едва функционировала.

– Я пытался зарядить колонну, – сказал Далинар. – Не сработало.

Он мог влить буресвет в обычные сферы, но самосветы башни сопротивлялись.

– Должно быть, мы неправильно подходим к проблеме, – прибавил он. – У меня не идет из головы мысль о том, что, если бы я знал больше о буресвете, решение было бы простым.

Навани покачала головой. «Четвертый мост» был выдающимся достижением, но она беспокоилась, что не справилась с более важной задачей. Уритиру находился высоко в горах, где было слишком холодно, чтобы выращивать растения, но в башне имелось много полей. Люди не только выживали в этих суровых условиях, но и процветали.

Как? Она знала, что когда-то в башне жил могущественный спрен по имени Сородич. Спрен уровня Ночехранительницы или Буреотца – и способный создать узокователя. Оставалось лишь предположить, что спрен – или, возможно, какая-то особенность его отношений с человеком – позволял башне функционировать. К несчастью, Сородич умер во время Отступничества. Она не была уверена, до какой степени «умер». Был ли Сородич мертв, как души осколочных клинков, которые продолжали двигаться? Некоторые спрены, с которыми ей довелось беседовать, говорили, что Сородич «дремлет» – и это, по их словам, не могло измениться.

Ответы были неясны, и Навани оставалось лишь продолжать поиски. Она изучала Далинара и его связь с Буреотцом, надеясь, что это даст какой-то дополнительный ключ.

– Итак, – раздался позади них голос с акцентом, – алети действительно научились летать. Я должен был поверить в эти истории. Только вашей нации хватило бы упрямства, чтобы подчинить саму природу.

Навани вздрогнула, хотяотреагировала медленнее, чем Далинар, который развернулся, положив руку на рукоять поясного меча, и тут же встал между Навани и странным голосом. Ей пришлось выглянуть из-за него, чтобы увидеть говорившего.

Он был невысокого роста, без одного зуба, с приплюснутым носом и веселым выражением лица. Поношенный плащ и рваные штаны выдавали в нем беженца. Он стоял рядом с инженерной станцией Навани, где взял карту, на которой был нанесен курс «Четвертого моста».

Велат, стоявшая у центра стола, взвизгнула, увидев его, затем потянулась, чтобы вырвать бумагу.

– Беженцы должны собраться внизу, – сказала Навани, указывая на лестницу.

– Флаг им в руки, – сказал гердазиец. – Ваш летающий мальчик сообщил, что для меня найдется место здесь. Даже не знаю, что я думаю о службе аleti. Я большую часть жизни старался держаться от них подальше. – Он посмотрел на Далинара. – В особенности от тебя, Черный Шип. Без обид.

«Ах!» – подумала Навани. Она слышала, что Норка склонен обманывать чужие ожидания. Она пересмотрела свою оценку, затем взглянула на Кобальтовых гвардейцев, которые запоздало спешили с борта корабля. Они выглядели раздосадованными, но Навани взмахом руки велела им удалиться. Позже она задаст несколько неприятных вопросов о том, почему они были настолько небрежны, что позволили этому человеку прокрасться по ступенькам к командному пункту.

– Я считаю мудрыми людей, которые старались избегать того, кем я когда-то был, – сказал Далинар Норке. – Но это новая эра, с новыми врагами. Наши прошлые ссоры теперь не имеют никакого значения.

– Ссоры? – переспросил Норка. – Вот как аleti это называют. Да-да. Видишь ли, я недостаточно хорошо знаю ваш язык. Я-то думал, ваши действия в адрес моего народа называются «грабеж и тактика выжженной земли».

Он вытащил что-то из кармана – это оказалась еще одна карта Велат. Он оглянулся через плечо, чтобы убедиться, что она не смотрит, затем развернул карту и склонил голову набок, изучая.

– То, что осталось от моей армии, спрятано в четырех лощинах между этим местом и Гердазом. Всего несколько сотен. Используй свой летательный аппарат, чтобы спасти их, и мы поговорим. Кровожадность аleti за эти годы стоила мне многих близких, но я был бы дураком, если бы не воспользовался случаем направить ее, как пресловутое лезвие меча, на кого-то другого.

– Будет сделано, – сказал Далинар.

Навани не упустила из вида, что он – хотя ранее утверждал, будто «Четвертый мост» принадлежит супруге, – согласился на просьбу Норки, даже не посоветовавшись с ней. Она старалась не обращать внимания на подобные вещи. Дело не в том, что муж ее не уважал, – он неоднократно доказывал обратное. Далинар Холин просто привык быть самым важным и вообще самым способным человеком в округе. Это заставляло его бросаться вперед, как надвигающаяся буревая стена, принимая решения по мере необходимости.

И все же подобное раздражало Навани больше, чем она когда-либо признавалась вслух.

Внизу начали прибывать первые настоящие беженцы, которых бережно направляли гранетанцоры. Навани сосредоточилась на насущной проблеме: убедиться, что каждый устроен наилучшим образом и чувствует себя комфортно. Она составила план. К несчастью, прием их был прерван, когда Лин – ветробегунья с длинными темными волосами, заплетенными в косу, – рухнула на палубу.

– Приближаются Сплавленные, сэр, – доложила она Далинару. – Целых три летучих отряда.

– Значит, Каладин был прав. Надеюсь, мы сможем их прогнать. Помогите нам буря, если они будут нападать на корабль на всем пути к Расколотым равнинам.

Навани больше всего боялась, что летающие враги смогут нанести удар и даже вывести из строя транспорт. У нее имелись меры предосторожности на такой случай – и, похоже, она станет свидетелем их первого испытания.

4. Архитекторы будущего

Чтобы извлечь буресвет из камня, я использую метод Арниста. Несколько больших пустых самосветов подносят близко к заряженному, пока спрен осматривает его. Буресвет медленно поглощается из маленького самосвета очень большим самосветом того же типа – и несколько вместе могут быстро вытянуть весь свет. Ограничением метода является, конечно, тот факт, что нужно не просто приобрести один самосвет для вашего фабриала, но и несколько более крупных, чтобы выкачать буресвет.

Должны существовать и другие методы, что доказывают фабриали с чрезвычайно большими самосветами, созданные Гильдией Вризтл из Тайлены. Ваше величество, соблаговолите повторить мою просьбу гильдии – ведь эта тайна имеет жизненно важное значение для военных действий. Лекция по фабриальной механике, прочитанная Навани Холин перед коалицией монархов, Уритиру, йезеван, 1175 г.

Когда они очнулись, Сияющая немедленно взяла инициативу в свои руки и оценила ситуацию. На голове у нее был мешок, так что никто не видел, как она пытается определить свое место нахождения, и к тому же она была достаточно осторожна, чтобы не выдать себя движениями, предупредив похитителей. К счастью, Шаллан прикрепила свое светоплетение таким образом, что иллюзорное лицо сохранялось, даже когда они были без сознания.

Сияющая не оказалась связанной, хотя кто-то нес ее на плече. От него пахло чуллами. А может, это вонял мешок.

Тело активизировало ее силы, исцелило ее и позволило проснуться раньше, чем это могло бы произойти естественным путем. Сияющая не любила прятаться или притворяться, но она верила, что Вуаль и Шаллан знают, что делают. Вместо этого она взялась за собственную часть работы: оценила опасность сложившейся ситуации.

С ней, похоже, все было в порядке, хоть такое положение и не назовешь удобным. Ее голова подпрыгивала на спине мужчины при каждом шаге, прижимаясь лицом к ткани мешка. В глубине души она чувствовала удовлетворение, исходящее от Вуали. Они почти отказались от миссии. Приятно было сознавать, что вся их работа не пропала даром.

Итак, куда ее несут? Это оказалось одной из самых больших загадок: где Сыны Чести проводили свои маленькие собрания. Несколько месяцев назад команде Шаллан удалось внедрить в группу одного человека, но он не был достаточно важной персоной, чтобы получить необходимые им сведения. Для такого требовался светлоглазый.

Они подозревали, что после смерти Амарама руководство культом захватила Йалай. Ее фракция планировала взять под контроль Клятвенные врата в центре Расколотых равнин. К сожалению, у Сияющей не было доказательств, а без веских доказательств она не могла выступить против Йалай. Далинар согласился с этим, особенно после того что Адолин сделал с мужем Йалай.

«Жаль, что он не нашел способа прикончить обоих», – подумала Вуаль.

«Это было бы неправильно, – отозвалась Сияющая. – В тот момент Йалай не представляла для него никакой угрозы».

Шаллан не согласилась, и Вуаль, естественно, тоже, поэтому Сияющая оставила эту тему. Она надеялась, что Узор все еще следовал за ней на расстоянии, как было велено. Как только группа остановится и начнет вводить Сияющую в курс дела, спрен приведет Адолина и солдат, если ей понадобится помощь.

В конце концов похитители остановились, и грубые руки стащили ее с плеча. Она закрыла глаза и вынудила себя оставаться обмякшей, когда ее опустили на землю. Мокрый и скользкий камень; кругом прохладно. Мешок сняли, и она почувствовала какой-то резкий запах. Она по-прежнему не шевелилась, и тогда кто-то облил ей голову водой.

Пришло время Вуали взять бразды правления. Она ахнула, якобы очнувшись, и подавила первый инстинктивный порыв схватить нож и быстро расправиться с тем, кто ее облил. Вуаль вытерла глаза рукавом защищенной руки и обнаружила, что находится в сыром и влажном месте. Растения на каменных стенах съжились от шума, а небо выглядело далекой трещиной где-то высоко. Вокруг множества мясистых растений и лоз прыгали в воздухе спрены жизни.

Она была в каком-то ущелье. Дыхание Келека! Каким образом они унесли ее в ущелье так, что никто не видел?

Вокруг стояла группа людей в черных одеждах, каждый держал на ладони ярко сверкающий бриллиантовый броум. Она заморгала от резкого света. Их капюшоны выглядели немного более удобными, чем ее мешок. На каждом одеянии был вышит двойной глаз Всемогущего, и у Шаллан мелькнула мысль: интересно, что сказали портнихе, которую наняли для выполнения всей этой работы? «Да, нам нужно двадцать одинаковых таинственных одеяний, расшитых древними загадочными символами. Они для... вечеринок».

Заставляя себя оставаться в образе, Вуаль удивленно и растерянно посмотрела вверх, затем отпрянула к стене пропасти, напугав кремлеца темно-фиолетовой окраски.

– Чанаша Хасарех, – глубоким и звучным голосом заговорила фигура впереди, – у тебя прекрасное и уважаемое имя. Унаследованное от Чанаранач’Элин, Вестницы простонародья. Ты действительно желаешь их возвращения?

– Я... – Вуаль подняла руку, заслоняясь от света броумов. – Что это? Что происходит? И кто из вас Йалай Садеас?

– Мы – Сыны Чести, – сказала другая фигура, на этот раз женщина, но не Йалай. – Наш священный долг – возвещать возвращение Вестников, возвращение бурь и нашего бога – Всемогущего.

– Я... – Вуаль облизнула губы. – Я не понимаю.

– Поймешь, – сказал первый голос. – Мы наблюдали за тобой и находим твоё рвение достойным. Ты хочешь свергнуть фальшивого короля, Черного Шипа, и вернуть королевство тем, кто должен править по закону, – великим князьям? Ты хочешь, чтобы правосудие Всемогущего обрушилось на нечестивых?

– Конечно, – ответила Вуаль.

– Отлично, – одобрила женщина. – Мы верили в тебя не напрасно.

Вуаль была почти уверена, что это Улина, член ближайшего окружения Йалай. Сначала она была неважной светлоглазой письмоводительницей, но в военных лагерях быстро сделала карьеру.

Увы, раз Улина здесь, то Йалай, скорее всего, нет. Великая княгиня часто посылала Улину делать то, чего она сама делать не хотела. Это означало, что Вуаль потерпела неудачу по крайней мере в одной из своих целей: она не сумела представить «Чанашу» достаточно важной особой, чтобы заслуживать повышенного внимания.

– Мы руководили возвращением Сияющих, – сказал мужчина. – А ты не задумывалась, почему они появились? Почему все это – Буря бурь, пробуждение паршунов – происходит? Мы все организовали. Мы – великие архитекторы будущего Рошара.

Узор бы оценил такую ложь по достоинству. А Вуаль сочла ее недостаточно хорошей. По-настоящему славный, восхитительный обман намекал на скрытое величие или тайны, запряжанные глубже. Это же было нечто вроде пьяных бредней у барной стойки, имеющих целью вызвать жалость и получить бесплатную выпивку. Подобное вызывало скорее презрение, чем интерес.

Мрейз рассказывал об этой группе и их попытках вернуть Вестников, которые на самом деле и не исчезали. Гавилар их возглавлял, использовал их ресурсы и сердца для достижения своих собственных целей. Из-за него они ненадолго стали важными движущими силами в мире.

Большая часть этой славы померкла, когда старый король пал и Амарам растратил все остальное. Эти разрозненные остатки не были архитекторами будущего. Они были тяжким наследием предыдущей эпохи, и даже Сияющая соглашалась, что к заданию – порученному им Далинаром и втайне Мрейзом – стоило отнестись серьезно. Пришло время покончить с Сынами Чести раз и навсегда.

Вуаль смотрела на членов культа, старательно балансируя между осторожностью и подбострастием.

– Сияющие... Вы – Сияющие?

– Мы – нечто поважнее, – сказал мужчина. – Но прежде чем мы скажем больше, ты должна пройти посвящение.

– Я рада любой возможности принести пользу, – ответила Вуаль. – Но... это совершенно неожиданно. Как я могу быть уверена, что вы не агенты фальшивого короля, пытающиеся заманить в ловушку таких людей, как я?

– Со временем все прояснится, – пообещала женщина.

– А если я буду настаивать на доказательствах? – не унималась Вуаль.

Фигуры переглянулись. У Вуали возникло ощущение, что они не встречали особого сопротивления во время своих предыдущих вербовок.

– Мы служим законной королеве Алеткара, – наконец сказала женщина.

– Йалай? – ахнула Вуаль. – Она здесь?

– Сперва посвящение. – мужчина махнул рукой двум другим.

Они приблизились к Вуали; один был таким высоким, что мантия доходила ему только до середины икры. Действуя нарочито грубо, он схватил ее за руки и вынудил встать, а потом снова поставил на колени.

«Я тебе это припомню», – подумала она, когда другая фигура достала из черного мешка светящееся устройство. Фабриаль был украшен двумя яркими гранатами и имел ряд замысловатых проволочных петель.

Шаллан особенно гордилась этим дизайном. И хотя поначалу Вуаль находила его безвкусным, теперь она согласилась, что для этой группы он подходил. Они, казалось, безогово-

рочно доверяли ему, когда поднесли к ней и нажали какие-то кнопки. Гранаты потемнели, и фигура провозгласила:

– Она не носит на себе иллюзий.

Продавать им это устройство было восхитительно весело. Надев маску мистика, Вуаль использовала шутовину, чтобы «разоблачить» одного из своих светоплетов в тщательно спланированной схеме. Впоследствии Вуаль запросила с них вдвое больше, чем хотела Шаллан, – и непомерная цена, казалось, только заставила Сынов еще больше поверить в силу фабриаля. Да благословит их Всемогуший.

– Твое посвящение! – воскликнул мужчина. – Поклянись, что будешь стремиться восстановить Вестников, церковь и Всемогущего.

– Клянусь, – сказала Вуаль.

– Поклянись служить Сынам Чести и поддерживать их священное дело.

– Клянусь.

– Поклянись именем истинной королевы Алеткара Йалай Садеас.

– Я клянусь.

– Поклянись, что не служишь ложным спренам, которые преклоняются перед Далинаром Холином.

– Я клянусь.

– Видишь, – женщина взглянула на одну из своих товаров, – если бы она была Сияющей, то не смогла бы дать ложную клятву.

«Ах, мой милый легкий ветерок, – подумала Вуаль. – Да будет благословенна твоя наивность. Мы не все узокователи и иже с ними». У ветробегунов или неболомов, возможно, имелись проблемы с тем, чтобы нарушить обещание, но орден Шаллан был основан на идее, что все люди лгут, особенно самим себе.

Она не могла без последствий нарушить клятву, данную своему спрену. Но этот человеческий мусор? Она не станет долго раздумывать – хотя Сияющая и выразила некоторое недовольство.

– Встань, Дочь Чести, – провозгласил мужчина. – А теперь мы должны снова надеть на тебя мешок и вернуть обратно. Но не бойся, один из нас скоро свяжется с тобой и даст дальнейшие инструкции.

– Подождите, – сказала Вуаль. – Королева Йалай. Мне нужно увидеть ее, чтобы точно знать, кому я служу.

– Возможно, ты добьешься такой привилегии, – самодовольно ответила женщина. – Служи нам хорошо – и в конце концов получишь награду еще значительнее.

Отлично... Вуаль приготовилась к тому, что это означало: еще больше времени в военных лагерях, где она будет притворяться суетливой светлоглазой торговкой, осторожно пробирающейся поближе к власти имущим. Просто ужас какой-то.

К сожалению, Далинар был искренне обеспокоен растущим влиянием Йалай. Этот маленький культ, быть может, вычурная безвкусица, но было бы неразумно позволять кому-то бесконтрольно усиливать свое военное присутствие. Нельзя допустить новых инцидентов, подобных предательству Амарама, которое стоило тысяч жизней.

Кроме того, Мрейз считал Йалай опасной. Этого было достаточно для Вуали, чтобы лишиться женщину власти. Значит, придется продолжить миссию – и, следовательно, подыскать новые способы тайных встреч с Адолином, чтобы он смог провести время с Шаллан. Девушка чахла, если ей не уделяли должного любовного внимания.

Ради нее Вуаль попробовала еще раз.

– Не знаю, разумно ли ждать, – сказала она остальным, когда высокий мужчина собрался вновь надеть ей на голову мешок. – Да будет вам известно, что у меня есть связи в ближайшем

окружении Далинара Холина. Я могу передать вам информацию о его планах, если вы сумеете меня заинтересовать.

– Для этого еще будет время, – сказала женщина. – Позже.

– Разве вы не хотите знать, что он задумал?

– Мы уже знаем, – усмехнулся мужчина. – У нас есть источник гораздо ближе к нему, чем ты.

Стоп.

«Стоп!»

Шаллан встрепелась. Они подослали кого-то к Далинару? Возможно, они лгали, но... могла ли она так рисковать?

«Надо что-то делать», – подумала она. Если у Йалай есть шпион в ближайшем окружении Далинара, его жизнь в опасности. Если Вуаль будет медленно прокладывать путь к вершине, они могут опоздать. Нужно узнать, кто этот информатор, – причем немедленно.

Вуаль отступила, позволяя Шаллан взять инициативу в свои руки. Сияющая могла сражаться, а Вуаль – лгать. Но когда им нужно было быстро решить проблему, наступала очередь Шаллан.

– Подождите, – сказала Шаллан, вставая и отталкивая руки мужчины, который пытался надеть ей на голову мешок. – Я не та, за кого вы меня принимаете.

5. Сломанные копья

Если достаточно быстро удалить буресвет из камня, ближайшего спрена может в него засосать. Этот эффект связан с внезапным уходом буресвета и имеет определенное сходство с перепадом давления, хотя научное объяснение двух явлений различается.

Вам остается захваченный спрен, которым можно манипулировать, как сочтете нужным.

Лекция по фабрикальной механике, прочитанная Навани Холин перед коалицией монархов, Уритиру, йезеван, 1175 г.

Ветробегуны поднялись вокруг Каладина в оборонительном построении. Они висели в воздухе, как ни один небесный угорь никогда не мог: неподвижные, равноудаленные.

Внизу беженцы, несмотря на суматоху эвакуации, остановились и устали сквозь спренов благоговения на часовых в синем. Пикируя и выписывая виражи, ветробегуны выглядели вполне естественно, но совсем другое дело – сюрреалистическое зрелище отряда солдат, висящих в небе, словно на проволоке.

Туман почти полностью рассеялся, давая Каладину как следует рассмотреть приближающихся издалека Небесных. Противник был одет в боевую одежду приглушенных тонов, за исключением редких ярко-красных пятен. Они носили мантии, которые волочились за ними на несколько футов даже в бою. Ходить в них было бы неудобно, но зачем ходить, если можно летать?

Они многое узнали о Сплавленных от Вестницы Эш. Каждый из Небесных был древним существом; обычные певцы жертвовали телами и жизнями, чтобы принять душу Сплавленного. Каждый приближающийся враг нес длинное копье, и Каладин завидовал тому, как они двигались вместе с ветром. Они делали это естественно, как будто не просто претендовали на власть над небом, как он, а были рождены для него. Перед лицом их грации он чувствовал себя камнем, подброшенным в воздух.

Три летучих отряда означали пятьдесят четыре бойца. Будет ли среди них Лешви? Он надеялся, что да, поскольку им требовался реванш. Он не был уверен, что узнает ее, так как в

прошлый раз она умерла. Это была не его заслуга; дочь Камня, Струна, сделала точный выстрел из своего осколочного лука.

– Три отряда – не так много, нам не нужны все наши силы! – крикнул Каладин остальным. – Оруженосцы ниже четвертого ранга – на землю, охраняйте гражданских и не вступайте в бой со Сплавленными, если они не нападут на вас. Остальные – действуем по первичному боевому протоколу.

Новые ветробегуны спустились на корабль с явной неохотой, но они были достаточно дисциплинированы, чтобы не возражать. Как и все оруженосцы – включая более опытных, которым он позволил остаться в воздухе, – эти не связали себя узами со спренами и полагались на ближайшего полного рыцаря-ветробегуна, у которого черпали силы.

На данный момент у Каладина было около трехсот ветробегунов, хотя только около пятидесяти полных рыцарей. Почти все уцелевшие члены первоначального Четвертого моста уже связали себя со спренами, как и многие из второй волны – те, кто присоединился к нему вскоре после переезда в лагерь Далинара. Даже некоторые из третьей волны – те, кто присоединился к ветробегунам в Уритиру, – успели найти спрена и связать себя узами с ним.

На этом, к сожалению, прогресс остановился. У Каладина имелись в распоряжении целые шеренги мужчин и женщин, готовых выступить вперед и произнести клятву, но среди спренов чести желающих не было. На данный момент он знал только одного такого, который был готов, но не имел уз.

Но сейчас было не время об этом думать.

Лопен и Дрехи медленно подплыли к нему, и блистающие осколочные копья легли в их подставленные ладони. Каладин протянул руку и схватил собственное копьё, возникшее из тумана, а потом сделал выпад. Его ветробегуны разделились на несколько отрядов и полетели навстречу приближающимся Небесным.

Каладин ждал. Если бы Лешви была среди этого войска, она бы его заметила. Первые из Небесных встретились с ветробегунами; они воинственно потрясали копьями, приглашая противника на поединок. Его солдаты принимали вызов, вместо того чтобы атаковать врага сообща. Непосвященный мог бы счесть это странным, но Каладин научился использовать обычаи Небесных и их древние – некоторые могли бы сказать «архаичные» – способы битвы.

Разбившись на пары, ветробегуны и Сплавленные разлетелись и начали состязание в мастерстве. Со стороны это выглядело так, словно два потока воды столкнулись и рассыпались веером брызг. В считанные секунды все до единого ветробегуны оказались вовлечены в сражение, но горстка Сплавленных осталась свободной.

В мелких стычках Небесные предпочитали ждать возможности сразиться один на один, вместо того чтобы атаковать вместе. Так происходило не всегда – Каладину дважды приходилось сражаться с несколькими одновременно, – но чем больше Каладин сталкивался с этими существами, тем больше уважал их обычаи. Он не ожидал, что у противника найдутся хоть какие-то представления о чести.

Пока он осматривал не вовлеченных в битву Сплавленных, его взгляд остановился на одной из них. Высокая фемалена с мраморным рисунком кожи, где бурно сплелись ярко-красный, черный и белый. Хотя черты ее лица были другими, рисунок казался почти таким же, как ему запомнилось. Кроме того, было что-то в том, как она держалась, как носила свои длинные волосы, темно-красные с черным.

Увидев его, она улыбнулась и выставила вперед копьё. Да, это была Лешви. Лидер среди Сплавленных – достаточно высокого уровня, чтобы остальные подчинялись ей, но не настолько высокого, чтобы не участвовать в боях. Статус, похожий на статус самого Каладина. Он вытянул свое копьё вперед.

Лешви метнулась вверх, и Каладин устремился следом. В тот же миг внизу полыхнуло. На короткое мгновение Каладин увидел Шейдсмар – и летел он сквозь черное небо, в котором странные облака струились куда-то, будто дорога.

Волна силы прокатилась по полю боя, заставив ветробегунов засиять. Далинар полностью открыл перпендикулярность, превратившись в резервуар буресвета, мгновенно обновляющий любого Сияющего, который к нему приближался. Это было мощное преимущество и одна из причин, по которой они продолжали рисковать, привлекая узокователя на миссии.

Каладин летел за Лешви, и буресвет бушевал у него внутри. За ней волочился бело-красный шлейф, чуть длиннее, чем одежды остальных; ткань стремительно перетекала, вторя ее действиям, – вот она повернула, описала дугу и, направив на Каладина копьё, нырнула в его сторону.

Полностью обученные ветробегуны в таких схватках имели несколько важных преимуществ. У них была гораздо большая потенциальная скорость, чем у Небесных, а еще доступ к осколочному оружию. Можно было бы счесть эти преимущества непреодолимыми, но Небесные были древними, опытными и хитрыми. Они тысячелетиями оттачивали свои умения и могли летать вечно, не рискуя опустошить запасы пустотного света. Они пользовались им только для исцеления и, как ему доводилось слышать, для редких сплетений.

И конечно же, у Сплавленных было единственное ужасное преимущество перед народом Каладина: они были бессмертны. Убей их, и они возродятся во время следующей Бури бурь. Они, в отличие от Каладина, могли позволить себе безрассудство. Когда он и Лешви столкнулись – копьё ударились друг о друга, каждый закричал, пытаясь сдвинуть свое оружие и достать противника, – Каладин был вынужден отступить первым.

Копьё Лешви покрывал слой серебристого металла, который нельзя было рассечь осколочным клинком. Что еще более важно, в его основании был прикреплен самосвет. Если бы Каладин попал под удар такого оружия, камень высосал бы его буресвет и лишил возможности исцелиться – это был потенциально смертоносный инструмент против Сияющего, даже если тот подпитывался от перпендикулярности Далинара.

Стоило Каладину отлететь в сторону, как Лешви нырнула глубже, волоча за собой трепещущую ткань. Он последовал за ней – сплетением направил себя вниз и камнем пролетел через поле боя. Там царил прекрасный хаос, каждая пара была вовлечена в свой неповторимый танец-противоборство. Лейтен пронесся прямо над его головой, преследуя Небесную в серо-голубом. Скар промчался под Каладином, едва не столкнувшись с Карой, когда она нанесла удар по своему противнику.

Оранжевая кровь певца брызнула в воздух, отдельные капли попали Каладину на лоб, другие понеслись следом, пока он падал на землю. У Кары еще не было клинка; он был уверен, что ей уже пора произнести Третий Идеал. Если бы только у нее был спрен.

Каладин остановился у самой земли, скользя в считанных дюймах от камня. Оранжевая кровь лилась вокруг него дождем. Впереди сквозь толпу кричащих беженцев пробиралась Лешви.

Каладин последовал за ней, метнувшись между сапожником Левеном и его женой. Однако их испуганные крики заставили его сбросить скорость. Он не мог рисковать столкнуться со случайными свидетелями битвы. Он отлетел в сторону и вверх, где и замер – наблюдая, ожидая.

Рядом проскользнул Лопен.

– Ты в порядке, ганчо? – окликнул он Каладина.

– В порядке.

– Я могу сразиться с ней, если тебе нужна передышка!

Лешви появилась с другой стороны, и Каладин, не обращая внимания на Лопена, помчался следом. Они с Лешви прошли по внешним зданиям города, гремя буревыми став-

нями. Он отбросил копье, и Сил появилась возле его головы в виде ленты света. Он контролировал свое общее направление с помощью сплетений, используя руки и контуры своего тела, чтобы маневрировать точнее. Такое количество воздуха, несущегося вокруг него, давало возможность извлекать свою траекторию – как будто он плыл.

Он увеличил скорость еще одним сплетением, но Лешви снова нырнула вниз, к толпе. Она едва не поплатилась за свое безрассудство, промчавшись над группой, которую охранял гранетанцор Годেকে. Но он был слишком медлителен, и его осколочный клинок лишь срезал край ее развевающейся мантии.

После этого Лешви ушла прочь от людей, хотя и оставалась у самой земли. Небесные не могли перемещаться так же быстро, как ветробегуны, и поэтому она сосредоточилась на внезапных поворотах или обходе препятствий, что не давало Каладину использовать одно из сильнейших своих преимуществ – в скорости.

Он последовал за ней. Погоня захватила его отчасти из-за того, как хорошо летала Сплавленная. Она снова повернулась, на этот раз направляясь в сторону «Четвертого моста». Когда они скользили вдоль борта огромного судна, она замедлила полет и пристально вгляделась в деревянную конструкцию.

«Она заинтригована воздушным кораблем, – подумал Каладин, следуя за Лешви. – Скорее всего, хочет собрать как можно больше сведений о нем». В беседах Ясны с двумя Вестниками, прожившими тысячи лет, выяснилось, что они тоже были поражены этим творением. Каким бы невероятным это ни казалось, современные артефабры открыли то, чего не знали даже Вестники.

На мгновение прервав погоню, Каладин взмыл над верхушкой большого корабля. Он заметил Камня, стоявшего рядом с транспортом вместе с сыном: массивный рогоед раздавал воду беженцам. Увидев жестикуляцию Каладина, он выхватил копье из груды поблизости и сплетением направил его в воздух. Оружие подлетело к Каладину, тот схватил его и ринулся вслед за Лешви.

Она поднялась, описав крутую петлю, и он снова сел ей на хвост. Она пыталась измотать его, постоянно уводя за собой в сложной погоне, прежде чем вступить в ближний бой.

Сил, летевшая рядом с Каладином, посмотрела на брошенное Камнем копье. Несмотря на шум ветра в ушах, Каладин слышал, как она пренебрежительно фыркнула. Что ж, ее нельзя было наполнить бурсветом. Пытаться вложить в нее хоть толику было все равно что наполнять водой и без того переполненную чашку.

Следующие несколько виражей заставили Каладина выложиться на всю катушку: Лешви ныряла и петляла по полю боя. Большинство воинов были вовлечены непосредственно в дуэли, сражаясь копьем или клинком. Некоторые гнались один за другим, но ни одна траектория не была такой сложной, как витки, которые приходилось выписывать Каладину.

Он сосредоточился. Остальные бойцы стали не более чем препятствиями в воздухе. Все его существо, все его внимание было сосредоточено на преследовании этой фигуры. Ревущий воздух, казалось, исчез, и Сил рванулась вперед, оставляя за собой световой след – указатель пути для Каладина.

Спрены ветра метнулись с неба и пристроились рядом с ним, когда он заложил вираж, от которого желудок поднялся к самому горлу, и последовал за Лешви, стрелой пронесшейся между Скармом и еще одним Сплавленным. Каладин проскользнул через зазор между двумя копьями – его едва не продырявили, – а потом при помощи сплетения развернулся и продолжил гнаться за Лешви. Поворот стоил ему стольких сил, что он стиснул зубы, обливаясь потом.

Лешви оглянулась на него и нырнула. Она собиралась сделать еще один проход мимо «Четвертого моста».

«Сейчас», – подумал Каладин, заливая светом свое оружие и ныряя следом за Лешви. Копье попыталось вырваться из руки, но Каладин удержал его, даже сделав выпад. Когда Лешви приблизилась к земле, он наконец-то метнул в нее копье.

К сожалению, она оглянулась как раз в нужный момент и смогла увернуться, хоть и с трудом. Копье ударилось о землю и разлетелось в щепки, наконечник расколол древко. Придя в себя, Лешви с ошеломляющим проворством изменила направление полета и промчалась мимо Каладина, а тот, на миг потеряв сосредоточенность, едва не врезался в землю.

Он приземлился неуклюже, затормозил о камень – достаточно твердый, чтобы переломать кости, не будь у него бурсвета, – затем выругался и посмотрел вверх. Лешви, совершив в небе ликующий пируэт, исчезла среди сражающихся. Всякий раз, когда удавалось от него оторваться, она торжествовала.

Каладин застонал и затряс рукой, ушибленной о камень. Бурсвет исцелил растяжение в один миг, но он все равно испытывал фантомную боль – словно эхо громкого звука в голове.

В воздухе перед ним возникла Сил в облике девушки и уперла руки в бока.

– И не смей возвращаться! – крикнула она вслед улетевшей Сплавленной. – Или мы... хм... придумаем оскорбление получше, чем это! – Она взглянула на Каладина. – Верно?

– Без меня ты могла бы догнать ее.

– Без тебя я была бы глупа как камень. А без меня ты бы летал как камень. Я думаю, нам лучше не беспокоиться о том, что мы могли бы делать друг без друга. – Она сложила руки на груди. – Кроме того, как мне быть, если я догоню эту Лешви? Сверлить ее взглядом? Ты мне нужен, чтобы делать ножиком чик-чик.

Он хмыкнул, поднимаясь на ноги. Мгновение спустя Сияющий с белой бородой завис рядом. Странно, как много может изменить небольшое изменение перспективы. Тефт всегда казался... помятым. Борода клочковатая, кожа огрубелая, норов задиристый и суровый.

Но когда он парил в небе и его борода светилась от бурсвета, в его облике проступала божественность. Он был словно мудрый бог из какой-нибудь истории Камня.

– Каладин! – окликнул Тефт. – Ты в порядке, парень?

– В полном.

– Уверен?

– Я в порядке. Что на поле боя?

– В основном быстрые стычки. Пока без потерь, слава Келеку.

– Они больше заинтересованы в осмотре «Четвертого моста», чем в том, чтобы убить нас.

– А, ну да – в этом есть смысл. Попытаемся им помешать?

– Нет. Фабриали Навани спрятаны в трюме. Пролетев несколько раз мимо, враг ничего не узнает.

Каладин оглядел город, затем изучил поле битвы в воздухе. Там действительно происходили только короткие стычки, и Небесные, как правило, быстро отступали.

– Они не собираются атаковать в полную силу; они проверяют нашу оборону и исследуют летающую машину. Передай остальным. Пусть наши ветробегуны погоняют противника; заставьте их уйти в оборону. Сведите к минимуму наши потери.

Тефт отсалютовал. В это же самое время на корабль поднялась еще одна группа горожан. Их вел Рошон, и напыщенный старый дурень выглядел искренне озабоченным судьбой своих подопечных. Возможно, брал уроки актерского мастерства у светоплетов.

На верхней палубе корабля Далинар лучился почти непроницаемым светом. Хотя это был не тот огромный сияющий столб, который он создал в первый раз, сегодняшний маяк все-таки оказался достаточно мощным, чтобы на него было трудно смотреть прямо.

В прошлом Сплавленные сосредотачивали свои атаки на Далинаре. На этот раз они сносили мимо корабля, но не пытались напасть на узокователя. Они боялись его по причинам,

которых никто пока что не понимал, и решались на полноценную атаку, только если у них была превосходящая численность и наземная поддержка.

– Я все передам, – сказал Тефт Каладину, но все еще медлил улетать. – С тобой точно все в порядке, парень?

– Будет лучше, если ты перестанешь спрашивать.

– Понял.

Тефт взмыл в небо.

Каладин отряхнулся, поглядывая на Сил. Сначала Лопен, потом Тефт вели себя так, словно он нуждается в заботе. Неужели Сил велела остальным присматривать за ним? Только потому, что в последнее время он немного устал?

Что ж, у него не было времени на эту чепуху. Какой-то Небесный приближался – красная одежда развевалась, копьё было нацелено на него. Не Лешви, но Каладин был рад принять вызов. Ему нужно было снова подняться и полететь.

Последователи культа замерли, уставившись на Шаллан сквозь прорези в капюшонах. В ущелье воцарилась тишина, если не считать шороха суетящихся кремлецов. Даже высокий мужчина с мешком не пошевелился, хотя это было не так удивительно. Он, видимо, ждал, когда она возьмет инициативу на себя.

«Я не та, за кого вы меня принимаете», – сказала Шаллан, намекая, что собирается сделать какое-то потрясающее признание.

Теперь надо было придумать какое.

«Мне действительно любопытно посмотреть, к чему это приведет...» – подумала Сияющая в ее адрес.

– Я не простая торговка, – заявила Шаллан. – Вы явно все еще не доверяете мне, и я полагаю, что странности в моем образе жизни не остались незамеченными. Вы хотите объяснений, не так ли?

Два вождя этого сборища переглянулись.

– Конечно, – сказала женщина. – Да, не следовало пытаться что-то скрывать от нас.

«Вспомни, что говорил Адолин, – подумала Сияющая. – Создание беспорядка может быть опасным с тактической точки зрения».

Она сказала Узору и Адолину, которые, возможно, уже наблюдали за ней, что если она будет в беде, то создаст отвлекающий маневр, чтобы они могли напасть. Они попытаются захватить эту компанию, но это может лишить их шанса застать врасплох Йалай.

Оставалось надеяться, что они поймут: у нее все в порядке, просто она вытягивает из этих людей нужные сведения.

– Вы когда-нибудь задумывались, почему я иногда исчезаю из военных лагерей? – спросила Шаллан. – И почему у меня гораздо больше денег, чем следовало бы? У меня есть еще одно дело, тайное. С помощью агентов на Уритиру я копирую схемы, которые разрабатывают артефабры семейства Холин.

– Схемы? – переспросила женщина. – Какие, например?

– Вы наверняка слышали об огромной летающей платформе, которая покинула Нарак несколько недель назад. У меня есть ее схемы. Я точно знаю, как эта штука устроена. Я продала схемы небольших фабрикалей покупателям-натанцам, но с чем-то подобным их и сравнить нельзя. Я искала покупателя, у которого было бы достаточно средств, чтобы приобрести такой секрет.

– Ты продаешь военные секреты? – спросил мужчина. – В другие королевства? Это государственная измена!

«Сказал мужик в дурацком капюшоне, пытающийся свергнуть династию Холин, – подумала Вуаль. – Ну что вы за люди...»

– Это измена лишь в том случае, если признать членов семьи Далинара законными правителями, – парировала Шаллан. – Я не признаю. Но если мы действительно в силах помочь дому Садеас утвердиться... Такие секреты могут стоить тысячи броумов. Я поделюсь ими с королевой Садеас.

– Мы отнесем их к ней, – сказала женщина.

Сияющая пронзила ее расчетливым взглядом, ровным и спокойным. Взглядом лидера, который Шаллан запечатлела десятков раз, наблюдая, как Далинар общается с людьми. Взглядом человека, обладающего властью, которому не нужно заявлять об этом вслух.

«Тебе меня не оттеснить, – говорил этот взгляд. – Если хочешь выиграть на обладании этой тайной, то займи подчиненное положение, а главной здесь буду я».

– Я уверен, однажды это может... – начал мужчина.

– Покажи, – перебила женщина.

«Клюнула, – подумала Вуаль. – Отличная работа, девочки».

– У меня в сумке есть кое-какие схемы.

– Мы обыскали сумку. – Женщина махнула рукой ближайшему соратнику, чтобы он ее достал. – Никаких бумаг там не было.

– Думаешь, я настолько глупа, чтобы оставить их там, где их могут обнаружить?

Шаллан взяла сумку, порылась внутри, вдохнула свет – незаметно, быстро – и вытащила маленькую записную книжку. Открыла последнюю страницу, достала угольный карандаш. Прежде чем остальные собрались вокруг, она осторожно выдохнула – и на странице возникло светоплетение. К счастью, ее как-то попросили помочь со схемами, ведь создать сплетенный из света образ того, чего Шаллан никогда раньше не рисовала, было бы ей не под силу.

К тому времени как руководители этой шайки сумели заглянуть ей через плечо, она уже установила светоплетение. Когда она осторожно проводила углем по странице, то, казалось, на ней проступает скрытая схема.

«Твоя очередь», – сказала Шаллан, и Вуаль выступила вперед.

– Рисуем схему на листе бумаги, который кладем поверх этого, – объяснила Вуаль. – Нажимаем очень сильно. На нижней странице остаются борозды. Мазнем легонько угольком – и они проступают. Разумеется, это не все – я держу его как доказательство для потенциальных покупателей.

Шаллан почувствовала легкий всплеск гордости за эту искусную иллюзию. Все выглядело именно так, как ей и требовалось: сложная совокупность линий и подписей проступала на странице по мере того, как по ней водили углем.

– Ничего не понимаю, – пожаловался мужчина.

Женщина, однако, придвинулась ближе.

– Верните мешок на место, – велела она. – Передадим это дело королеве. Случай может показаться ей достаточно интересным, чтобы предоставить аудиенцию.

Вуаль собралась с духом, когда женщина выхватила у нее блокнот – вероятно, чтобы попытаться нанести уголь на другие страницы, что, конечно же, не дало бы никакого результата. Высокий мужчина, натягивая мешок ей на голову, прижал ее к себе.

– Что теперь? – прошептал он Вуали. – Это пахнет неприятностями.

«Не выходи из роли, Рэд», – подумала она, склонив голову. Ей надо добраться до Йалай и выяснить, действительно ли у той есть шпион при дворе Далинара. Значит, придется пойти на некоторый риск.

Рэд был первым, кого они внедрили к Сынам Чести, но его прикрытие – темноглазый рабочий – не позволяло получить доступ в высшие сферы. Но вместе они, возможно, сумеют...

Неподалеку в ущелье послышались крики. Вуаль завертелась, ничего не видя сквозь мешок. Бури полыхающие! Что происходит?

– За нами следили, – сказал предводитель заговорщиков. – К оружию! Это солдаты Холина!

«Преисподняя... – подумала Вуаль. – Сияющая была права».

При виде того, как ей на голову опять надели мешок, Адолин решил, что пора захватить эту группу и сократить потери.

Каладин обменивался ударами со своим противником, и ему удалось попасть в цель – раз, потом еще раз. Улучив момент, Небесный сделал выпад. Но Каладин так натренировался в копейном бою, что мог сражаться даже во сне. Его тело, парящее в воздухе и наполненное буресветом, само знало, как поступить, и отразило атаку.

Потом он ответил и снова попал. Танцуя, они со Сплавленным вращались друг возле друга. В свое время Каладина учили большей частью владеть копьем и щитом, предназначенными для битвы в строю, но ему всегда нравилось длинное двуручное копье. В этом оружии таились мощь, контроль. Каладин обращался с ним с куда большей ловкостью.

Этот Небесный был не так хорош, как Лешви. Каладин нанес еще один удар по его руке. Осколочное копье не причинило особого вреда, лишь плоть посерела в том месте, где должен был появиться разрез. Рана быстро зажила, но с каждым разом исцеление происходило все медленнее. Пустотный свет противника иссякал.

Небесный затаил одну из песен Сплавленных и, стиснув зубы, попытался поразить Каладина копьем. Это существо видело в лице Каладина вызов, испытание. Лешви всегда сражалась с Каладином первой, но, если он отступал или побеждал, за ней всегда приходил кто-то еще. Не поэтому ли он так устал в последнее время? Даже небольшие стычки превращались в изнурительный труд, и ему никак не удавалось передохнуть.

В глубине души он понимал, что причина вовсе не в этом.

Противник приготовился нанести удар. Свободной рукой достав один из своих поясных ножей, Каладин метнул его. Сплавленный отреагировал с излишней поспешностью, и в его защите возникла брешь. Это позволило Каладину нанести удар копьем по бедру. Победа над Сплавленными требовала выносливости. Если нанести им достаточно много ран, они замедляются. Если еще немного постараться, они перестанут исцеляться совсем.

Гудение противника становилось все громче, и Каладин почувствовал, что раны противника больше не заживают. Время нанести решающий удар. Он уклонился от выпада, затем превратил Сил в молот, который обрушил на оружие врага и разнес его в щепки. Мощный удар полностью вывел Небесного из равновесия.

Каладин выронил молот и выбросил вперед руки; Сил мгновенно превратилась в копье, которое он крепко сжал. Удар оказался метким – острие пронзило руку врага насквозь. Сплавленный охнул, когда Каладин выдернул копье, затем развернул и нацелил в шею врага.

Сплавленный встретился с ним взглядом, затем облизнул губы в ожидании. Существо начало медленно падать с неба, его свет иссякал, силы ослабевали.

«Убивать его бесполезно, – подумал Каладин. – Он просто переродится». Тем не менее так он мог вывести одного Сплавленного из боя по крайней мере на несколько дней.

«Он все равно бесполезен, – подумал он, глядя на руку существа: от раны, нанесенной осколочным копьем, она болталась, как мертвая. – Что хорошего еще в одной смерти?»

Каладин опустил копье и указал в сторону:

– Уходи.

Некоторые из них понимали алетийский.

Сплавленный загудел с другой интонацией, затем здоровой рукой поднял сломанное копье. Потом Небесный бросил оружие на камни вниз, склонил голову перед Каладином и уплыл прочь.

Итак, куда же теперь...

Сбоку мелькнула лента красного света.

Каладин немедленно применил сплетение и отскочил назад, потом развернулся, выхватив оружие. Он не осознавал, что краем глаза непрерывно отслеживает красный свет.

Теперь, когда он заметил ленту, она метнулась прочь. Каладин попытался проследить за ней взглядом, но не смог – она слишком быстро виляла среди домов внизу.

Каладин выдохнул. Туман почти исчез, позволив ему осмотреть весь Под – небольшое скопление домов, из которых непрерывным потоком текли люди, направляясь к «Четвертому мосту». Поместье градоначальника стояло на вершине холма на дальней окраине, возвышаясь над всем. Когда-то оно казалось Каладину таким большим и внушительным.

– Ты видел этот свет? – спросил он Сил.

«Да. Тот же самый Сплавленный». Когда она была копьем, ее речи раздавались прямо у него в голове.

– Моя быстрая реакция отпугнула его, – сказал Каладин.

– Кэл! – позвал женский голос.

Подлетела Лин, одетая в ярко-синюю алетийскую униформу; с губ ее, пока она говорила, срывался буресвет. Ее длинные темные волосы были заплетены в тугую косу, а под мышкой она держала функциональное, но обычное копьё.

– Ты в порядке?

– В полном.

– Уверен? – настаивала девушка. – Выглядишь рассеянным. Я не хочу, чтобы кто-то ударил тебя ножом в спину.

– Теперь тебе не все равно? – рявкнул он.

– Конечно нет. То, что я не хочу, чтобы мы были чем-то большим, не означает, что я перестала заботиться о тебе.

Он взглянул на нее и тут же отвернулся: на ее лице было искреннее беспокойство. Их отношения не сложились. Он знал это так же хорошо, как и она, и боль, которую он чувствовал, была не связана с их разрывом. Не совсем так.

Это была просто еще одна вещь, которая тяготила его. Еще одна потеря.

– Я в порядке! – отрезал он, затем посмотрел в сторону: почувствовал, что сила Далинара иссякает.

Что-то случилось?

Нет, просто прошло слишком много времени. Далинар обычно не держал перпендикулярность открытой на протяжении всей битвы, а периодически использовал ее для подзарядки сфер и Сияющих. Держать ее открытой постоянно было для него слишком тяжело.

– Передай сообщение другим ветробегунам в воздухе, – сказал Каладин Лин. – Скажи им, что я заметил того нового Сплавленного, о котором говорил раньше. Он приблизился ко мне в виде красной ленты – как спрен ветра, но неправильного цвета. Он летает с невероятной скоростью и может нанести удар по любому из нас.

– Будет сделано... Если ты уверен, что тебе не нужна помощь...

Каладин демонстративно проигнорировал это замечание и направился к кораблю. Он хотел убедиться, что за Далинаром присматривают, на случай если странный новый Сплавленный на него нападет.

Сил приземлилась ему на плечо и поехала вниз, чинно положив руки на колени.

– Остальные продолжают проверять, как у меня дела, – сказал ей Каладин, – как будто я какая-то хрупкая стеклянная штукавина, готовая в любой момент упасть с полки и разбиться. Твоя работа?

– Что? Члены твоего отряда достаточно внимательны, чтобы присматривать друг за другом? Я бы сказала, в этом стоит винить тебя одного.

Он приземлился на палубу корабля, затем повернул голову и посмотрел прямо на нее.

– Я им ничего не говорила, – заверила она. – Я знаю, как тебя тревожат кошмары. Если бы я кому-то рассказала, стало бы еще хуже.

Отлично... Ему не нравилось, что она могла поговорить с остальными, но это бы хоть объяснило их странное поведение. Он подошел к Далинару, который разговаривал с Рошоном, поднявшимся снизу.

– Новые городские власти держат пленников в буреовом погребке особняка, светлорд, – говорил Рошон, указывая на свое прежнее жилище. – Прямо сейчас под замком только два человека, но было бы преступлением бросить их там.

– Согласен. Я отправлю гранетанцора, чтобы их освободить.

– С вашего позволения, я тоже пойду, – сказал Рошон. – Я знаю планировку здания.

Каладин фыркнул.

– Посмотри на него, – прошептал он Сил. – Строит из себя героя, раз уж теперь можно произвести впечатление на Далинара.

Сил протянула руку и щелкнула Каладина по уху – это оказалось на удивление больно, как удар маленькой молнии.

– Эй!

– Не веди себя как чепушило.

– Я не... что еще за чепушило?

– Не знаю, – призналась Сил. – Это слово я услышала от Крадуны. Как бы то ни было, я почти уверена, что ты сейчас очень на него похож.

Каладин взглянул на Рошона, который вместе с Годеке направился к особняку.

– Ну ладно. Возможно, он изменился к лучшему. Чуть-чуть.

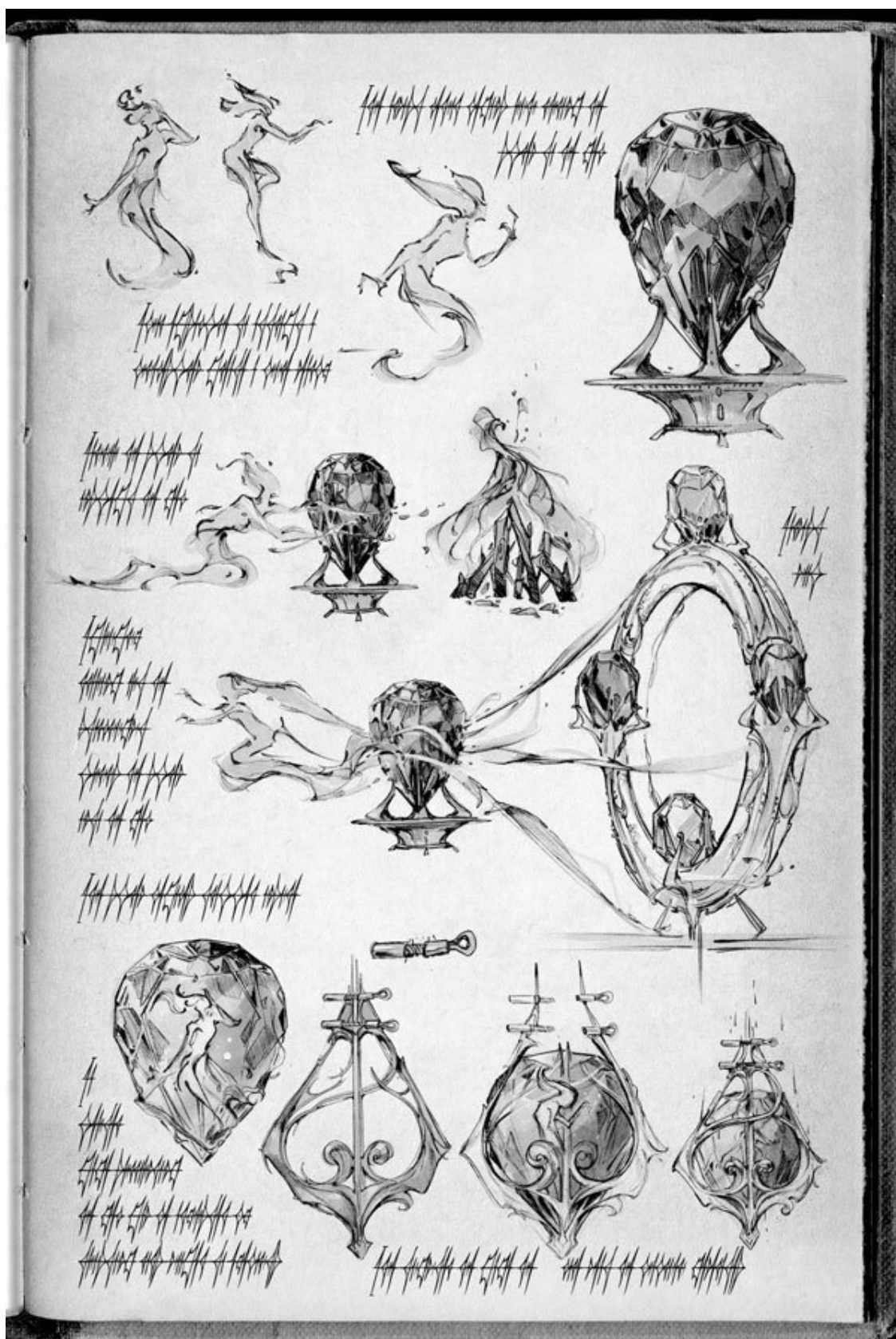
Рошон был все тем же мелким светлоглазым, что и раньше. Но за этот последний год Каладин увидел бывшего градоначальника с другой стороны. Похоже, он умел по-настоящему заботиться о людях. Как будто только сейчас осознал свою ответственность.

И все равно смерть Тьена на его совести. Это Каладин вряд ли когда-нибудь простит Рошону. В то же время Каладин не собирался прощать эту потерю и самому себе. Так что, по крайней мере, Рошон был в хорошей компании.

Камень и Даббид помогали беженцам, поэтому Каладин сказал им, что снова видел странного Сплавленного. Камень кивнул, сразу все поняв. Он помахал своим старшим детям – включая Струну, которая носила старый осколочный лук Амарама прикрепленным к спине и была облачена в полный комплект осколочных доспехов, которые нашла в Аймиа.

Вместе они переместились – не то чтобы совсем незаметно – поближе к Далинару, наблюдая, не появится ли в небе красная светящаяся линия. Каладин тоже взглянул вверх. Мимо пронеслась Небесная, за которой гнался Сигзил.

– Это Лешви, – сказал Каладин и взмыл в небо.

6. Тяжкое наследие

Когда спрен окажется в ловушке, можно приступать к разработке соответствующего фабриала. Тщательно охраняемый секрет артефабров заключается в том, что пойманные спрены по-разному реагируют на различные типы металлов. Проволочный каркас для фабриала, так называемая «клетка», необходим для управления устройством. Лекция по фабриальной механике, прочитанная Навани Холин перед коалицией монархов, Уритиру, йезеван, 1175 г.

Ничего не видя из-под мешка на голове, Сияющая попятилась и коснулась пальцами холодного камня стены. По-прежнему звучали крики. Да, это голос Адолина. Как она и боялась, он пришел ее спасать.

Сияющая подумала о том, чтобы сдернуть мешок, призвать свой осколочный клинок и потребовать, чтобы заговорщики сдались. Однако она понимала, чего хотят Вуаль и Шаллан. Им нужно было встретиться с Йалай лицом к лицу.

Рядом послышался скрежет. Сияющая повернулась на звук. Камень о камень. И... вращение какого-то механизма?

Вслепую она шагнула в ту сторону и крикнула:

– Возьмите меня! Не оставляйте меня им!

– Ладно, – сказала Улина где-то рядом. – Вы двое – хватайте ее. Ты, охраняй дверь изнутри. Попытайся заклинить механизм, чтобы он остался закрытым. Быстро!

Грубые руки схватили Сияющую за плечи и потянули вперед, направляя куда-то, – судя по гулкому звуку шагов, там было что-то вроде туннеля. Позади них камень заскрежетал о камень, перекрывая шум схватки в ущелье. По крайней мере, теперь она знала, как последователи этого культа проникают в ущелья и выходят из них. Сияющая споткнулась и намеренно упала на колени, чтобы иметь возможность исследовать пол. Гладкий, вырубленный камень. Похоже, сделано осколочным клинком.

Ее подняли на ноги и подтолкнули вверх по склону. Снять мешок они отказались, даже когда она заявила, что в нем нет необходимости.

Что ж, туннель – это логично. Садеас и Йалай много лет обитали в военном лагере, прежде чем все остальные переехали на Уритиру. Они хотели бы иметь тайный путь к отступлению, особенно в первые годы на Равнинах, когда все, по словам Адолина, были абсолютно уверены, что королевство развалится на части и княжества передерутся между собой.

Туннель в конце концов достиг еще одной двери, и эта дверь открылась в нечто похожее на маленькую комнату. Может быть, подвал? Они не были распространены на Расколотых равнинах – слишком легко затапливались, – но у светлоглазых побогаче имелись винные погреба.

Заговорщики полушепотом советовались, что делать. Их здесь четверо. Судя по шуршанию ткани, снимают мантии. Вероятно, под ними обычная одежда. Рэда здесь нет; он бы сжал ее руку, чтобы дать знать о себе. Итак, она осталась одна.

В конце концов ее потащили вверх по ступенькам, а затем наружу; она почувствовала ветер кожей рук и теплый солнечный свет. Она притворилась податливой, не сопротивлялась, когда заставляли двигаться, и ждала, готовая атаковать, на случай если это была какая-то уловка и на нее вот-вот нападут.

Ее быстро повели по улицам, не снимая мешка. Шаллан взяла инициативу на себя, поскольку обладала невероятной, скорее всего сверхъестественной, способностью чувствовать и запоминать направление. Она мысленно наметила их путь. Хитрые маленькие кремлецы; они вели ее по большой двойной петле, заканчивающейся в том месте, где они вышли из подвала.

Подъем занял всего несколько минут, так что они должны быть у восточного края военного лагеря. Может, возле расположенной там крепости? Если так, то она недалеко от старых лесных складов Садеаса, где Каладин провел месяцы, сооружая свой изначальный отряд Четвертый мост из сломленных человеческих отбросов, которым была предначертана смерть. Интересно, не показалось ли кому-нибудь странным, что эта компания водит за собой женщину с мешком на голове? Судя по тому, насколько расстроенными казались заговорщики, когда наконец затащили ее в здание, сообщали они не очень ясно. Ее силой усадили на стул, а потом спутники ушли, топая сапогами по дощатому полу.

Вскоре она услышала, как они спорят в соседней комнате. Вуаль осторожно подняла руку и сняла мешок. Оставленный охранять ее высокий мужчина со шрамом на подбородке не возражал. Она сидела на жестком деревянном стуле прямо за дверью комнаты с каменными стенами и большим круглым ковром, не очень-то украшавшем обстановку. Эти здания военного лагеря были так похожи на крепости: мало окон, мало украшений.

Шаллан всегда считала Садеаса пустобрехом. Крепость вроде этой и туннель для побега, по которому она прошла, заставили Вуаль пересмотреть ее оценку. Она просеяла воспоминания Шаллан и пришла к выводу, что он был тем еще пройдохой.

Шаллан мало что помнила про Йалай, но Вуаль знала достаточно, чтобы быть осторожной. Великий князь Танадаль основал это новое «королевство» в военных лагерях. Но вскоре после того, как Йалай здесь появилась, Танадаль был найден мертвым, предположительно зарезанным проституткой. Вама, другой великий князь, который не поддержал Далинара, ночью бежал из военных лагерей. Похоже, он поверил лжи Йалай о том, что Далинар приказал убить его.

В результате Йалай Садеас осталась в военных лагерях единственным влиятельным человеком. Она владела армией, заручилась сотрудничеством Сынов Чести и взимала пошлины с прибывающих торговых караванов. Эта женщина была будто досадное, как заноза, напоминание о старом Алеткаре, полном ссорящихся светлоглазых, которые вечно зарились на земли друга.

Вуаль изо всех сил прислушивалась к спорам, доносившимся из соседней комнаты; заговорщики, казалось, были разочарованы тем, что потеряли так много людей. Они были вне себя от беспокойства из-за того, что «все разваливается».

Наконец дверь распахнулась и в прихожую выскочили три человека. Вуаль увидела Улину, которую раньше узнала по голосу. За троицей последовал светлоглазый солдат в униформе Садеаса.

Охранник жестом пригласил Вуаль войти, поэтому она встала и осторожно просунула голову во вторую комнату. Она была просторнее прихожей, с очень узкими окнами. Несмотря на попытки сделать ее уютной при помощи ковра, диванов и подушек, она все равно выглядела как укрытие, где светлоглазый мог переждать бурю или отсидеться во время нападения.

Йалай Садеас сидела за столом в дальнем конце комнаты, окутанная тенью, подальше от окон и светящихся сферных ламп на стенах. Рядом с ней стоял большой шкаф со шторкой на дверце.

«Ладно, – подумала Вуаль, делая шаг вперед. – Мы нашли ее. Мы уже решили, что будем с ней делать?»

Она знала, что предложит Сияющая: вынудить Йалай сказать что-нибудь компрометирующее, а потом арестовать ее. Вуаль, однако, настаивала на этой миссии не только ради того, чтобы собрать доказательства для Далинара. И даже не только потому, что Духокровники видели в Йалай угрозу. Вуаль так поступила, потому что эта женщина упрямо продолжала подвергать опасности все, что любила Шаллан.

Далинару и Ясне следовало сосредоточиться на более важной цели – возвращении Алеткара. Итак, Вуаль решила разобраться с этим тяжким наследием, оборвать торчащую нить. Адолин убил великого князя Садеаса под влиянием порыва. Вуаль пришла, чтобы закончить начатое.

Сегодня Вуаль намеревалась убить Йалай Садеас.

Самым трудным для Каладина было ничего не делать. Было мучительно наблюдать, как один из его солдат сражается не на жизнь, а на смерть против опытного, опасного противника, и не пытаться ему помочь.

Лешви была существом невероятно древним – духом давно умершей певицы, превращенной в разновидность стихийных сил природы навроде спрена. Сигзил был способным бойцом, но далеко не лучшим в ордене. Сильные его стороны составляли понимание чисел, знание других культур и способность оставаться сосредоточенным и практичным в ситуациях, когда другие теряли голову.

Довольно быстро ему пришлось перейти к обороне. Нависнув над ним, Лешви сделала выпад копьем вниз, а затем развернулась и нанесла удар сбоку. Она умело переходила от одной атаки к другой, заставляя Сигзила постоянно вертеться, но он с трудом успевал парировать или уклоняться от ударов.

Крепко сжимая копье, при помощи сплетения Каладин бросил себя вперед. Для его войска было жизненно важно соблюдать кодекс чести Небесных. До тех пор пока враг соглашался на поединки, его солдатам не грозила опасность быть разбитыми и уничтоженными.

Силы на земле могли обращаться друг с другом с безжалостной жестокостью, но здесь, в небе, они нашли взаимное уважение. Уважение бойцов, которые ищут смерти противника в честном состязании, а не как на бойне. Если Каладин нарушит это негласное правило, набросится на Лешви сейчас, шаткому равновесию придет конец.

Лешви рванулась вперед и ударила Сигзила копьем в грудь. Ее оружие пронзило его насквозь и вырвалось из спины, скользкое от крови, прорвав синюю униформу. Он боролся, задыхаясь, из его рта сочился бурсвет. Лешви громко загудела, и самосвет на ее копье начал светиться, высасывая бурсвет из своей жертвы.

Каладин застонал. Перед ним промелькнули смерти тех, кого он не сумел спасти. Тьен. Налма. Элокар.

Он снова очутился в том ужасном кошмаре во дворце Холинара, где его друзья убивали друг друга. Крики, свет, боль и кровь – все кружилось вокруг одного образа: человек, которого Каладин поклялся защищать, лежал на полу.

Копье Моаша пронзило его насквозь.

– Нет! – закричал Каладин.

Смотреть на это было выше его сил. Он не мог бездействовать! Сплетением он направил себя вперед, но тут встретился взглядом с Лешви. И замер.

Она выдернула копье из груди Сигзила, и его буресвет погас. Сигзил обмяк в воздухе и начал падать. Каладин схватил его и держал, пока раненый моргал в оцепенении, сжимая свое серебряное осколочное копье.

– Брось оружие, – сказал ему Каладин, – и поклонись ей.

– Что? Сэр?

Сигзил поморщился. Его рана постепенно заживала.

– Брось копье, – повторил Каладин, – и поклонись ей.

Сигзил, сбитый с толку, послушался. Лешви в свою очередь кивнула ему.

– Возвращайся на корабль, – велел Каладин, – и отсидись до конца этой битвы. Оставайся с оруженосцами.

– Э-э, слушаюсь, сэр.

Сигзил поплыл прочь, тыча пальцем в окровавленную дыру в мундире.

Лешви оглянулась. Неподалеку висел в воздухе обезоруженный Небесный, которого Каладин победил ранее.

Лешви не должно было волновать, что Каладин пощадил это существо. Какой смысл падать того, кто все равно возродится при первой же буре? С другой стороны, Лешви, вероятно, знала, что если Сигзила убьют, то его спрен перейдет к новому Сияющему. Это было не совсем то же самое – на самом деле, с точки зрения Каладина, разница была огромная.

Так или иначе, когда Лешви вскинула копье в его сторону, он принял вызов с радостью.

На средней палубе «Четвертого моста» Навани выбрала еще одну семью и указала на четко обозначенную и пронумерованную часть трюма. Ревнители проворно обеспечили все для уюта встревоженной семьи. Дети с широко раскрытыми глазами, вцепившись в одеяла, устроились поудобнее; некоторые шмыгали носом. Родители разложили мешки с одеждой и другими пожитками, какие сумели прихватить с собой.

– Некоторые отказываются уходить, – тихо сказал Навани ревнитель Фалилар. Он нервно теребил свою белоснежную бороду, просматривая список имен. – Они скорее будут продолжать жить в угнетении, чем покинут свою родину.

– Сколько?

– Не так много. Пятнадцать человек. В остальном эвакуация идет быстрее, чем я предполагал. Беженцы, очевидно, уже были готовы к отъезду. Паршуны заняли многие жилища и вынудили большинство горожан-старожилов тесниться вместе с соседями.

– Тогда о чем ты так беспокоишься? – спросила Навани, делая пометку в своем списке.

Неподалеку Ренарин подошел к семье со шмыгающими носом детьми. Он призвал маленький шар света и начал перебрасывать его с ладони на ладонь. Такой простой трюк, но дети уставились на него во все глаза, забыв о страхе.

Шар света был ярко-голубым. В глубине души Навани чувствовала, что он должен быть красным – сообразно истинной природе спрена, который скрывался внутри Ренарина. Это был спрен пустоты. Или, по крайней мере, обычный спрен, перешедший на сторону врага. Никто из них не знал, что с этим делать, и меньше всего Ренарин. Как и большинство Сияющих, он не знал, что делает, когда начинал. Теперь, когда между ним и спреном возникли узы, поворачивать назад было поздно.

Ренарин утверждал, что спрену можно доверять, но что-то странное было в его способностях. Им удалось завербовать несколько обычных правдоглядов – и они могли создавать иллюзии, как Шаллан. Ренарин не мог этого делать. Он мог только призывать огни, и они иногда делали странные, противоестественные вещи...

– Столько всего еще может пойти не так! – сказал Фалилар, возвращая внимание Навани к происходящему. – А что, если мы недооценили добавочный вес стольких людей? Что, если нагрузка расколется самосветы быстрее, чем мы планировали? Лопасты почти не работали. Это не катастрофа, светлость, но поводов для беспокойства предостаточно.

Он опять дернул себя за бороду. Просто удивительно, что до сих пор он все еще ее не оторвал.

Навани ласково похлопала его по руке, – если бы Фалилару не было о чем беспокоиться, он бы сошел с ума.

– Проведи визуальный осмотр самосветов. Затем перепроверь свои расчеты еще раз.

– Вы хотели сказать – перепроверить в третий раз? Да, наверное... Надо чем-то заняться. Перестать волноваться.

Он потянулся к бороде, потом демонстративно сунул руку в карман мантии ревнителя.

Передав свой контрольный список другому ревнителю, Навани поднялась по ступенькам на верхнюю палубу. Далинар сказал, что скоро снова откроет перпендикулярность, и она хотела быть там, с карандашом наготове, когда он это сделает.

Внизу горожане, сбившись в группы, по-прежнему наблюдали за странной битвой наверху. Эти разины непременно нарушат составленный ею план посадки. В следующий раз она попросит ревнителей составить второй план, в котором будет учтена потеря времени на случай битвы.

Что ж, по крайней мере, здесь были только Небесные. Они, как правило, игнорировали гражданских, считая их не более чем препятствиями на поле боя. Другие группы Сплавленных вели себя куда более... жестоко.

Командный пункт сейчас был почти пуст, все ее ревнители отправились утешать и направлять горожан-беженцев. Осталась только Рушу: сидя над раскрытой тетрадью, она рассеянно наблюдала за летающими ветробегунами.

Вот досада! Хорошенькой молодой ревнительнице полагалось составлять опись городских запасов продовольствия. Рушу была очень умной, но, как сфера, она имела склонность сиять во всех направлениях, если ее не сфокусировать как следует.

– Светлость, – сказала Рушу, когда подошла Навани. – Вы это видели? Сплавленная, которая сейчас сражается с великим маршалом Каладином, сперва проткнула копьем одного ветробегуна, а потом отпустила его!

– Наверное, ее просто отвлекло появление Каладина, – сказала Навани, взглянув на Далинара, который стоял прямо перед ней.

Большой мостовик-рогоед занял позицию рядом с Далинаром и просматривал какие-то мешки с припасами, о которых Рушу, очевидно, забыла. Навани не упустила из виду, что его дочь – осколочница – тоже стояла очень близко. Каладина повысили, он перестал быть простым телохранителем, но все равно присматривал за Далинаром. Да благословит его Всемогущий за это.

– Светлость, – сказала Рушу, – клянусь, это какая-то очень странная битва! Слишком много ветробегунов бездельничают, вместо того чтобы сражаться.

– Резервы, Рушу, – сказала Навани. – Пусть мой муж сам разбирается в тактике. У нас есть другие обязанности.

Вздыхнув, Рушу покорно сунула блокнот под мышку и последовала за Навани. Далинар стоял, заложив руки за спину, и наблюдал за сражением. Как и надеялась Навани, он расслабился, затем развел руки в стороны, словно хватаясь за какую-то невидимую ткань. Потом

сложил руки вместе – и перпендикулярность открылась. Это было как вспышка света. Спрены славы, подобно золотым сферам, начали вращаться вокруг него. На этот раз Навани лучше разглядела Шейдсмар. И снова она услышала звук. Это было что-то новенькое. Хотя она не считала себя талантливой рисовальщицей – по крайней мере, по сравнению с таким мастером, как Шаллан, – она нарисовала то, что видела, пытаясь запечатлеть образ места со странным солнцем над морем бусин. Она могла бы посетить его лично, если бы захотела, используя Клятвенные врата, но что-то в этих видениях казалось иным.

– Что ты видела? – спросила она Рушу.

– Я ничего не видела, светлость. Но... что-то почувствовала. Словно пульс, мощный удар.

На мгновение мне показалось, что я проваливаюсь в вечность...

– Запиши это, – велела Навани. – Запечатлей.

– Ладно. – Рушу снова открыла блокнот, но невольно взглянула вверх, когда Каладин в опасной близости скользнул над палубой, преследуя Сплавленную.

– Рушу, сосредоточься, – велела Навани.

– Если вам нужны изображения или описания Шейдсмара, королева Ясна выпустила дневники о своих путешествиях там.

– Я в курсе, – сказала Навани, продолжая рисовать. – И я читала дневники.

Во всяком случае, те, что дала ей Ясна, эта женщина-шквал.

– Тогда зачем вам моя версия?

– Мы ищем кое-что другое. – Навани взглянула на Далинара, а потом прикрыла слезящиеся глаза. Она моргнула, затем знаком предложила Рушу вместе с ней вернуться на ближайший командный пункт. – Есть некое место за Шейдсмаром, откуда Далинар получает эту силу. Когда-то, давным-давно, башню поддерживал такой же узокователь, как и мой муж, и из того, что сказали спрены, я заключаю, что башня тоже подпитывалась силой из того места за Шейдсмаром.

– Вы все еще беспокоитесь об этом, светлость? – Рушу поджала губы. – В том, что мы не разгадали тайны башни, нет вашей вины. Это головоломка, которую одна женщина – или целая армия женщин – не в силах разгадать всего за год.

Навани поморщилась. Неужели ее помыслы действительно настолько прозрачны?

– Дело не только в башне. Все хвалят эффективность этого корабля. Светлорд Кмакл уже воображает, как целые флотилии воздушных кораблей заслоняют солнце. Далинар говорит о переброске десятков тысяч солдат для атаки на Холинар. Я не думаю, что кто-то из них действительно понимает, сколько труда уходит на поддержание этого единственного корабля в воздухе.

– Сотни рабочих в Уритиру крутят лебедки, чтобы поднимать и опускать корабль, – кивнула Рушу. – Десятки чуллов используются для бокового перемещения. Тысячи фабриалей – для облегчения того и другого, и все они нуждаются в постоянной повторной зарядке. Тщательная синхронизация через полдюжины даль-перьев для координации маневров. Да, крайне маловероятно, что мы сможем выставить больше двух или трех таких кораблей.

– Если только, – Навани потыкала пальцем в свои записи, – мы не узнаем, как древние заставляли башню работать. Если бы мы знали эту тайну, Рушу, мы не только смогли бы восстановить Уритиру – у нас был бы источник силы для этих воздушных кораблей. Мы могли бы создать фабриали, превосходящие всякое воображение.

– Ловко. – Рушу склонила голову набок. – Я запишу свои ощущения.

– И это все, что ты можешь сказать? «Ловко»?

– Я люблю грандиозные идеи, светлость. Это делает мою работу не такой скучной. – Она посмотрела в сторону. – Но мне все равно кажется странным, что так много ветробегунов прохлаждается.

– Рушу, – Навани потерла лоб, – постарайся сосредоточиться.

– Ну, я пытаюсь. Просто у меня не получается. А что там за парень? Что он делает? Не охраняет корабль. Не помогает с беженцами. Разве он не должен сражаться?

– Он, наверное, разведчик. – Навани проследила за взглядом Рушу, устремленным за борт корабля, на плодородные каменные поля. – Очевидно, он...

Навани замолчала, увидев человека, о котором шла речь. Он стоял на вершине холма, явно не имея отношения к битве. Навани поняла, почему Рушу приняла его за ветробегуна. Он носил униформу точно такого же покроя, как у членов Четвертого моста. На самом деле Рушу, которая обращала внимание на самые странные вещи, но, казалось, никогда не замечала важных деталей, возможно, когда-то видела этого человека в рядах мостовиков. Он часто был рядом с Каладином в первые месяцы после перехода Четвертого моста в армию Далинара.

Рушу не заметила, что мундир этого человека был черным и не имел нашивки на плече. Что узкое лицо и худощавая фигура выдавали в нем человека в розыске. Предателя.

Это Моаш. Тот, кто убил сына Навани.

Казалось, он встретился с ней взглядом, несмотря на расстояние. Затем он вспыхнул буресветом и скрылся из виду за холмом.

Навани застыла, потрясенная. Затем она ахнула, и жар окутал ее, как будто она внезапно ступила на обжигающий солнечный свет. Он был здесь. Этот убийца был здесь!

Она подбежала к одному из оруженосцев.

– Ступай! – крикнула она ему, указывая направление. – Предупреди остальных. Моаш, предатель, поблизости!

Каладин снова погнался за Лешви сквозь хаос на поле боя. Полет дал ему возможность быстро оценить, как идут дела у его солдат, и увиденное обнадеживало.

Многие из них оттеснили своих противников. Основная масса Небесных парила по широкому периметру, удаляясь от места сражений. Надо думать, они поняли безнадежность своих попыток что-то разведать о корабле, просто разглядывая его снаружи.

Небесные, не поддерживаемые наземными войсками или другими Сплавленными, как будто не желали сражаться в полную силу. Продолжалось лишь несколько поединков, и тот, в котором участвовал Каладин, был самым яростным. В самом деле, ему пришлось полностью сосредоточиться на погоне, чтобы не потерять Лешви.

Каладин поймал себя на том, что ухмыляется, следуя за ней по широкой петле, виляя и уворачиваясь от других бойцов. Когда он только начинал тренироваться, ему казалось, что маневры вроде такого поворота невозможны. Чтобы выполнить трюк, он должен был постоянно чередовать плетения, каждое под другим углом, двигаясь по траектории в виде петли, и соотносить свое перемещение с порывами ветра, избегая препятствий. И все это – не думая.

Теперь такой маневр был ему по силам. Каладин выполнял его если не легко, то хотя бы регулярно. Это заставило его задуматься, что еще могут делать ветробегуны с достаточной подготовкой.

Лешви, казалось, хотела облететь каждого бойца на поле, заставляя Каладина постоянно переориентироваться. Это была проверка: она ставила его в трудные условия, чтобы посмотреть, на что он способен.

«Дай мне подойти поближе, и я покажу тебе, как я хорош», – подумал он, вырываясь из петли и летя вниз, чтобы перехватить ее. Тем самым он приблизился достаточно, чтобы ударить копьём.

Она отразила удар, затем метнулась в сторону. Он помчался следом, и они вдвоем пронеслись над землей, увиваясь друг вокруг друга, пока каждый пытался попасть в противника. Мощный ветер рвал копьё у него из рук. На таких скоростях это было похоже на дуэль внутри Великой бури.

Они быстро покинули город и главное сражение. Каладин превратил Сил в меч, но Лешви была готова к его удару. Древко копья скользнуло в ее ладонях назад, она стиснула его возле наконечника и, отбив следующую атаку Каладина, нырнула, чтобы ударить его в шею.

Он получил порез, но недостаточно глубокий, чтобы она могла высосать его буресвет. Он отпрянул, продолжая лететь параллельно с противницей; ветер хлестал и крутил его волосы. Не желая оставаться в одиночестве, он повернул обратно к главному полю боя.

Лешви полетела следом. Очевидно, она решила, что он в силах не отстать от нее, и теперь хотела сражения один на один. Петля вела их к поместью с северной стороны.

Эта земля была так знакома Каладину. На этих холмах он играл с Тьеном. В первый раз взял в руки копье – ну, палку, изображавшую копье, – прямо вон там...

«Сосредоточься. Сейчас время для борьбы, а не для воспоминаний».

Только... это было не какое-то случайное поле битвы в Ничейных холмах. Впервые в жизни он знал местность лучше, чем кто-либо другой в этом сражении.

Он улыбнулся, затем подошел вплотную к Лешви, замедляя ход и тесня ее к востоку. Он позволил порезать себе руку, а затем отстранился, словно в шоке, рванулся к земле, выровнялся и помчался среди холмов, увлекая Лешви за собой.

«Вон там, – подумал он. – Нашел».

Он нырнул за склон холма, снимая с пояса фляжку с водой. Здесь, на подветренной стороне холма, в скале вырубили пещеру для хранения инвентаря. И, как и во времена его детства, дверь была приоткрыта и покрыта коконами лургов – маленьких существ, которые целыми днями прятались в своих убежищах, ожидая, когда дождь разбудит их.

Каладин брызнул водой из фляги на дверь, затем бросил флягу, нырнул за следующий холм, где замер, припав к земле. Он услышал, как приближается Лешви. Она замедлилась – об этом свидетельствовал звук шуршащей ткани. Она должна была найти брошенную флягу.

Высунувшись из укрытия, Каладин увидел ее, парящую между холмами, примерно в двух футах от земли. Ее длинная одежда волочилась по камню, сама она медленно вращалась вокруг своей оси, отыскивая его.

Думая, что пошел дождь, лурги начали вываливаться из своих коконов. Они запрыгали, заставляя дверь скрипеть. Лешви немедленно развернулась и направила на них свое копье.

Каладин ринулся к ней. Она среагировала почти вовремя, но так близко к земле орудовать ее длинным копьем было неудобно. Лешви пришлось повернуть его и схватить ближе к наконечнику, чтобы нанести удар, а тем временем Каладин успел ткнуть укороченным Сил-копьем ей в грудь.

Он схватил ее за плечо, заставив ахнуть от боли. Она уклонилась от его следующего удара, но снова копье помешало маневрировать, и Каладин полоснул ее по ноге.

На какие-то мгновения борьба поглотила все внимание противников. Лешви бросила копье и вытащила из-за пояса короткий меч, затем подошла ближе, чем ожидал Каладин, отбила его копье и попыталась схватить за руку. Ее посеревшая плоть заживала достаточно медленно, чтобы он смог ударить плечом по ране, вынудив противницу застонать. Когда она попыталась вонзить меч ему в шею, он отразил удар небольшим Сил-щитом, появившимся у него на руке.

Лешви сделала ложный выпад в его сторону, чтобы заставить его отступить, затем схватила свое копье и устремила ввысь. Каладин последовал за ней, его копье материализовалось перед ним – и он догнал противницу быстрее, чем она смогла набрать достаточно скорости, чтобы увернуться. Она была вынуждена защищаться, отбивая его атаки, становясь все более и более безрассудной. Пока Каладин не дождался нужного момента и не заставил Сил-копье исчезнуть в своих руках, когда Сплавленная блокировала его выпад.

Затем – пока Лешви реагировала на неудачный блок – он ударил, копье возникло в его руках и вонзилось прямо в...

Боль.

Лешви развернула свое копье, чтобы в точности повторить его удар. Ее оружие ударило его в плечо, точно так же как он ударил ее в противоположное плечо. Он чувствовал, как его буресвет утекает, вливаясь в копье; ему казалось, что из него вытягивают саму душу. Он держался, втягивая в себя весь оставшийся свет заряженных сфер в своих мешочках. Затем вонзил свое копье глубже в ее рану, и слезы потекли из уголков ее глаз.

Лешви улыбнулась. Он ухмыльнулся в ответ, оскалив зубы, пусть она и продолжала высасывать из него жизнь.

Они отшатнулись в стороны почти одновременно. Она тут же приложила свободную руку к ране, и Каладин содрогнулся всем телом. Иней потрескивал на его мундире, когда огромное количество буресвета устремилось заполнить рану. Этот эпизод обошелся ему недешево. Он достиг опасно низкого уровня, а Далинар как раз сделал еще один перерыв в поддержании перпендикулярности.

Они парили в воздухе, Лешви смотрела на него. Затем Каладин услышал крик.

Он вздрогнул и повернулся на звук. Люди зовут на помощь? Да, поместье градоначальника горело – клубы дыма поднимались из разбитых окон. Что происходит? Каладин был так сосредоточен на своей дуэли, что не замечал ничего вокруг.

Краем глаза наблюдая за Лешви, он осмотрел окрестности. Большая часть беженцев уже добралась до корабля, остальные ветробегуны отступали. Гранетанцоры уже поднялись на борт, но перед горящим поместьем стояла небольшая группа людей.

Один на добрый фут или два возвышался над прочими. Массивная красно-черная фигура с опасным панцирем и длинными волосами цвета засохшей крови. Тот самый Сплавленный, который мог становиться красной линией света. Он собрал солдат, которых Каладин отослал. Иные из них набросились на горожан, повалили на землю, угрожая оружием и заставляя кричать от боли и паники.

Каладин почувствовал жгучий гнев. Этот Сплавленный напал на мирных жителей?

Он слышал рядом сердитое гудение. Лешви подплыла ближе – ближе, чем он должен был ей позволить, – но не ударила. Она смотрела на Сплавленного и его солдат вниз. Звук ее сердитого гудения усилился.

Она взглянула на Каладина, потом кивнула в сторону Сплавленных и несчастных людей. Он сразу понял этот жест.

«Иди, останови его».

Каладин двинулся вперед, затем остановился и поднял копье перед Лешви. Потом уронил. Хотя Сил почти сразу растворилась в тумане, он надеялся, что Лешви поймет.

Действительно, она улыбнулась, затем, прижимая здоровую руку к ране, вытянула свое копье острием вниз. «Ничья» – вот что говорил этот жест.

Она снова кивнула в сторону поместья. Не нуждаясь в дальнейшем поощрении, Каладин помчался к перепуганным людям.

7. Редчайшие из вин

Два металла первостепенного значения – цинк и латунь – позволяют контролировать силу выражения. Цинковые провода, соприкасающиеся с самосветом, заставят спрена внутри проявиться сильнее, в то время как латунные заставят спрена уйти вглубь, и его сила ослабеет.

Помните, что самосвет должен быть правильным образом заряжен после захвата спрена. Просверленные отверстия в камне идеально подходят для использования проводов клетки, при условии, что вы не нарушите структуру, создав тем самым риск высвобождения спрена.

Лекция по фабриальной механике, прочитанная Навани Холин перед коалицией монархов, Уритиру, йезеван, 1175 г.

Вуаль приблизилась к Йалай Садеас. Она была наслышана о хитрости этой женщины, о ее умениях. Но, к величайшему изумлению гостыи, великая княгиня выглядела очень... измученной.

Среднего роста, Йалай Садеас никогда не славилась красотой, но как будто увяла с той поры, как Шаллан видела ее в последний раз. Сшитое по последней моде платье с вышивкой по бокам висело на ней, как плащ на вешалке в таверне. Ее щеки запали. В руке она держала пустой кубок из-под вина.

– Итак, ты наконец-то пришла по мою душу, – сказала она.

Вуаль опешила. Это еще что?

«Ударь сейчас, – подумала она. – Призови клинок и выжги эти самодовольные буркала из ее черепа».

Нет, она не станет действовать, повинувшись лишь собственной воле. У них есть равновесие, и его важность неоспорима. Троица никогда не руководствовалась желаниями кого-то одного – по крайней мере, не в столь важных ситуациях. И потому Вуаль сдержалась. Сияющая не хотела убивать Йалай. Она была слишком честной. А что насчет Шаллан?

«Еще рано, – подумала та. – Сперва поговори с ней. Выясни, что ей известно».

И потому Вуаль, не выходя из роли, поклонилась:

– Моя королева.

Йалай щелкнула пальцами, и стражник отступил вместе с последним из ее приспешников, закрыл за собой дверь. Великая княгиня Садеас была не из пугливых, хотя Вуаль и заметила в дальней стене комнаты, позади стола хозяйки, дверь, куда та могла бы отступить.

Йалай откинулась на спинку стула, позволив Вуали исполнить поклон как следует.

– Я не собираюсь становиться королевой, – наконец сказала она. – Это ложь, которую распространяют некоторые из моих более... ревностных последователей.

– Кого же тогда вы поддерживаете в борьбе за трон? Уж конечно, не узурпатора Далинара и не его племянницу, которую он возвел на него вопреки закону.

Йалай наблюдала за Вуалью, которая медленно выпрямилась после поклона.

– В прошлом, я поддерживала наследника – сына Элокара, внука Гавилара, законного короля.

– Он всего лишь мальчик, ему еще нет шести.

– Тогда надо срочно принять меры, чтобы вырвать его из лап тетки и двоюродного деда, этих крыс, которые лишили его законного титула. Поддерживать меня – значит действовать не вопреки порядку престолонаследия, но во благо лучшего, стабильного и правильного союза аleti.

Умно. Под такой личиной Йалай могла притворяться скромным патриотом. Но... почему у нее такой затравленный вид? Почему она выглядит обломком прежней себя? Смерть Садеаса и предательство армии Амарама стали для нее тяжким ударом, вынуждая скатываться все ниже? И самое главное, кто был шпионом, которого эта женщина держала рядом с Далинаром?

Йалай встала, позволив кубку с вином свалиться со стола и разбиться об пол. Она прошла мимо Вуали к стоявшему поблизости шкафу и подняла шторку. Внутри обнаружилось более десятка графинов с вином разного цвета.

Пока Йалай их рассматривала, Вуаль отвела руку в сторону и начала призывать свой осколочный клинок. Не для того, чтобы нанести удар, а потому, что Узор был с Адолином. Акт призыва должен был указать спрену, где она находится. Почти сразу же она остановилась, не давая мечу проявиться.

Адолин будет искать ее. Увы, атаковать крепость Йалай не так легко, как застать врасплах группу заговорщиков в ущелье. Здесь у Далинара нет власти, и, хотя светоплетение, которое Шаллан прицепила к Адолину, избавляло его от риска быть узнанным, Вуаль сомневалась, что он решит действовать открыто.

– Любишь вино? – спросила Йалай.

– Я не испытываю особой жажды, светлость.

– Все равно присоединяйся.

Вуаль подошла к ней, разглядывая ассортимент вин.

– Это целая коллекция.

– Да. – Йалай выбрала графин с бесцветным содержимым, – вероятно, это был зерновой спирт. Без добавок, меняющих цвет, нельзя было определить ни вкус, ни крепость напитка. – Я реквизирую образцы вин, которые проходят через военные лагеря. Одна из немногих разновидностей роскоши, которую могут предложить эти шквальные, Вестниками позабытые края.

Она налила маленькую чашечку, и Вуаль сразу поняла, что ошиблась. У напитка не было резкого, обескураживающего запаха, как у рогаедского вина. Она ощутила фруктовый аромат, к которому примешивался слабый дух спирта. Любопытно.

Йалай сперва угостила Вуаль – та приняла чашу и сделала глоток. Вкус был отчетливо сладким, как у десертного вина. Как же его сделали прозрачным? Большинство фруктовых вин имели естественную окраску.

– Не боишься яда?

– Почему я должна бояться яда, светлость?

– Это приготовили для меня, а мне многие желают смерти. Оставаться рядом со мной может быть опасно.

– Как нападение в ущелье раньше?

– Это не первая такая атака, – сказала Йалай, хотя Вуаль не знала, чтобы Далинар в прошлом отдавал подобные приказы. – Странно, как легко мои враги нападают на меня в тихих, темных ущельях. И все же им потребовалось так много времени, чтобы добраться до меня в моих покоях.

Она посмотрела прямо на Вуаль.

Преисподняя! Она знала, зачем Вуаль пришла сюда.

Йалай сделала большой глоток.

– Что скажешь о вине?

– Приятный вкус.

– И всё? – Йалай подняла чашку, изучая последние капли. – Оно сладкое, сброженное из плодов, а не из зерна. Это напоминает мне посещение виноделен Гавилара. Я бы предположила, что это алетийское вино, вывезенное до падения королевства, сделанное из симники. Мякоть плода прозрачная, и кто-то как следует постарался удалить кожуру. Благодаря этому раскрылась истинная суть.

Да, она и впрямь что-то подозревала. После минутного раздумья на передний план выступила Шаллан. Если все свелось к игре слов, то ситуацию должна контролировать именно она.

Йалай выбрала еще один графин, на этот раз с бледно-оранжевым содержимым.

– Как так вышло, – проговорила она, – что у тебя есть доступ к настолько важным документам, как схемы Навани? Она тщательно оберегает свои проекты – не потому, что боится воровства, а потому, что ей нравится представлять их с театральным размахом.

– Я не могу выдать свои источники, – сказала Шаллан. – Вы, конечно, понимаете важность защиты личности тех, кто служит вам. – Она сделала вид, что задумалась. – Хотя, возможно, я могла бы назвать вам имя, если бы получила другое взамен. Имя кого-то из ваших шпионов в окружении короля. Так мы обе могли бы усилить свои позиции в логове Холина.

«Немного неуклюже, – отметила Вуаль. – Уверена, что хочешь вести этот разговор?»

Йалай улыбнулась и протянула Шаллан чашечку оранжевого напитка. Тот оказался мягким и безвкусным.

– Ну? – спросила Йалай, потягивая свою порцию.

– Некрепкое, – сказала Шаллан. – Бессильное. И к тому же я чувствую намек на нечто неправильное. Легкую кислинку. Таковую... досадную мелочь, которую следовало бы устранить, чтобы она не портила вино.

– А на вид, – подхватила Йалай, – такое красивое. Настоящее оранжевое, на радость детям – и тем, кто ведет себя как ребенок. Идеально подходит для людей, которые разыгрывают спектакли на публике. И эта кислинка. В ней истинная суть этого вина, не так ли? Невзирая на свой внешний вид, оно ужасное.

– Какова цель? – спросила Шаллан. – Что хорошего в том, чтобы приклеить к некачественному вину такую прекрасную этикетку?

– На какое-то время это может кого-то одурачить. И тогда винодел быстро и легко получит преимущество над конкурентами. Но в конце концов его признают мошенником, а от его творения откажутся, выбрав действительно крепкое или благородное вино.

– Вы делаете смелые заявления. Остается надеяться, что винодел не услышит. Он может рассердиться.

– Ну и ладно. Мы обе знаем, кто он на самом деле.

Когда Йалай принялась наливать третью чашку, Шаллан снова начала призыв осколочного клинка, давая Узору еще один намек на свое местоположение.

«Доведи дело до конца, – подумала Вуаль. – Ударь».

«Разве мы хотим использовать наши силы вот так? – ответила Сияющая. – Если мы пойдем по этому пути, куда он нас приведет?»

И в самом деле, могли ли они служить Далинару Холину, действуя вопреки его прямому приказу? Он не хотел этого. Наверное, ему бы стоило хотеть, но он был иного мнения.

– А, вот оно, – сказала Йалай. – Идеально.

Она держала в руках чашу с темно-синим вином. На этот раз она не предложила его Шаллан, но глотнула первой.

– Чудесное вино, последний образец урожая. Все прочие бутылки погибли в пожаре. Но сегодня исчезнет и эта капля.

– Вы так легко миритесь с этой потерей, – сказала Шаллан. – Йалай Садеас, про которую я слышала, обшарила бы все королевства в поисках еще одной бутылки любимого вина. Она бы не сдалась так просто.

– Та Йалай не знала такой усталости. – женщина опустила руку, как будто чаша с вином была слишком тяжелой. – Я так долго сражалась. И теперь я одна... иногда кажется, что на меня ополчились даже тени.

Йалай выбрала графин с белым рогоедским – Шаллан почувствовала запах, как только та вытащила пробку, – и протянула бокал гостье:

– Полагаю, это твое. Невидимое. Смертоносное.

Шаллан не стала пить.

– Продолжай, – сказала Йалай. – Вы убили Танадаля, когда он пытался заключить сделку. Значит, для меня такой способ не годится. Вы охотились на Вamu, который сбежал, и убили его, – выходит, и у меня мало шансов выжить. Я подумала, что буду в безопасности, если затаюсь на некоторое время. И все же ты здесь.

«Невидимое. Смертоносное».

Сладостная мудрость Баттах...

Шаллан участвовала во всем этом разговоре, предполагая, что Йалай опознала в ней агента Далинара. Все было совсем по-другому. Йалай видела в ней прислужницу Мрейза и Духокровников.

– Это ты убила Танадаля, – сказала Шаллан.

Йалай рассмеялась:

– Он тебе так сказал, верно? Значит, они лгут даже своим?

Мрейз не заявлял ей напрямую, что Йалай убила великого князя. Но он явно на это намекал.

Вуаль раздраженно стиснула зубы. Она пришла сюда по собственной воле. Да, Мрейз всегда намекал ей, чего хотят он и Духокровники. Но Вуаль ему не служила. Она взяла на себя эту миссию ради... блага Алеткара. И Адолина. И...

– Ну же, – сказала Йалай. – Сделай это.

Вуаль отвела руку в сторону, призывая свой осколочный клинок. Йалай уронила графин с белым рогоедским, невольно вздрогнув. Спрены страха вскипели на полу, но Йалай просто закрыла глаза.

«О! – раздался в голове Вуали веселый голосок. – Мы все равно почти на месте! Вуаль, что происходит?»

– Они хотя бы сказали тебе, почему решили, что мы должны умереть? – спросила Йалай. – Почему они ненавидели Гавилара? Амарама? Почему возненавидели меня и Танадаля, как только мы узнали их секреты? Что в Сынах Чести их так пугает?

Вуаль колебалась.

«Ты нашла ее! – произнес Узор в ее разуме. – У тебя есть улики, как хотел Далинар?»

– В следующий раз они пошлют тебя за Рестаресом, – продолжала Йалай. – Но будут следить за тобой. В случае если поднимешься высоко, узнай достаточно, чтобы угрожать им. Ты спрашивала себя, чего они хотят? Что они надеются получить от конца света?

– Власть, – сказала Вуаль.

– А, эта туманная «власть». Нет, все куда конкретнее. Большинство Сынов Чести просто хотели вернуть своих богов, но Гавилар желал большего. Он видел целые миры...

– Расскажи мне еще, – попросила Вуаль.

Где-то за стеной раздались крики. Вуаль взглянула на дверь – как раз вовремя, чтобы увидеть, как блестящий осколочный клинок разрезает замок. Адолин с личиной, сплетенной ею из света, пинком распахнул дверь.

Вокруг него толпились люди – солдаты и пятеро агентов-светоплетов Шаллан.

– Когда я умру, – прошипела Йалай, – не позволяй им обыскать мои комнаты раньше тебя. Ищи редчайшее из вин. Оно... экзотично.

– Не гадайвай мне загадок, – сказала Троица. – Дайте мне ответы. Что пытаются сделать Духокровники?

Йалай закрыла глаза:

– Действуй.

Вместо этого Троица отпустила клинок. «Я голосую против ее убийства», – подумала Вуаль. Убить Йалай означало бы поддаться манипуляциям Мрейза. Ей претила сама мысль об этом.

– Сегодня ты не умрешь, – сказала Троица. – У меня есть еще вопросы к тебе.

– Я не смогу ответить. – Йалай не открывала глаз. – Они не позволят.

Шаллан выступила вперед, успокаивая нервы, а несколько солдат в это время поспешно окружили Йалай. Вуаль и Сияющая отодвинулись, обе довольные таким исходом. Они сами себе хозяйки. Они не принадлежат Мрейзу.

Она покачала головой и подбежала к Адолину, затем легким прикосновением сняла его иллюзорное лицо. Ей нужно было увидеть его настоящим.

– Кто ты? – тихо спросил он, протягивая ей мешочек с заряженными сферами.

– Шаллан, – сказала она, убирая мешочек в сумку, которую солдат принес для нее, сняв со стены.

Она оглянулась через плечо, когда солдаты связывали Йалай, и опять поразилась тому, какой опустошенной выглядела эта женщина.

Адолин притянул Шаллан к себе:

– Она тебе призналась?

– Ходила вокруг да около, но, я думаю, для Далинара хватит доказательств, что в ее словах содержится измена. Она хочет свергнуть Ясну и посадить на трон сына Элокара.

– Гавинор слишком юн.

– Она бы его направляла. Вот почему она изменница – она хочет власти.

Но... Йалай выразилась так, словно этот план остался в прошлом, а теперь она боролась только за выживание. Неужели Духокровники действительно убили великих князей Танадаля и Ваму?

– Что ж, – сказал Адолин, – раз она под стражей, возможно, нам удастся заставить ее армию отступить. Прямо сейчас мы не можем позволить себе междоусобицу.

– Ишна! – позвала Шаллан одного из своих агентов.

Невысокая женщина-алети поспешила к ней. Она была с Шаллан уже больше года и вместе с Ватахом, лидером дезертиров, которых завербовала Шаллан, оставалась одной из ее ближайших доверенных лиц.

– Да, светлость?

– Возьми Ватаха и Берил. Иди с этими солдатами и следи, чтобы Йалай ни с кем не разговаривала. Заткните ей рот, если придется. Она умеет забираться людям в голову.

– Считай, что дело сделано, – сказала Ишна. – Ты хочешь сначала наложить на нее иллюзию?

План эвакуации на случай непредвиденных обстоятельств был прост: они использовали светоплетение, чтобы самим превратиться в стражников дома Садеас, а Йалай придать облик женщины низкого происхождения. Таким образом они, захватив великую княгиню, с легкостью вывели бы ее за ворота прямо на глазах ее бдительных охранников.

– Да, – сказала Шаллан и махнула солдатам, чтобы они подвели женщину ближе.

Йалай шла с закрытыми глазами, все еще сохраняя отрешенный вид. Шаллан взяла Йалай за руку, затем выдохнула и позволила светоплетению окружить великую княгиню, чтобы придать ей сходство с одним из недавних набросков Шаллан, – теперь это была кухарка с розовыми щеками и широкой улыбкой.

Йалай не заслуживала ни такого доброго лица, ни такого легкого обращения. Прикоснувшись к ней, Шаллан почувствовала внезапное отвращение; вдвоем со своим мужем эта тварь замыслила и осуществила ужасный план предательства Далинара. Даже после переселения аleti в Уритиру Йалай при каждом удобном случае старалась подорвать его авторитет. Если бы эта женщина добилась своего, Адолин не дожил бы до встречи с Шаллан. И теперь они просто собираются взять ее под стражу, чтобы играть в новые игры?

Шаллан отпустила Йалай и потянулась к сумке, но тут на передний план выступила Сияющая. Она схватила великую княгиню за предплечье и потащила к солдатам Адолина.

– Уведите ее с остальными, – велел Адолин.

– Вы поймали остальных заговорщиков? – спросила Шаллан, возвращаясь к нему.

– Они попытались сбежать через боковую дверь, когда мы ворвались, но я думаю, что нам удалось поймать их всех.

Ишна и солдаты – люди Адолина, отобранные из числа лучших, – вывели замаскированную и связанную Йалай за дверь. Великая княгиня обмякла в их руках.

Адолин смотрел ей вслед, нахмурившись.

– Ты думаешь, – заметила Шаллан, – что нам не следовало позволять ей покидать Уритиру. Что было бы легче, если бы мы покончили с ней и с угрозой, которую она представляла, прежде чем все зашло так далеко.

– Я думаю, что, возможно, мы не хотим следовать по этому пути.

– Может быть, мы уже начали. В тот раз, когда ты...

Адолин сжал губы в тонкую линию.

– У меня сейчас нет ответов, – наконец сказал он. – Не знаю, были ли они вообще. Но мы должны быстро обыскать это место. Отцу могут понадобиться более весомые доказательства, чем твои слова, и было бы очень полезно, если бы мы могли представить ему компрометирующие дневники или письма.

Шаллан кивнула, махнув рукой Газу и Рэду. Она заставит их обыскать это место.

И как там говорила Йалай? «Ищи редчайшее из вин...» Шаллан посмотрела на вина, выставленные на полках шкафа. Зачем говорить загадками? Все дело в том, что как раз появился Адолин с остальными. Она не хотела, чтобы они поняли. Шквал, да эта женщина страдала паранойей. Но почему она доверилась Шаллан?

«Я не смогу ответить. Они мне не позволят...»

– Адолин, – сказала она. – Что-то здесь не так. С Йалай, с тем, что я здесь, с...

Она запнулась, услышав крики в прихожей. Охваченная ужасом, Шаллан выскочила наружу. Йалай Садеас лежала на полу, изо рта ее фальшивого лица текла пена. Потрясенные солдаты наблюдали за происходящим.

Великая княгиня глядела в потолок пустыми глазами. Она была мертва.

Каладин летел сквозь дым, клубящийся над особняком. Он стремился вниз, туда, где горожанам угрожали странный Сплавленный и его солдаты. Один из них прижимал Вабера, садовника поместья, к земле, наступив сапогом на его лицо.

«Это явная ловушка, – мысленно сказала Каладину Сил. – Тот Сплавленный точно знает, как привлечь внимание ветробегуна: напасть на невинных».

Она была права. Каладин заставил себя осторожно опуститься на небольшом расстоянии от особняка. Сплавленный проделал дыру в стене возле бокового входа. Хотя пламя лизало верхние этажи здания, комната за дырой была темной, еще не охваченной пламенем. По крайней мере, не полностью.

Как только Каладин приземлился, певцы отпустили Вабера и остальных, а затем отступили через пролом в каменной стене.

«Пять солдат, – отметил Каладин. – Трое с мечами, двое с копьями».

Сплавленный унес с собой в здание одного пленника; худой, с изможденным лицом пленник истекал кровью из раны на животе. Годеке-гранетанцор. Его бурсвет, очевидно, иссяк. Ради бури, пусть он выживет! Сплавленный хотел использовать его в качестве приманки, так что шансы на это казались неплохими.

Каладин шагнул к разрушенной стене:

– Хочешь драться со мной, Сплавленный? Ну так давай. Займемся делом.

Тварь, прячась в тених внутри здания, прорычала что-то на своем ритмичном языке. Один солдат перевел:

– Я буду сражаться с тобой внутри, где ты не сможешь улететь, маленький ветробегун. Входи и сразись со мной.

«Мне это не нравится», – сказала Сил.

– Согласен, – прошептал Каладин. – Будь готова пойти за помощью.

Сплетением, направленным вверх, он слегка уменьшил свой вес и медленно вошел в горящее здание. Эта большая комната когда-то была столовой, где отец Каладина обедал с Рошоном и говорил о ворах и компромиссах. Потолок горел пятнами, огонь пожирал его сверху. Спрены пламени с неистовым восторгом плясали по доскам.

Массивный Сплавленный стоял прямо перед ним, с каждой стороны от него было по два солдата. Они двинулись вперед, норовя обойти Каладина с флангов. Где же пятый солдат? Там, возле опрокинутого стола, возится с какой-то штукой, излучающей глубокий фиолетово-черный свет. Пустотный свет? Так, стоп... это что, фабриаль?

Внезапно устройство погасло.

И силы покинули Каладина.

Он ощутил странное удушающее ощущение, как будто что-то тяжелое придавило его разум. Собственный вес навалился на него полностью, сплетения прекратились.

Сил ахнула и превратилась в спрена, копьё испарилось – и, когда Каладин попытался снова призвать оружие, ничего не произошло.

Каладин тут же отступил назад, пытаясь уйти из зоны действия странного фабриалья, но солдаты поспешили окружить его, отрезая путь к отступлению. Легкие победы над ними Каладину приносили осколочное копьё и его сила.

Бури! Каладин напрягся, чтобы создать сплетение. Бурсвет все еще ярился внутри него, позволяя не дышать едким дымом, но что-то подавляло прочие способности.

Сплавленный рассмеялся и заговорил на алетийском:

– Сияющие! Вы слишком полагаетесь на свои силы. А без них – кто ты? Крестьянское дитя без настоящей подготовки в военном искусстве или...

Каладин врезался в солдата справа.

Внезапная атака заставила певца вскрикнуть и упасть навзничь. Каладин выдернул копье из руки противника, затем сделал плавный выпад, держа оружие двумя руками, и пронзил второго солдата.

Двое бойцов слева пришли в себя и бросились на него. Каладин ощутил движение ветерка вокруг себя, когда развернулся между ними, ловя один меч – нацеленный низко – тупым концом копья и второй, нацеленный высоко, почти самым наконечником. Металл встретился с деревом со знакомым глухим звуком, и Каладин закончил вращение, отбив обе атаки.

Одному он вскрыл брюхо, а затем сделал ему подножку, и певец упал прямо под ноги своему соратнику. Эти солдаты были хорошо обучены, но настоящего боя толком не видели; подтверждая это, оставшийся боец застыл при виде умирающих друзей.

Каладин, почти не задумываясь, продолжил двигаться и пронзил копьем шею четвертого солдата.

«Вот оно, – подумал он, когда лента красного света ожидаемо метнулась в его сторону. – Он снова попытается напасть со спины».

Каладин бросил копье, выхватил из-за пояса метательный нож и развернулся. Он ткнул ножом в воздух прямо перед тем, как возник Сплавленный, – и маленькое лезвие вонзилось в шею твари, прямо между двух пластин панциря.

Сплавленный коротко ухнул от потрясения и боли, его глаза распахнулись.

Дерево над головой затрещало от огня, горящие головни посыпались вниз. Громадный Сплавленный рухнул лицом вперед, точно срубленное дерево, половицы задрожали от удара. К счастью, на этот раз от него не поднялась лента красного света.

– Какое облегчение! – сказала Сил, приземляясь на плечо Каладина. – Думаю, если нанести удар до того, как он телепортируется, его действительно можно убить.

– По крайней мере до тех пор, пока Буря бурь не подарит ему перерождение, – ответил Каладин, проверяя убитых певцов.

Кроме того, который умирал от раны в животе, он оставил в живых только двоих – того, которого толкнул, и пятого, который активировал фабриаль в другом конце комнаты.

Первый выбрался через зияющую дыру в стене, чтобы спастись. Последний оставил фабриаль и медленно отходил в сторону, держа меч наготове и выпучив глаза.

Этот паршун пытался добраться до Годеке – возможно, чтобы использовать его в качестве заложника. Когда Сплавленный телепортировался к Каладину, раненый гранетанцор упал рядом с его оболочкой. Теперь Годеке двигался, но не самостоятельно. Тощая фигурка медленно тащила гранетанцора за ногу прочь от схватки. Каладин не видел, как Крадунья проникла в комнату, но, с другой стороны, она часто появлялась там, где ее не ждали.

– Вытащи его из дыры, Крадунья, – велел Каладин, шагнув к последнему певцу. – Твои силы тоже подавлены?

– Да. Что они с нами сделали?

– Мне тоже очень любопытно, – сказала Сил, подсакивая к устройству на полу: самосвету, покрытому металлическими деталями и покоящемуся на треноге. – Это очень странный фабриаль.

Каладин направил копье на последнего певца, с неровным красно-черным рисунком на коже; тот нерешительно опустил меч и поднял руки.

– Что это за фабриаль? – спросил Каладин.

– Я... я... – Солдат сглотнул. – Я не знаю. Мне сказали повернуть самосвет у основания, чтобы активировать его.

– Его питает пустотный свет, – проговорила Сил. – Впервые вижу нечто подобное.

Каладин взглянул на клубящийся у потолка дым.

– Крадунья! – позвал он.

– Сейчас разберусь. – девочка метнулась к устройству, пока Каладин охранял солдата.

Миг спустя силы вернулись. Он вздохнул с облегчением, хоть и выпустил при этом облачко буресвета. Неподалеку Годеке застонал и бессознательно втянул буресвет, отчего его рана начала исцеляться.

Укрепленный светом, Каладин схватил солдата и поднял его, зарядив достаточно, чтобы он повис в воздухе.

– Я велел тебе покинуть город, – тихо прорычал Каладин. – Я запомнил твое лицо, твой рисунок, твою вонь. Если я когда-нибудь увижу тебя снова, то отправлю вверх с таким количеством буресвета, что у тебя будет много-много времени на размышления во время падения вниз. Понял?

Певец кивнул и прогудел что-то примирительное. Каладин толкнул его, вернув себе буресвет и заставив паршуна упасть на пол. Тот удрал через дыру в стене.

– Здесь был еще один человек, – сказала Крадунья. – Старый, светлоглазый, в одежде нищего. Я наблюдала снаружи и видела, как этот человек вошел сюда вместе с Годеке. Через некоторое время этот Сплавленный пробил стену, неся Годеке, но я не заметила другого человека.

Рошон. Бывший градоначальник сказал Далинару, что собирается обыскать буревой погреб поместья, чтобы освободить заключенных горожан. Хотя он и не гордился этим, Каладин поколебался, но, когда Сил посмотрела на него, стиснул зубы и кивнул.

«До тех пор, пока это правильно...» – подумал он.

– Я найду его, – сказал Каладин. – Проследи, чтобы Годеке пришел в себя, а потом доставьте фабриаль к светлости Навани. Ей это будет весьма интересно.

Шаллан сняла иллюзию, открыв лицо Йалай. С губ ее капала слюна. Кто-то из людей Адолина проверил ее пульс.

Все верно: она была мертва.

– Преисподняя! – воскликнул Адолин, с беспомощным видом стоя над телом. – Что случилось?

«Мы этого не делали, – подумала Вуаль. – Мы решили не убивать ее, верно?»

«Я...»

Мысли Шаллан начали расплываться, все сделалось каким-то нечетким. Неужели это она? Она хотела. Но не сделала, верно? Она... слишком хорошо себя контролировала для такого.

«Это не я», – подумала Шаллан. Она была вполне в этом уверена.

«Так что же случилось?» – спросила Сияющая.

– Должно быть, она приняла яд. – Ватах наклонился к покойнице. – Черногибник.

Даже после многих месяцев, проведенных в роли оруженосца Шаллан, а затем агента, бывший дезертир резко отличался от солдат Адолина. Ватах был слишком неотесанным. Не неряшливым, но, в отличие от людей Адолина, он не слишком любил внешний лоск и блеск. Расстегнутый китель и вечно растрепанные волосы выражали его презрение к таким вещам.

– Я уже видел, как кто-то умирает подобным образом, светлость, – объяснил он. – В армии Садеаса один офицер занимался контрабандой и продажей припасов. Когда его наконец разоблачили, он предпочел отравиться, но не позволил себя арестовать.

– Я не видела, как она это сделала, – смущенно сказала Ишна. – Мне очень жаль.

– Нейловы шары... – пробормотал кто-то из солдат Адолина. – Это будет плоховато выглядеть. Именно этого Черный Шип и не хотел. Еще один труп из семейства Садеас у нас на руках.

Адолин тяжело вздохнул:

– С нашими доказательствами ее бы точно повесили, и моему отцу придется с этим смириться. Мы приведем войска в военные лагеря, чтобы убедиться, что ее солдаты не будут шуметь. Вот буря! Этот бардак следовало убрать еще несколько месяцев назад.

Он указал на нескольких солдат:

– Проверьте остальных заговорщиков на наличие яда и заткните всем рты. Шаллан замаскирует тело под ковер или что-нибудь в этом роде, чтобы мы могли его вытащить. Ген и Натем, обыщите вещи Йалай в соседней комнате – может, найдете какие-нибудь полезные улики.

– Нет! – сказала Шаллан.

Адолин замер, глядя на нее.

– Я обыщу вещи Йалай в соседней комнате. Я знаю, что искать, а твои солдаты – нет. Ты разберешься с пленниками и обыщешь остальную часть здания.

– Хорошая мысль. – Адолин потер лоб, но потом – возможно, заметив маленького спрена тревоги, который появился рядом с ней, как извивающийся черный крест, – улыбнулся. – Не волнуйся. В каждой миссии бывают промашки.

Она кивнула, больше для того, чтобы успокоить его, чем на самом деле соглашаясь. Когда солдаты двинулись выполнять приказ, она опустилась на колени рядом с телом Йалай.

Ишна присоединилась к ней.

– Светлость? Вам что-нибудь нужно?

– Она ведь не принимала яда? – тихо спросила Шаллан.

– Не могу сказать наверняка. Я мало что знаю про черногибник, хотя... – Ишна покраснела. – Ну, я много чего знаю. Моя банда использовала его против соперников. Это трудно сделать, потому что нужно высушить листья, а затем сделать из них жвачку, чтобы извлечь всю силу яда. Во всяком случае, есть его – не лучший вариант. Но если получится ввести яд в кровь, он убивает быстро...

Она замолчала, нахмурившись, – возможно, осознала, как и Шаллан, что Йалай умерла очень быстро.

Шаллан и сама знала о черногибнике. Она в последнее время изучала яды.

«Смогу ли я заметить булавоочный укол?» – подумала Шаллан, опускаясь на колени рядом с трупом.

В любом случае она подозревала, что Йалай была права: Духокровники не поверили, что Шаллан убьет ее, и послали второй «нож» специально для этого дела. Значит, у них есть оперативник среди охранников Адолина или собственных агентов Шаллан. От этой мысли у Шаллан скрутило живот.

И это не считая шпиона, которого Йалай, предположительно, внедрила в окружение Далинара. Бури! У Шаллан от такого ум за разум зашел.

– Осмотри тело, – прошептала Шаллан Ишне. – Проверь, есть ли признаки самоубийства или постороннего воздействия.

– Да, светлость.

Шаллан быстро вернулась в комнату с винным шкафом. Газ и Рэд уже работали, собирая вещи Йалай. Вот буря, а можно ли доверять этим двоим?

В любом случае предсказание Йалай оказалось верным. И вполне возможно, что в этой комнате хранились секреты, которые Мрейз не хотел раскрывать Шаллан.

8. Капитуляция

Бронзовая клетка может создать предупреждающий фабриаль, сообщающий об объектах или сущностях поблизости. В настоящее время для этого используются гелиодоры, и не без веских оснований, но другие самосветы тоже годятся.

Лекция по фабриальной механике, прочитанная Навани Холин перед коалицией монархов, Уритиру, йезеван, 1175 г.

Каладин пересек горящую комнату, не в силах выкинуть из головы тот момент, когда внезапно потерял свои силы. Этот опыт привел его в смятение. По правде говоря, он на самом деле привык полагаться на свои способности, как полагаются на хорошее копье, испытанное в бою и острое. Нет ничего хуже, чем когда оружие подводит.

– Придется наблюдать, чтобы против нас не применяли такие фабриали, – сказал Каладин. – Мне не нравится мысль, что враг может лишить нас способностей. – Он взглянул на Сил, сидевшую у него на плече. – Ты испытывала что-нибудь подобное раньше?

Она покачала головой:

– Насколько я помню, нет. Это заставило меня ощутить себя... увядшей. Как будто меня здесь нет.

Он шарахался от комнат, охваченных пламенем, полных первобытных теней и огней, ярко-оранжевых и красных, глубоких и злых цветов. Если бы градоначальники довольствовались нормальным домом, этого бы никогда не случилось. Но нет, им нужно было жить отдельно, иметь жилище, полное нежного дерева, а не крепкого камня. Голодные языки пламени в возбуждении играли с умирающим особняком. В звуках огня, в его рычании и шипении, слышалось ликование. Спрены пламени бежали по стене рядом с Каладином, оставляя черные следы на дереве.

Кухня впереди была полностью поглощена огнем. До сих пор он не обращал внимания на жар – бурсвет исцелял ожоги прежде, чем они успевали зачесаться. Пока он держится подальше от сердца огня, с ним все будет в порядке.

К сожалению, это может оказаться невозможным.

– А где подвал? – спросила Сил с его плеча.

Каладин указал через кухонный ад на дверной проем – едва видимый, словно тень.

– Отлично... – сказала Сил. – Ты собираешься бежать?

Каладин кивнул, не смея лишиться ни капли бурсвета. Он собрался с духом и бросился в комнату. Вокруг клубились пламя и дым, жалобный стон сверху свидетельствовал о том, что потолок вот-вот сдастся.

Быстрое сплетение, направленное вверх, позволило Каладину перепрыгнуть через горящую кухонную стойку. Он приземлился с другой стороны и врезался плечом в обуглившуюся подвальную дверь. С громким треском дверь проломилась, горящие щепки и сажа разлетелись во все стороны.

Он вошел в темный туннель, вырубленный прямо в каменном склоне холма и уводящий вниз. Когда пылающий ад остался за спиной, Сил хихикнула.

– Что?

– У тебя зад горит.

Преисподняя! Он похлопал себя по спине. Ну, после того как Лешви проткнула его насквозь, эта униформа все равно была испорчена. Ему придется выслушивать жалобы Лейтена на то, как часто Каладин обращается за новой одеждой. Квартирмейстер ветробегунов, казалось, был убежден, что Каладин позволяет себя ранить только для того, чтобы испортить очередной мундир.

Он двинулся по темному каменному туннелю, рассчитывая, что бурсвета будет достаточно для освещения. Вскоре ему попала металлическая решетка, прикрывающая глубокую яму: водосток, который отводил дождевую воду, которая затапливала туннель. В буревых погребах, подобных этому, светлоглазые семьи скрывались на время разгула стихий.

Он бы отмахнулся от возможного наводнения как от еще одной проблемы с проживанием в деревянном доме, но даже каменные дома иногда повреждались во время бурь. Он никого не винил за желание отгородиться от бушующих ветров несколькими футами скалы. Ребенком он играл здесь с Лараль, и теперь все казалось ему меньше. Он помнил глубокий, бесконечный туннель. Но стоило миновать водосток, как вскоре впереди показался сам освещенный погреб.

Войдя, Каладин обнаружил в подземной комнате двух пленников, прикованных к дальней стене; они сидели, склонив головы. Один был ему незнаком – возможно, беженец, – но другой был Джебер, отец двух мальчиков, которых Каладин знал в юности.

– Джебер! – Каладин устремился вперед. – Ты не видел Рошона? Он...

Каладин замолчал, заметив, что оба пленника не двигаются. Он опустился на колени, вглядываясь в худое лицо Джебера, и ощутил растущий страх. Лицо было совершенно нормальным, только очень бледным – и с двумя выгоревшими, угольно-черными ямами на месте глаз. Пленник был убит осколочным клинком.

– Каладин, сзади! – вскрикнула Сил.

Он развернулся, вытянул руку и призвал свой клинок. Слева от двери в стене имелась грубо вытесанная ниша, которую Каладин не заметил, когда вошел. Там спокойно стоял высокий мужчина: ястребиное лицо, каштановые волосы с черными прядками. Моаш был одет в строгую черную униформу, сшитую в стиле аleti, и держал перед собой светлорда Рошона, приставив нож к его шее. Бывший градоначальник беззвучно плакал, другая рука Моаша прикрывала ему рот, а спрены страха колыхались на полу.

Быстрым и ловким движением Моаш вскрыл Рошону горло; кровь плеснула на рваную одежду.

Рошон упал на камень. Каладин вскрикнул и рванулся на помощь, но лекарь внутри его покачал головой. Перерезанное горло? Это была не та рана, которую можно исцелить.

«Иди к тому, кому можешь помочь, – казалось, говорил ему отец. – Этот мертв».

Бури! Не слишком ли поздно вызвать Крадунью или Годеке? Они могли бы... они бы...

Рошон на полу бился в затихающих конвульсиях. А потом человек, который терроризировал семью Каладина, – человек, который приговорил Тьена к смерти, – просто... испустил дух в луже собственной крови.

Каладин посмотрел на Моаша. Тот молча вернул нож в ножны на поясе.

– Ты пришел, чтобы спасти его, не так ли, Кэл? – спросил Моаш. – Одного из своих злейших врагов? Вместо того чтобы отомстить и найти умиротворение, ты спешил ему помочь.

Каладин взревел и вскочил на ноги. Смерть Рошена вернула Каладина к тому моменту во дворце в Холинаре. Копье, пронзившее грудь Элокара. И Моаш... салютующий членам Четвертого моста, как будто хоть отчасти заслуживал этой привилегии.

Каладин поднял Сил-копье в направлении Моаша, но высокий мужчина просто посмотрел на него – его глаза теперь были темно-карими, но лишены каких-либо эмоций или жизни вообще. Моаш не стал призывать свой осколочный клинок.

– Дерись со мной! – крикнул ему Каладин. – Покончим с этим!

– Нет, – сказал Моаш, уперев руки в бока. – Я сдаюсь.

Шаллан заставила себя посмотреть через дверной проем на тело Йалай, пока Ишна изучала его.

Куда охотнее она направила бы взгляд к чему-нибудь другому, да и мысли тоже. Она не любила трудностей, хотя к равновесию между тремя личностями, из которых каждая обладала явной полезностью, ей отчасти удалось прийти, когда она приняла свою боль. Пусть даже она этого и не заслуживала.

Равновесие получилось рабочим. Она могла действовать.

«Но становимся ли мы лучше? – спросила Вуаль. – Или просто застряли на месте?»

«Меня устроит, если не станет хуже», – подумала Шаллан.

«И как долго это продлится? – не унималась Вуаль. – Вот уже год мы стоим на ветру, не отступаем, но и не движемся вперед. В конце концов тебе придется вспомнить. Это будет нелегко...»

Нет. Только не это. Еще рано. У нее есть работа. Она отвернулась от трупа и сосредоточилась на насущных проблемах. Неужели у Духокровников есть свои люди среди ближайшего окружения Шаллан? Она нашла эту идею не только правдоподобной, но и вероятной.

Адолин мог назвать сегодняшнюю миссию успешной, а значит, проникновением в ряды Сынов Чести Шаллан, по крайней мере, доказала, что способна строить планы и осуществлять их. Но она не могла отделаться от ощущения, что Мрейз обвел ее вокруг пальца, несмотря на все усилия Вуали.

– Здесь ничего нет, кроме пустых винных бутылок. – Рэд тем временем открывал все подряд ящики и шкафы. – Погодите! Кажется, я нашел Газово чувство юмора. – В его пальцах было зажато нечто маленькое. – Нет. Просто засохший старый фрукт.

Газ обнаружил тесную спальню в дальнем конце комнаты, за той дверью, которую заметила Вуаль.

– Если ты найдешь мое чувство юмора, убей его! – крикнул он изнутри. – Это будет милосерднее, чем вынуждать его иметь дело с твоими шутками, Рэд.

– Светлость Шаллан считает их забавными. Верно?

– Все, что раздражает Газа, забавно, Рэд.

– Так ведь я сам себя раздражаю! – откликнулся Газ. Он высунулся из проема: заросший, теперь с двумя здоровыми глазами – новый вырос после того, как несколько месяцев назад он наконец-то научился поглощать бурсвет. – Стало быть, я самый забавный шквальный мужик на планете. Шаллан, что мы тут ищем?

– Бумаги, документы, записные книжки, – перечислила она. – Письма. Любой вид писанины.

Парочка продолжила обыск. Какие-нибудь явные улики они сумеют узнать, но Йалай намекнула, что искать следует нечто необычное, нечто скрытое. Такое, что, по мнению Мрейза, не должно попасть к Шаллан. Она прошла через комнату, затем слегка повернулась на каблуках и посмотрела вверх. Как это Вуаль не заметила под потолком пояса изысканного орнамента в виде завитков? А ковер в центре пусть и был одноцветным, но зато отличался пышностью и ухоженностью. Она сбросила туфли, стянула чулки и прошла по нему босиком, так что пальцы утопали в ворсе. Комната была скромной, да, но вовсе не унылой.

Секреты. Где же секреты? Подойдя к винному шкафу, она осмотрела содержимое, и Узор на юбке зажужал. Йалай упоминала редкое вино. Значит, ключ к разгадке где-то здесь.

Ничего не оставалось, кроме как продегустировать запасы. Случалось, что обязанности Шаллан подвергали ее гораздо худшим испытаниям. Рэд поднял бровь, когда она начала наливать и пробовать понемногу из каждой бутылки.

Несмотря на долгие рассуждения Йалай о винах, большинство из них показались Шаллан совершенно обычными. Однако она не была экспертом; ей нравилось все, что опьяняло и было приятно на вкус.

Подумав об этом, она с помощью толики бурсвета сожгла алкоголь в своей крови. Сейчас не время ходить с туманом в голове. Среди обычных вин она все же обнаружила одно, которое не смогла охарактеризовать. Это было сладкое вино, темно-красное, кровавого цвета. На вкус оно не было похоже ни на что, что она пробовала раньше. Фруктовое, но крепкое, и, возможно, вкус немного... тяжеловесный. Если можно так сказать.

– Нашел несколько писем, – сказал Газ из спальни. – Есть еще книги, которые, кажется, она написала от руки.

– Собери все, – велела Шаллан. – Мы разберемся с этим позже. Мне нужно кое-что спросить у Адолина.

Она поднесла ему графин. Несколько охранников наблюдали за дверью, и, похоже, никто в военном лагере не заметил нападения. По крайней мере, никто не заявился к ним в гости.

Шаллан сперва демонстративно проигнорировала труп, а потом заставила себя опять взглянуть на него. Адолин шагнул ей навстречу и тихо сказал:

– Нам пора идти. Пара охранников сбежала. Надо бы написать, чтобы прислали нескольких ветробегунов, – с их помощью уйдем быстрее. И... что случилось с твоими туфлями?

Шаллан взглянула на свои босые ноги, торчащие из-под платья.

– Они мешали мне думать.

– Думать... – Адолин провел рукой по своим восхитительно спутанным волосам, светлым с черными прядками. – Любовь моя, иногда ты очаровательно странная.

– В остальное время я просто разочаровывающе странная. – Она подняла графин. – Пей. Это в научных целях.

Он нахмурился, но сделал глоток – и скривился:

– Что это такое?

– Шинское так называемое вино. Они понятия не имеют, как сбраживать настоящий алкоголь. У них вся выпивка из одной и той же странной маленькой ягоды.

– И впрямь экзотика... – проговорила Шаллан. – Мы пока не можем уйти. Мы с Узором должны раскрыть секрет.

– Ммм... – сказал Узор с ее юбки. – Жаль, что у меня нет обуви и я не могу ее снять, чтобы мой мозг заработал как следует. – Он помедлил. – Хотя у меня же на самом деле нет мозга.

– Мы вернемся через секунду, – сказала она, возвращаясь в комнату с винным шкафом.

Рэд присоединился к Газу в крошечной спальне. Окон не было, места едва хватало, чтобы стоять. Там лежал матрас без рамы и сундук, в котором, по-видимому, раньше хранились записки и письма, собранные Газом.

Йалай должна была ожидать, что их найдут. В них наверняка содержались тайны, но не те, за которыми охотилась Шаллан.

«Йалай переехала сюда после того, как сторел ее дворец. Она спала в чулане и отказывалась покидать эту крепость. И все же Мрейз отправил не одного, а двух человек, чтобы убить ее».

Шинское вино. Так это и есть ключ? Нечто, связанное с винным шкафом? Она окинула его взглядом и достала блокнот.

– Узор, обыщи комнату – нет ли в ней, э-э, узоров?

Спрен загудел и соскользнул с ее юбки – от его движения каменная поверхность пола покрылась выступающей рябью, словно он каким-то образом проник внутрь. Пока он был занят поисками, Шаллан сделала набросок винного шкафа.

В том, чтобы запечатлеть объект в памяти, а потом перенести его на бумагу в застывшем виде, таилось нечто, позволяющее ей лучше видеть. Прикинув расстояние между ящиками, толщину дерева, вскоре она пришла к выводу, что в винном шкафу нет места для секретных отделений.

Она прогнала пару спренов творчества и встала. Узоры, узоры, узоры... Она оглядела ковер, затем рисунок в верхней части стен. Шиновар. Таит ли шинское вино нечто важное, или она взяла ложный след?

– Шаллан, – сказал спрен с другого конца комнаты. – Узор.

Шаллан поспешила туда, где от Узора искажилась каменная стена – возле дальнего северо-западного угла. Присела и обнаружила, что на камнях действительно имеется почти невидимый узор. Резьба, стертая временем, которую она едва ощущала кончиками пальцев.

– Здание не новое, – сказала она. – По крайней мере, часть его уже стояла, когда алети прибыли в военные лагеря. Они построили это на старом фундаменте. Что за знаки? Я их с трудом различаю.

– Ммм... – сказал спрен. – В узоре десять элементов, они повторяются.

«Это немного похоже на глиф...» – подумала она.

Военные лагеря восходили к темным дням – периоду, когда еще существовали эпохальные королевства человечества. Все десять. Десять глифов? Шаллан сомневалась, что сможет интерпретировать древние символы – даже у Ясны с этим были бы проблемы, – но, возможно, ей и не придется этого делать.

– Эти камни идут вокруг основания стены, – сказала она. – Давай посмотрим, вдруг в другом месте резьба окажется более четкой.

И в самом деле, некоторые камни сохранились лучше. На каждом из них был глиф – и что-то похожее на небольшую карту в форме одного из древних королевств. Большинство превратилось в неясные пятна, но серповидные очертания гор Шиновара выделялись.

«Шинское вино. Карта с горами Шиновара».

– Найди все камни с этим знаком, – велела она Узору.

Он послушался. Шаллан двигалась следом за ним, и третий из обнаруженных камней слегка поддался под ее пальцами.

– Вот, погляди-ка. Вышли напрямик на цель.

– Ммм... – пробурчал спрен. – Ну, строго говоря, мы на нее вышли не прямым путем, а по периметру.

Она осторожно вытащила камень. Внутри, как в мифическом тайнике с самосветами из сказки на ночь, лежала маленькая записная книжка. Шаллан подняла глаза и проверила, остались ли Газ и Рэд в соседней комнате. Да, они все еще там.

«Проклятие! она заставила меня усомниться в собственных агентах», – подумала Шаллан, пряча блокнот в защищенный кошель и возвращая камень на место. Может, план Йалай как раз в том и заключался, чтобы посеять хаос и недоверие. Но... Шаллан не могла полно-

стью принять эту теорию, ведь она видела, какой затравленный вид был у великой княгини. Нетрудно было поверить, что Духокровники охотились за ней; Мрейз проник в ближайшее окружение Амарама и Йалай еще год назад, но не пошел с ними, когда они бежали из Уритиру.

Шаллан не терпелось заглянуть в блокнот, но тут появились Газ и Рэд с наволочкой, полной записок и писем.

– Если здесь что-то и осталось, – Газ потыкал большим пальцем через плечо, – мы это найти не можем.

– Придется ограничиться этим, – сказала Шаллан. Адолин подождал ее взмахом руки. – Давайте выбирать отсюда.

Держа копье у горла Моаша, Каладин колебался. Он мог убить этого человека. С ним надо покончить. Что его удерживает?

Моаш... был его другом. Когда-то они часами сидели у костра, разговаривая о жизни. Каладин открыл свое сердце этому человеку так, как не открывал большинству других. Он рассказал Моашу, как Тефту и Камню, про Тьена. Про Рошона. Про свои страхи.

Но Моаш был не просто другом. Еще он был членом Четвертого моста. Каладин поклялся бурям и небесам – на случай, если кто-то оттуда наблюдал, – что он защитит этих людей.

Каладин подвел Моаша. Так же серьезно, как он подвел Данни, Марта и Джакса. Из всех этих потерь Моаш был самой болезненной. Потому что в этих холодных глазах Каладин увидел себя.

– Ты ублюдок, – прошипел Каладин.

– Отрицаешь справедливость моих действий? – Моаш пнул труп Рошона. – Ты знаешь, что он сделал. Ты знаешь, чего он мне стоил.

– Ты за это покарал Элокара!

– Они оба получили по заслугам. – Моаш покачал головой. – Я сделал это и ради тебя, Кэл. Ты позволишь душе твоего брата рыдать с приходом каждой бури, не будучи отмщенной?

– Не смей говорить о Тьене!

Каладин почувствовал, что соскальзывает, теряет контроль. Это случалось всякий раз, когда он думал о Моаше, о смерти короля Элокара, о том, что он подвел народ Холинара и ребят из Стенной стражи.

– Требуешь справедливости? – прорычал он, взмахом руки указывая на прикованные к стене трупы. – А как насчет Джебера и того, другого? Ты их убил ради справедливости?

– Ради милосердия. Лучше быстрая смерть, чем оставить их умирать забытыми.

– Ты мог бы освободить их!

Руки Каладина вспотели на оружии, а его разум... разум помутился. Его бурсвет почти иссяк.

– Каладин, – сказала Сил. – Давай уйдем.

– Мы должны разобраться с ним, – прошептал Каладин. – Я должен... должен...

Что? Убить Моаша, пока он стоит беззащитный? Это человек, которого Каладин должен защищать. Спасать...

– Они умрут, ты же знаешь, – тихо сказал Моаш.

– Заткнись.

– Все, кого ты любишь, все, кого ты как будто можешь защитить. Они все равно умрут. Ты не в силах ничего с этим поделать.

– Я сказал – заткнись! – рявкнул Каладин.

Моаш подался навстречу копью, опустив руки. Шаг. Второй.

Каладин, как ни странно, почувствовал, что отступает. Он так устал в последнее время. Он пытался не обращать на это внимания, продолжать в том же духе, но усталость навалилась

на плечи невыносимой тяжестью. Каладин использовал большую часть своего бурсвета, сражаясь, а затем пробираясь сквозь огонь.

Тут он кончился совсем, и Каладин обессилел. Онемение, которое он подавлял всю эту битву, нахлынуло на него. Изнеможение.

Далекий огонь за спиной Моаша потрескивал и щелкал. Внезапно по туннелю разнесся громкий треск: потолок кухни наконец-то рухнул. Куски горящего дерева покатались в сторону бурового погреба, тлеющие угли растворились в темноте.

– Помнишь ущелье, Кэл? – прошептал Моаш. – Под дождем той ночью? Как ты стоял там, смотрел во тьму и понимал, что это твой единственный шанс обрести свободу? Тогда ты это знал. Ты пытаешься сделать вид, что забыл. Но ты же знаешь. Ты в этом уверен, как и в том, что придет буря. И еще в том, что каждый светлоглазый – лжец. Есть только один ответ. Один путь. Один результат.

– Нет... – прошептал Каладин.

– Я нашел лучший способ. Я не чувствую вины. Я отдал это чувство и стал тем человеком, которым мог бы стать давно, если бы меня не удерживали.

– Ты превратился в чудовище.

– Я могу забрать боль, Кэл. Разве ты не этого хочешь? Конца страданиям?

Каладин чувствовал себя как в трансе. Он застыл, как и тогда, когда смотрел... смотрел, как умирает Элокар. С тех самых пор внутри его гноилась трещина.

Нет, она росла намного дольше. Семя, которое делало его неспособным бороться, принимать решения, парализовало его в те мгновения, когда друзья умирали.

Копье выскользнуло из его пальцев. Сил что-то говорила, но... он не слышал ее. Ее голос был словно далекий ветерок...

– Есть простой путь к свободе. – Моаш протянул руку и положил ее на плечо Каладина знакомым успокаивающим жестом. – Ты мой самый близкий друг, Кэл. Я хочу, чтобы ты перестал страдать. Я хочу, чтобы ты был свободен.

– Нет...

– Выход в том, чтобы перестать существовать, Кэл. Ты ведь всегда это знал, не так ли?

Каладин сморгнул слезы. В самой глубине его души маленький мальчик, который ненавидел дождь и темноту, свернулся калачиком. Потому что... он действительно хотел перестать страдать.

Он так сильно этого хотел.

– Мне нужна от тебя всего одна вещь, – продолжил Моаш. – Я хочу, чтобы ты признал мою правоту. Чтобы ты увидел. Когда они продолжают умирать, вспомни. Когда ты их подведешь и боль поглотит тебя, вспомни: выход есть. Вернись к тому утесу и прыгни во тьму.

Сил кричала, но это был всего лишь ветер. Далекий ветер...

– А драться с тобой я не стану, Кэл, – прошептал Моаш. – Нет такой битвы, которую можно было бы выиграть. Мы проиграли в тот самый момент, когда родились и явились в эту проклятую юдоль страданий. Единственная победа, оставшаяся нам, – решиться покончить с этим. Я нашел свой путь. Для тебя открыт другой.

«О, Буреотец! – подумал Каладин. – О, Всемогущий! Я просто... я просто хочу перестать подводить людей, которых люблю».

В комнату ворвался свет.

Чистый и белый, как свет самого яркого бриллианта. Свет солнца. Блестящая, концентрированная чистота.

Моаш зарычал и резко повернулся, прикрывая глаза от источника света, который шел из дверного проема. Фигура, стоявшая там, казалась не более чем тенью.

Моаш шарахнулся от света – но его версия, прозрачная и тонкая, оторвалась и шагнула в противоположную сторону. Как послеобраз. В ней Каладин увидел того же Моаша, но почему-

то более статного, одетого в блестящую синюю униформу. Двойник уверенно поднял руку; и хотя Каладин не мог их видеть, он знал, что за этим Моашем собрались люди. Защищенные. Пребывающие в безопасности.

Образ Моаша вспыхнул, в его руках возникло осколочное копьё.

– Нет! – закричал настоящий Моаш. – Нет! Возьми! Возьми мою боль!

Он отшатнулся в сторону, разъяренный, в его руках появился осколочный клинок – меч Убийцы в Белом. Он замахнулся в пустоту. Наконец он опустил голову, прикрывая лицо локтем, и, оттолкнув фигуру внутри сияния, бросился обратно в туннель.

Каладин опустился на колени, купаясь в этом теплом свете. Да, ему стало тепло. Каладин это отчетливо почувствовал. Конечно... если некое высшее божество на самом деле существовало... оно наблюдало за ним из этого света.

Свет померк, и худощавый молодой человек с черно-русыми волосами бросился вперед, чтобы подхватить Каладина.

– Сэр! – воскликнул Ренарин. – Каладин, сэр? С тобой все в порядке? У тебя что, буресвет кончился?

– Я... – Каладин покачал головой. – Что...

– Пошли. – Ренарин взял его под руку, чтобы помочь подняться. – Сплавленные отступили. Корабль готов к взлету!

Каладин оцепенело кивнул и позволил Ренарину помочь ему встать.

9. Противоречия

Пьютерная¹ клетка заставит спрена вашего фабриаля выразить свой атрибут в полную силу – спрен пламени, например, создаст тепло. Мы называем эти устройства усилителями. Они, как правило, используют буресвет быстрее, чем другие фабриали.

Лекция по фабриальной механике, прочитанная Навани Холин перед коалицией монархов, Уритиру, йезеван, 1175 г.

К тому времени как Каладин начал приходить в себя, «Четвертый мост» уже поднимался в воздух. Он стоял у перил, наблюдая, как уменьшается внизу покинутый город Под. С такого расстояния дома напоминали горстку крабих панцирей, которые стали малы своим прежним обитателям. Они отслужили свое и превратились в рассыпанный мусор.

Когда-то он представлял себе, как вернется сюда с триумфом. Но его возвращение в конце концов ознаменовало гибель города. Каладина удивило, как мало его это ранило, – ведь он понимал, что, скорее всего, видит свой родной городок в последний раз.

Что ж, Под перестал быть его домом уже много лет назад. Невольно он начал высматривать членов изначального Четвертого моста. Они смешались с другими ветробегунами и оруженосцами на верхней палубе, толпились вокруг, о чем-то неразборчиво переговаривались.

До чего же разрослась их группа! Сотни ветробегунов – слишком много, чтобы действовать как сплоченный отряд, который он создал в армии Садеаса. Стон сорвался с его губ, и Каладин обвинил в этом свою усталость.

Он сел на палубу и прислонился спиной к перилам. Один из ревнителей принес ему чашку чего-то теплого, которую он с благодарностью принял, – а потом сообразил, что напитки раздают горожанам и беженцам, а не солдатам. Неужели он так плохо выглядит?

Да уж, подумал Каладин, окинув взглядом свою окровавленную и обожженную униформу. Он смутно помнил, как, спотыкаясь, добрался с помощью Ренарина до корабля, а потом рывкнул на ветробегунов, которые окружили его со всех сторон. Они продолжали предлагать

¹ Пьютер (англ. pewter) – сплав с высоким содержанием олова. (Примеч. перев.)

ему буресвет, но у него было достаточно. Теперь сила бурлила в его венах, но на этот раз дополнительная энергия, которую она давала, казалась... слабой. Блеклой.

«Прекрати, – приказал он самому себе. – Ты выдержал шквалы и похуже. Дыши глубже. Это пройдет. Оно всегда проходит».

Он отхлебнул из чашки – в ней оказался бульон. Каладин поразился его теплу, особенно когда корабль набрал высоту. Многие горожане собрались у бортов, спрены благоговения появлялись всюду. Каладин выдавил из себя улыбку, закрыл глаза и откинул голову назад, пытаясь вернуть чудесные ощущения первых полетов.

Вместо этого он обнаружил, что вновь переживает темные времена. Когда умер Тьен, когда он подвел Элокара. Как бы глупо это ни было, второй удар был почти таким же болезненным, как и первый. Король ему не особенно нравился. И все же каким-то образом увидеть, как Элокар умирает, так и не успев произнести первый Идеал Сияющих...

Каладин открыл глаза: перед ним парила Сил в облике миниатюрного моста. Она часто принимала форму вещей, но эта казалась особенно странной. Она не принадлежала небу. Можно было возразить, что и Каладин тоже.

Она снова приняла вид девушки, одетой в одно из самых нарядных платьев, и повисла на уровне глаз. Взмахом руки указала на собравшихся ветробегунов:

– Они поздравляют Ларан. Она произнесла Третий Идеал, пока мы были в том горящем доме.

– Вот и хорошо, – хмыкнул Каладин.

– А ты ее не поздравить?

– Позже. Не хочу пробиваться сквозь толпу.

Он вздохнул и снова прислонился головой к перилам.

«Почему я не убил его? Я убил бы паршуна или Сплавленного за то, что они существуют, но при встрече с Моашем оцепенел. Почему?»

Он чувствовал себя ужасно глупо. Как он мог так легко поддаться манипуляции? Почему он просто не воткнул копьё в чересчур самоуверенную физиономию Моаша и не избавил мир от целой тонны хлопот? По крайней мере, это заткнуло бы ему рот. Остановило слова, которые сочлились из его губ, словно жидкая грязь...

«Они умрут... Все, кого ты любишь, все, кого ты как будто можешь защитить. Они все равно умрут. Ты ничего не можешь с этим поделать».

«Я могу снять боль...»

Каладин заставил себя открыть глаза. Сил стояла перед ним, одетая в свое обычное платье – струящееся, девичье, перетекавшее в туман на уровне ее коленей. Она казалась меньше, чем обычно.

– Я не знаю, что делать, – тихо сказала она, – чтобы помочь тебе.

Он опустил взгляд.

– Тьма в тебе иногда больше, иногда меньше, – продолжила она. – Но в последнее время... она переросла во что-то иное. Ты выглядишь таким усталым.

– Мне просто нужно хорошенько отдохнуть. По-твоему, мне сейчас худо? Ты бы видела меня после того, как Хэв заставил меня идти ускоренным маршем через... через...

Он отвернулся. Лгать самому себе – это одно. Лгать Сил было труднее.

– Моаш что-то сделал со мной. Ввел меня в какой-то транс.

– Я так не думаю, Каладин, – прошептала она. – Как он узнал про Ущелье Чести? О том, что ты там чуть не натворил?

– Я ему много чего рассказывал, еще в лучшие времена. В армии Далинара, до Уритиру. До...

Почему он не мог вспомнить те времена, славные времена? Посиделки у костра с настоящими друзьями?

Включая человека, который только что пытался уговорить его покончить с собой.

– Каладин, – сказала Сил, – дела идут все хуже. Эта... отрешенность у тебя на лице, эта усталость. Это происходит всякий раз, когда у тебя кончается буресвет. Как будто... ты можешь продолжать действовать, только пока он внутри тебя.

Каладин крепко зажмурился.

– Ты цепенеешь всякий раз, когда слышишь о потерях среди ветробегунов.

Узнавая о гибели своих солдат, он всегда представлял себе, как снова наводит мосты. Он слышал крики, ощущал стрелы в воздухе...

– Пожалуйста, – прошептала она. – Скажи мне, что делать. Я не могу понять этого в тебе. Я так отчаянно старалась. Я ничуть не смыслю в том, что ты чувствуешь и почему ты это чувствуешь.

– Если ты когда-нибудь в этом разберешься, объясни мне, ладно?

Почему он не мог просто отмахнуться от того, что сказал Моаш? Почему не мог расправить плечи? Шагать навстречу солнцу, как герой, каким все его изображали?

Он открыл глаза и сделал глоток бульона, однако тот уже остыл. Но он все равно заставил себя проглотить. Солдату непозволительно быть разборчивым в еде.

Вскоре от толпы ветробегунов отделилась некая фигура и неторопливо направилась к нему. Униформа Тефта сидела аккуратно, борода была подстрижена, но теперь, когда он больше не светился, он казался старым камнем. Этаким замшелым камнем, какой можно найти у подножия холма – исхлестанным дождем и ветром; таким, на который смотришь и гадаешь, что он повидал за свою долгую жизнь.

Тефт явно вознамерился присесть рядом с Каладином.

– Не хочу разговаривать, – резко заявил тот. – Я в порядке. Тебе не надо...

– Ох, да заткнись ты, Кэл! – Тефт вздохнул, усаживаясь. Ему было чуть за пятьдесят, но иногда он вел себя как дедушка лет на двадцать старше. – Через минуту ты пойдешь и поздравишь эту девушку с тем, что она произнесла Третий Идеал. Это было тяжело для нее, как и для большинства из нас. Ей нужно твое одобрение.

Возражения замерли на губах Каладина. Да, теперь он великий маршал. Но правда в том, что каждый офицер, стоящий своих нашивок, знал: есть время заткнуться и поступить, как велит тебе сержант. Даже если он больше не твой сержант, а сам ты командуешь отнюдь не взводом.

Тефт посмотрел на небо:

– Значит, ублюдок все еще жив, да?

– Мы получили подтверждение, что его видели два месяца назад, в той битве на веденской границе.

– Да, два месяца назад. Но я полагал, что кто-то на их стороне уже его прикончил. Они ведь наверняка его тоже терпеть не могут.

– Они дали ему Клинок Чести. Если они его терпеть не могут, то как-то странно это показывают.

– Что он сказал?

– Что вы все умрете.

– Чего? Пустые угрозы? Да у него точно крыша поехала.

– Ага, – согласился Каладин. – Поехала, да.

«Но это не было угрозой, – подумал он. – В конце концов я потеряю всех. Так уж все устроено. Так оно всегда было...»

– Скажу остальным, что он что-то вынюхивает, – решил Тефт. – В будущем он может попытаться напасть на кого-нибудь из нас. – Он изучающе посмотрел на Каладина. – Ренарин сказал, что нашел тебя там на коленях. Без оружия. Как будто ты... оцепенел в бою.

В сказанном ощущалась намеренная недосказанность. «Как будто ты снова оцепенел в бою». Подобное случалось не так уж часто. Только сегодня, и еще в Холинаре. И когда Лопен чуть не погиб несколько месяцев назад. И... ну, еще пару раз.

– Пойдем поговорим с Ларан. – Каладин поднялся.

– Парень...

– Тефт, ты сам сказал мне, что я должен это сделать, – перебил Каладин. – Так что не мешай, шквал тебя побери.

Каладин пошел выполнять свой долг, Тефт последовал за ним. Каладин расправил плечи и позволил всем убедиться, что великий маршал – все тот же блестящий лидер, которого они знали. Ларан призвала для него клинок, и он поздравил ее спрена. Спренов чести было так мало, что он всегда старался уделять им внимание.

Позже, как он и надеялся, Далинар попросил ветробегунов доставить его, Навани и кое-кого еще на Расколтые равнины. Многим Сияющим предстояло остаться и охранять «Четвертый мост» во время долгого путешествия, но командный состав был необходим для выполнения других обязанностей.

Проведав родителей, которые, конечно же, решили остаться с горожанами, Каладин улетел. По крайней мере, во время полета вокруг них бушевал ветер, и Тефт не мог больше задавать вопросы.

Навани любила и ненавидела противоречия.

С одной стороны, противоречия в природе или науке были свидетельством логического, разумного порядка всех вещей. Когда сотня предметов указывала на некий узор, а затем один нарушал этот узор, это в первую очередь демонстрировало, насколько замечательным был узор как таковой. Отклонение подчеркивало естественное разнообразие.

С другой стороны, эта аномалия выделялась. Как дробь на странице целых чисел. Семерка в последовательности безукоризненных чисел, кратных двум. Противоречия шептали, что ее знания неполны.

Или хуже того, возможно, никакой последовательности не было. Может быть, все было хаосом, полным случайностей, а она притворялась, что мир имеет смысл, ради собственного спокойствия.

Навани пролистала свои записи. Ее безликая круглая комната была слишком мала, чтобы в ней можно было стоять. Там помещался лишь стол, привинченный к полу, и единственный стул. Она могла коснуться стен одновременно с обеих сторон, вытянув руки.

Кубок для хранения сфер был прикреплен к столу и плотно закрыт сверху. Разумеется, для освещения она взяла с собой только бриллианты. Она не терпела светильников, состоящих из сотен сфер всевозможного размера и цвета.

Со вздохом Навани вытянула ноги под столом. Часы, проведенные в этой комнате, пробуждали в ней страстное желание встать и пойти прогуляться. Это было невозможно, и она разложила оскорбительные страницы на своем столе.

Ясне нравилось находить несоответствия в данных. Дочь Навани жадно впитывала противоречия, небольшие отклонения в свидетельских показаниях, вопросы, поднятые предвзятыми воспоминаниями в исторической хронике. Ясна осторожно перебирала такие нити, выдерживая по одной и открывая новые озарения и секреты.

Ясна любила секреты. Навани относилась к ним с большей опаской. Секреты превратили Гавилара в... то, чем он стал в итоге. Даже сегодня жадность артефабров по всему миру мешала обществу как таковому учиться, расти и творить – и все это во имя сохранения коммерческих тайн.

Сколько секретов древние Сияющие хранили в течение столетий, только чтобы те умерли вместе с ними, заставляя Навани открывать все заново? Она наклонилась к своему креслу и подняла найденный Каладином и Крадуньей фабриаль.

Она понятия не имела, в чем суть этой штуковины. Четыре соединенных граната? Внутри них, похоже, не было спренов. Металл клетки и способ огранки самосветов были ей незнакомы... Изучать этот предмет было все равно что пытаться понять иностранный язык. Как он подавил способности сияющих? Было ли это связано с самосветами, вложенными в оружие вражеских солдат, которые высасывали буресвет? Так много шквальных тайн.

Она взяла со стола набросок колонны из самосветов в центре Уритиру. «Это то же самое», – подумала она, вертя фабриаль в другой руке, а затем сравнивая его с похожей на вид конструкцией из гранатов на рисунке. Те, из которых состояла колонна, были огромными, но огранка, расположение и общее ощущение оказались такими же.

Зачем башне устройство для подавления силы Сияющих? Она ведь была их домом.

«Может, все наоборот? – подумала Навани, откладывая чужой фабриаль и делая пометку на полях рисунка. – Может, это был способ подавить способности Сплавленных?»

Столь много фактов, связанных с башней, все еще не имели никакого смысла. У нее был узокователь – Далинар. Разве он и Буреотец не должны быть в состоянии подражать тому, что делал некий давно умерший спрен, чтобы привести в действие колонну и башню?

Она взяла со стола второй рисунок, на этот раз устройство было знакомое – конструкция из трех самосветов, соединенных цепочками, предназначенная для ношения на тыльной стороне ладони. Духозаклинатель.

Духозаклинатели давно беспокоили Навани. Они были пресловутым изъясном в системе, фабриалем, который не имел смысла. Навани сама не была ученой, но хорошо разбиралась в фабриальных с практической точки зрения. Они производили определенные эффекты, в основном усиливая, локализуя или привлекая определенные элементы или эмоции – всегда связанные с типом спрена, заточенного внутри. Эффекты были настолько логичными, что теоретические фабриали были правильно предсказаны за годы до их успешного создания.

Технологический шедевр, подобный «Четвертому мосту», представлял собой не более чем набор соединенных друг с другом более мелких и простых устройств. Соедини один набор самосветов – и получится даль-перо. Соедини сотни – и сможешь заставить корабль летать. Если, конечно, сможешь разобраться, как изолировать плоскости движения и повторно применить векторы силы через сопряженные фабриали. Но даже эти открытия были скорее мелкими хитростями, чем технологическим прорывом.

Каждый шаг логически проистекал из предыдущих. Все складывалось безупречным образом, стоило лишь понять основы. Но духозаклинатели... они нарушили все правила. На протяжении веков все воспринимали их как святых, сотворенный Всемогушим и дарованные людям в знак милосердия. Они не должны были подчиняться здравому смыслу, потому что имели не технологическое происхождение, а божественное.

Но так ли это на самом деле? Или она сможет, изучив их, в конце концов раскрыть все секреты? В течение многих лет считалось, что в устройствах для духозаклипания нет пойманных в ловушку спренов. Но с Клятвенными вратами Навани могла путешествовать в Шейдсмар – и все сущее отражалось там. Люди становились плавающими огоньками свечей. Спрены – более крупными или более полными версиями того, какими они представляли в физической реальности.

Духозаклинатели проявлялись в виде маленьких невосприимчивых спренов, парящих с закрытыми глазами. Значит, внутри каждого такого устройства все-таки был захваченный спрен. Спрен Сияющих, судя по форме. Разумный, а не схожий с животным, как те спрены, что наделяли силой обычные фабриали.

Эти спрены были взяты в плен в Шейдсмаре и каким-то образом снабжали энергией духозаклинатели. «Может, по сути это одно и то же?» – подумала Навани, рассматривая обнаруженное Каладином устройство с самосветом. Должна же быть какая-то связь. Может, связь с башней? Тот самый секрет, благодаря которому она работала?

Навани перелистывала страницы в блокноте, рассматривая множество схем, которые она нарисовала за последний год. Она смогла собрать воедино многие механизмы башни. Хотя они были – как и духозаклинатели – созданы тем же загадочным способом, посредством пленения спренов в Шейдсмаре. Их функции тем не менее были схожи с теми, которые придумывали современные артефабры.

Движущиеся подъемники? Сочетание сопряженных фабриалей и скрытого водяного колеса, погруженного в подземную реку, которую питали тающие снега на вершинах. Городские колодцы, постоянно наполненные пресной водой? Хитроумная манипуляция фабриалами-аттракторами, питаемыми древними самосветами, открытыми воздуху и бурям далеко под башней.

Действительно, чем больше она изучала Уритиру, тем больше видела, как древние использовали простую фабриальную технологию для создания своих чудес. Современные артефабры превзошли такие конструкции; ее инженеры отремонтировали, переоборудовали и улучшили лифты, заставив их работать в несколько раз быстрее. Они укрепили колодцы и трубы, по которым теперь вода поступала по башне гораздо дальше, в давно заброшенные водоводы.

Она так многому научилась за последний год. Она почти начала чувствовать, что может посредством дедукции узнать что угодно – ответить на любые вопросы, касающиеся времени и сотворенного мира как такового.

И тут Навани вспомнила про духозаклинатели. Их армии питались и перемещались благодаря этим устройствам. Уритиру зависел от дополнительной пищи, которую производили с их помощью. Тайник с духозаклинателями, обнаруженный в Аймиа в начале года, оказался невероятным благом для коалиционных войск. Эти штуковины числились среди наиболее желанных и важных вещей в современной истории.

А она понятия не имела, как они работают.

Навани со вздохом захлопнула блокнот, и в тот же миг комнатка содрогнулась. Нахмурившись, она потянулась и открыла небольшой люк в стене. Сквозь стекло открывался вид на нелепое зрелище: рядом с ней в воздухе летела группа людей. Ветробегуны держались свободным строем, лицом к ветру – что, как указывала Навани, было немного смешно. Почему бы не лететь наоборот? Им же не надо видеть, куда они направляются.

Они утверждали, что летать ногами вперед глупо, и отказывались, невзирая на все разумные доводы. Казалось, они лепили воздух вокруг себя и защищали свои лица от самых сильных ветров. Однако у Далинара такой защиты не было. Он летел в строю, поддерживаемый в воздухе ветробегуном, снаряженный маской с защитными очками, чтобы не отморозить свой горделивый нос.

Навани выбрала более удобное средство передвижения. Ее «комната» представляла собой деревянную сферу размером с человека, заостренную и вытянутую спереди и сзади, чтобы воздушный поток лучше ее обтекал. Ветробегун зарядил эту простую штуковину, а потом сплетением поднял в небо. Таким образом, Навани могла лететь с комфортом и в долгих перелетах даже заниматься научной работой.

Далинар утверждал, что ему нравится чувствовать ветер в лицо, но Навани подозревала, что он нашел ее транспортное средство слишком похожим на воздушный паланкин. Женский транспорт. Можно было бы предположить, что, решив научиться читать, Далинар больше не будет беспокоиться о традиционном делении на мужские или женские занятия. Но мужское эго иной раз бывало таким же сложным, как самый замысловатый фабриаль.

Она улыбнулась его маске и трем слоям верхней одежды. Рядом то и дело мелькали стройные разведчики в синем. Далинар был похож на чулла, которого занесло в стаю небесных угрей и который теперь изо всех сил старается вписаться в нее.

Она любила этого чулла. Любила его упрямство и озабоченность, с которой он принимал каждое решение. То, как даже в сосредоточенные размышления он вкладывал весь свой пыл. Далинар Холин ничего не делал наполовину. Когда он что-то задумывал, то выкладывался полностью – и тому, кто оказывался рядом с ним, оставалось лишь молить Всемогущего о силах, чтобы с ним справиться.

Она посмотрела на часы. Такое путешествие, от самого Алеткара до Расколотых равнин, занимало около шести часов – и это с тройным сплетением, используя силу Далинара, чтобы обеспечить буресвет.

К счастью, конец пути был уже близок, и она видела, что впереди Расколотые равнины. Ее инженеры не теряли времени даром; за последний год они построили прочные постоянные мосты, соединяющие многие из соответствующих плато. Они отчаянно нуждались в том, чтобы иметь возможность обрабатывать этот регион для снабжения Уритиру, – а это означало иметь дело с Йалай Садеас и ее мятежниками. Навани надеялась скоро услышать хорошие новости от светоплетов по поводу их миссии в...

Заметив что-то странное, Навани склонила голову набок. На стене рядом с ней отражался красный блик, который то вспыхивал, то гас. Словно огонек даль-пера.

Ее первой реакцией был всплеск паники. Неужели она каким-то образом активировала странный фабриаль? Если силы ветробегунов исчезнут, она камнем упадет наземь. Ее сердце екнуло, а дыхание перехватило.

Она начала падать. И... свет исходил не от странного фабриала. Она откинулась назад и заглянула под стол. Там, приклеенный снизу воском, обнаружился крошечный рубин. Нет, половина рубина.

«Часть даль-пера», – подумала она, выковыривая его ногтем.

Она держала его между пальцами, разглядывая ровный пульсирующий свет. Да, это был рубин из даль-пера, – если вставить его в гнездо, он соединит Навани с тем, кто владеет другой половиной, и позволит им общаться. Кто-то явно рассчитывал, что она найдет эту штуковину. Но зачем было ее прятать?

Ветробегуны начали опускать ее транспорт ближе к центру Расколотых равнин, и Навани обнаружила, что мигающий свет заставляет ее все сильнее волноваться. Даль-перо не работало во время перемещения, но, когда они приземлились, она разыскала в своем багаже одно устройство и прикрепила к нему новый рубин, пока никто не пришел справиться, как у нее дела.

Навани повернула самосвет, с нетерпением желая узнать, что же ей скажет некто неизвестный.

«Ты должна прекратить то, что делаешь, – написало перо сжатым, почти неразборчивым женским курсивом. – Немедленно». И остановилось в ожидании ответа.

Какое странное послание. Навани повернула рубин и написала свой ответ – обладатель другой половинки камня должен был получить его копию.

«Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду. Кто вы? По-моему, я не делаю ничего такого, что следует немедленно остановить. Возможно, вы не знаете, кому пишете. Это даль-перо могли поместить не туда, куда следовало?»

Навани установила даль-перо в положение для ответа, потом повернула рубин. Когда она убрала руку, перо осталось в том же месте на бумаге, стоя вертикально. Затем оно начало двигаться само по себе, управляемое невидимым человеком на той стороне.

«Я знаю, кто ты. Ты чудовище Навани Холин. Ты причинила больше боли, чем любой из живущих».

Она склонила голову набок. Это еще что за бред?

«Больше нет сил на это смотреть, – продолжило перо. – Мне придется остановить тебя».

Может, второе даль-перо в руках помешанной? Рубин начал мигать, показывая, что собеседник ждет ответа.

«Хорошо, – написала Навани. – Но что именно я, по-вашему, должна прекратить? Кроме того, вы забыли представиться».

Ответ пришел быстро, как будто написанный на пике эмоций.

«Ты лишаешь спренов свободы. Ты сажаешь их в тюрьму. Сотнями. Ты должна остановиться. Прекрати это или пеняй на себя».

Спрены? Фабриали? Неужели эта женщина всерьез обеспокоена такой простой вещью? А дальше что? Жалобы по поводу чуллов, которые телеги таскают?

«Я говорила с разумными спренами, – написала Навани, – такими, как те, что связаны с Сияющими. Они согласны, что спрены, которых мы используем для наших фабриалей, не народ, а бездумные существа вроде животных. Может, им и не нравится суть того, что мы делаем, но они не считают это чудовищным. Даже спрены чести это принимают».

«Спренам чести нельзя доверять, – написало перо. – Больше нельзя. Ты должна прекратить создавать этот новый фабриаль. Я заставлю тебя прекратить. Считай, что тебя предупредили».

Перо остановилось, и, как ни старалась Навани, от таинственной женщины или ревнителя, который писал ей, не пришло больше ни слова.

Ветробегунов из Уритиру вызвали на один из фронтов для поддержки с воздуха, а Каладин все еще был занят со своей маленькой затеей в Алеткаре. Так что в конце концов Шаллан и ее отряду пришлось отправиться в Нарак трудным путем. К счастью, теперь он был не так уж плох. С постоянными сторожевыми постами вдоль прямой дороги, путешествие, которое когда-то занимало дни, сократилось до нескольких часов.

На первом из главных укрепленных плато, где Далинар держал войска для наблюдения за военными лагерями, Шаллан и Адолин смогли передать пленников – с инструкциями доставить их в Нарак для допроса. Потом они заказали карету, а остальным предстояло возвращаться медленнее.

Шаллан коротала время, глядя в окно кареты, прислушиваясь к топоту лошадей и наблюдая за изломанным ландшафтом плато и ущелий. Когда-то все это было так трудно преодолеть. Теперь она путешествовала в роскошном экипаже и считала его неудобным по сравнению с полетом при посредничестве ветробегуна. А что будет, когда Навани заставит свои летательные аппараты работать эффективно? Неужели и полет с ветробегуном покажется неудобным?

Адолин подвинулся к ней, и она почувствовала его тепло. Она закрыла глаза и растворилась в нем, вдыхая его, – как будто чувствовала, как его душа соприкасается с ее собственной.

– Эй, – сказал он, – все не так уж плохо. Ну правда. Отец знал, что план может привести к драке. Если бы Йалай хотела спокойно править военными лагерями, мы бы оставили ее в покое. Но мы не могли игнорировать того, кто сидит у нас на заднем дворе и собирает армию, чтобы свергнуть нас.

Шаллан кивнула.

– Ты беспокоишься не об этом, да? – спросил Адолин.

– Нет. Не совсем. – Она повернулась и прижалась лицом к его груди.

Он снял пиджак, и рубашка под ним напомнила ей о том, каким он приходил в их комнату после тренировочных боев. Он всегда хотел немедленно принять ванну, а она... ну, она редко позволяла ему. По крайней мере, до тех пор, пока не получит желаемое.

Некоторое время они ехали молча, Шаллан прижималась к нему.

– Ты никогда не давишь, – наконец сказала она. – Хотя знаешь, что у меня есть от тебя секреты.

– В конце концов ты мне все расскажешь.

Она крепко сжала пальцами его рубашку.

– Но тебя это беспокоит, не так ли?

Сначала он не ответил, и это было не похоже на его обычные жизнерадостные заверения.

– Ага... – сказал наконец Адолин. – А как же иначе? Я доверяю тебе, Шаллан. Но иногда... Я спрашиваю себя, можно ли доверять вам всем трем? В особенности Вуали.

– Она на свой лад пытается меня защитить.

– А если она сделает что-то, чего ни тебе, ни мне не хотелось бы? Например... станет с кем-то близка физически?

– Об этом не переживай. Даю слово, и она даст, если ты ее попросишь. Мы договорились. Мое беспокойство не связано с тобой и мной, Адолин.

– С чем же тогда оно связано?

Она придвинулась ближе и не сумела сдержать воображение. Как бы он поступил, если бы знал, какая она на самом деле? Если бы знал обо всем, что она успела натворить...

Дело не только в нем. А если Узор узнает? Далинар? Ее агенты?

Они уйдут, и ее жизнь превратится в пустыню. Она останется одна, и поделом. Из-за правды, которую она скрывала, вся ее жизнь была ложью. Шаллан, которую они знали лучше всех, была самой фальшивой маской.

«Нет, – сказала Сияющая. – Ты сможешь смотреть правде в глаза. Ты сможешь бороться с этим. Ты представляешь себе только худший возможный исход».

«Но ведь это возможно, не так ли? – спросила Шаллан. – Они и впрямь могут меня бросить, если узнают».

Сияющая не ответила. И глубоко внутри Шаллан зашевелилось что-то еще. Нечто бесформенное. Она сказала себе, что никогда не создаст новую личность, и держала слово. Это бесформенное не обретет реальность.

Но его вероятность пугала Вуаль. А все, что пугало Вуаль, пугало Шаллан.

– Когда-нибудь я все объясню, – тихо сказала Шаллан Адолину. – Обещаю. Когда буду готова.

В ответ он сжал ее руку. Она не заслуживала его – его доброты, его любви. Вот в какую ловушку она попала. Чем больше он ей доверял, тем хуже она себя чувствовала. И она не знала, как выбраться. Она не могла выбраться.

«Пожалуйста, – прошептала она. – Спаси меня».

Вуаль неохотно появилась. Села прямо, больше не прижимаясь к Адолину, – и он, казалось, понял, переменив положение на сиденье. Он обладал сверхъестественной способностью определять, кто из них контролирует ситуацию.

– Мы пытаемся помочь, – сказала ему Вуаль. – И мы думаем, что этот год был хорошим для Шаллан в целом. Но сейчас, наверное, будет лучше, если мы обсудим другую тему.

– Конечно, – сказал Адолин. – Можем поговорить о том, что Йалай больше боялась плена, чем смерти.

– Она... не убивала себя, – сказала Вуаль. – Мы вполне уверены, что она умерла от укола отравленной булавкой.

Он выпрямился:

– Значит, ты хочешь сказать, что это сделал кто-то из нашего отряда? Из моих солдат или твоих агентов? – Он помолчал. – Или... это сделала ты, Вуаль?

– Я этого не делала. Но случись иначе, разве это было бы плохо? Мы оба знаем, что она должна была умереть.

– Она была незащитной женщиной!

– И в чем же отличие от того, что ты сделал с Садеасом?

– Он был солдатом. Вот в чем отличие.

Он выглянул в окно.

– Может, отец считает, что я сделал нечто ужасное. Но... я поступил правильно, Вуаль. Не позволю кому-то угрожать моей семье, прикрываясь светскими приличиями. Не позволю использовать мою честь против меня. И... Клянусь камнепадом. Я говорю такие вещи, и...

– И это не так уж сильно отличается от убийства Йалай, – сказала Вуаль. – Как бы то ни было, я ее не убивала.

Шаллан, немного передохнув, начала возвращаться. Вуаль отступила, позволив Шаллан прислониться к Адолину. Он, хотя поначалу и напрягся, позволил ей это сделать.

Она положила голову ему на грудь, прислушиваясь к биению его сердца. Его жизнь. Пульсация внутри его словно грохотание плененной бури. Узор как будто почувствовал, как эта пульсация успокаивает ее, и с того места на крыше, где он притулился, донеслось гудение.

В конце концов она все расскажет Адолину. Она уже рассказала ему кое-что. Об отце, о матери, о жизни в Йа-Кеведе. Но в глубинах памяти оставалось нечто, недоступное даже ей самой. Как она могла поведать ему о том, что в ее собственном разуме было окутано туманом?

Еще она не рассказала ему о Духокровниках. Она не была уверена, что сможет поделиться этим секретом, но могла... могла ли попытаться? Хотя бы начать? По подсказке Вуали и Сияющей она поискала способ. В конце концов, Далинар все время повторял, что следующий шаг – самый важный.

– Есть кое-что, что ты должен знать, – сказала она. – Прежде чем ты вошел, Йалай намекала, что, если я возьму ее в плен, она будет убита. Она знала, что удар будет нанесен, – вот почему ее смерть вызвала у меня подозрения. Она также сказала, что не убивала Танадаля. Что это была другая группа, некие Духокровники. Она думала, что Духокровники подошлют к ней убийцу, – вот почему она была уверена, что умрет.

– Мы охотимся за ними. Йалай их возглавляла.

– Нет, милый, она возглавляла Сынов Чести. Духокровники – совсем другая группа.

Он почесал в затылке:

– Это те, с кем связался твой брат... Хеларан? Тот, который напал на Амарама? И Каладин убил Хеларана, не зная, кто он такой?

– То были неболомы. Они уже не такие секретные. Они перешли на сторону врага...

– Точно. Сияющие из другой команды.

Про неболомов он, скорее всего, многое знал, поскольку читал о них в донесениях. А вот с тайными группами, что действовали в ночи, он не мог бороться напрямую. Разбираться с ними – ее работа.

Она порылась в кармане, пока карета прыгала по особенно крутым ухабам. Дорогу никто не чистил, не выравнивал; и хотя возница из всех сил пытался объезжать большие камнепочки, его возможности имели предел.

– Духокровники, – сказала Шаллан, – это те, кто пытался убить Ясну и вдобавок меня, затопив наш корабль.

– Значит, они на стороне Вражды.

– Все гораздо сложнее. Честно говоря, я не знаю, чего они хотят, кроме секретов. Они пытались добраться до Уритиру быстрее Ясны, но мы их опередили. – Она не стала уточнять: «И привели туда». – Я не совсем понимаю, зачем им нужны эти секреты.

– Ради власти.

Этот ответ – тот же, что она дала Йалай, – теперь казался таким упрощенным. Мрейз и его непостижимая наставница Иятиль были людьми рассудительными и целеустремленными. Возможно, они просто пытались половить рыбку в мутной воде. Шаллан понимала, что будет

разочарована, узнав, что их планы на конец света так прозаичны. В конце концов, любой грабитель трупов на поле боя занимается практически тем же.

Мрейз был охотником. Он не ждал удобного случая. Он свои удобные случаи творил.

– Что это? – Адолин кивнул на блокнот в ее руке.

– Перед смертью Йалай намекнула мне, что у нее кое-что спрятано. Я обыскала комнату и нашла это.

– Вот почему ты не хотела, чтобы это делали солдаты. Один из них может оказаться шпионом или убийцей. Шквал!

– Возможно, тебе стоит на сезон перевести своих бойцов на скучные, отдаленные посты.

– Но они же из лучших! – возразил Адолин. – С наградами! Они только что провели чрезвычайно опасную тайную операцию.

– Так дай им отдохнуть на каком-нибудь тихом посту. Пока мы не разберемся с этим. Я присмотрю за своими агентами. Если обнаружу, что это один из них, ты сможешь вернуть своих людей.

Он помрачнел; ему была ненавистна сама мысль о наказании группы хороших людей за то, что один из них мог оказаться шпионом. Адолин мог утверждать, что он отличается от своего отца, но на самом деле они были двумя оттенками одной краски. Часто два схожих цвета сочетаются хуже, чем совершенно разные.

Шаллан пнула лежавшую у их ног сумку с записями и письмами, которую собрал Газ:

– Это мы отдадим письмоводительницам твоего отца, но блокнот я просмотрю сама.

– А что в нем? – Адолин наклонился, чтобы лучше видеть, но картинок внутри не было.

– Я еще не все прочитала. Похоже, это попытки Йалай собрать воедино все замыслы Духокровников. Вот, допустим, эта страница – список терминов или имен, которые подслушали ее шпионы. Она пыталась определить, что это такое.

Шаллан провела пальцем по странице:

– Налатис. Скадариал. Тал Дейн. Что-нибудь знакомое есть?

– По-моему, это полная чушь. Налатис может иметь какое-то отношение к Налану, Вестнику неболомов.

Йалай заметила ту же связь, но указала, что это могут быть топографические названия, хоть она и не нашла их ни в одном атласе. Возможно, они были похожи на крепость Жарокамень, которую Далинар узрел в своих видениях. Она исчезла так давно, что никто уже не помнил этого названия.

В конце списка было слово «Тайдакар», обведенное несколько раз и с припиской: «Он их возглавляет. Но кто он? Имя кажется титулом, очень похожим на Мрейз. Но в известных мне языках нет таких слов».

Шаллан была почти уверена, что слышала, как Мрейз произносил имя Тайдакар.

– Так это и есть наша новая миссия? – спросил Адолин. – Мы узнаем, что задумали эти Духокровники, и остановим их.

Он взял у нее блокнот размером с ладонь и пролистал страницы.

– Возможно, это стоит отдать Ясне.

– Отдадим. Позже.

– Ладно. – Он вернул блокнот, потом обнял ее и притянул к себе. – Но обещай мне, что ты – вы все, вдвоем, – не сделаете ничего безумного, не посоветовавшись со мной.

– Милый, учитывая, с кем ты говоришь, любой мой поступок безумен по определению.

Он улыбнулся в ответ на это, но снова обнял ее, успокаивая. Она устроилась в укромном уголке между его рукой и грудью, хотя он был слишком мускулистым, чтобы стать хорошей подушкой. Она продолжала читать, но только через час или около того поняла – несмотря на то, сколько они вдвоем кружили близ этой темы, – что не раскрыла ему собственную свою принадлежность к Духокровникам.

Они, скорее всего, отведут ей главную роль в своих замыслах. До сих пор – несмотря на то что она говорила себе, будто шпионит за ними, – она практически выполнила все, о чем они ее просили. Это означало, что грядет кризис. Точка излома, далее которой она уже не сможет следовать по этому пути двуличия. Необходимость хранить секреты от Адолина разъедала ее изнутри. Подпитывая Бесформенное существо внутри себя, подталкивая его к реальности.

Ей нужен выход. Надо порвать с Духокровниками, рассечь узы. Иначе Мрейз с компанией проникнут в ее голову. А там и без них слишком много народа.

«Но я не убивала Йалай, – подумала Шаллан. – Я была близка к этому, но не сделала этого. Так что я не полностью принадлежу им».

Мрейз захочет поговорить с ней о миссии и о некоторых других вещах, которые она делала для него, – и, к гадалке не ходи, скоро заявится в гости. И тогда, быть может, она найдет в себе силы навсегда расстаться с Духокровниками.

10. Единственная потеря

Жестяная клетка заставит фабриаль уменьшить близлежащие атрибуты. Больриаль, например, может заглушить боль. Обратите внимание, что современные конструкции клеток могут использовать как сталь, так и железо, изменяя полярность фабриала в зависимости от того, какие металлические элементы в них выдвигаются, чтобы коснуться самосвета.

Лекция по фабриальной механике, прочитанная Навани Холин перед коалицией монархов, Уритиру, йезеван, 1175 г.

Когда они приблизились к Расколотым равнинам, Каладин уже чувствовал себя намного лучше. Несколько часов полета в открытом небе, в лучах солнца всегда освежали его. Сейчас он был уже совсем не тем человеком, который рухнул на колени перед Моашем в том горящем здании.

Сил подлетела к нему в виде ленты из света. Ветробегуны Каладина сплетали Далинара и остальных; от него требовалось лишь лететь в авангарде, сохраняя уверенный вид.

«Я снова разговаривала с Юнфой, – раздался в его голове голос Сил. – Он здесь, на Равнинах. По-моему, он хочет пообщаться с тобой».

– Тогда скажи ему, чтобы поднялся ко мне, – ответил Каладин.

Его голос затерялся в порывах ветра, но Сил все равно должна была услышать.

Она улетела, сопровождаемая несколькими спренами ветра. С такого расстояния Каладин почти мог разглядеть узор на Расколотых равнинах. Поэтому он подал сигнал рукой и ограничился одним сплетением.

Вскоре к нему устремились две бело-голубые светящиеся ленты. Каким-то непонятным образом он понимал, где Сил, а где второй спрен. В ней был особый оттенок, такой же знакомый ему, как и его собственное лицо.

Подлетев к Каладину, другая лента превратилась в крошечного старичка, возлежащего на облаке. Спрен по имени Юнфа был связан с Вратимом, ветробегуном, погибшим несколько месяцев назад. Поначалу, когда они начали терять Сияющих в боях, Каладин беспокоился, что

из-за этого он лишится и спренов. Ведь много веков назад, потеряв своего первого Сияющего, Сил впала в коматозное состояние.

Другие, однако, справились с этим по-другому. Большинство, хотя и горевало, казалось, хотело поскорее приобрести новые узы – это помогало им преодолеть боль утраты. Каладин не притворялся, что понимает психологию спренов, но Юнфа, похоже, хорошо перенес смерть своего Сияющего. Он отнесся к случившемуся как к потере союзника на поле боя, а не как к уничтожению части собственной души и был готов связать себя узами с кем-то еще.

Пока что этого не произошло, а почему – Каладин не знал. Насколько ему было известно, Юнфа был единственным свободным спреном чести среди них.

«Он говорит, – мысленно сказала Сил Каладину, – что все еще раздумывает о выборе нового рыцаря. Список кандидатур сократился до пяти».

– А Рлайн среди них есть?

Юнфа вскочил на своем облаке, его длинная борода затрепетала на ветру, хоть он и не был материальным существом. Каладин прочел гнев в его позе еще до того, как Сил пересказала ответ. Она выступала в роли посредника, так как шум ветра был довольно громким, даже при единственном сплетении.

«Нет. Он разгневан твоим повторным предложением связать себя узами с врагом».

– Он не найдет среди кандидатов кого-то более способного или серьезного.

«Он совсем взбесился, – сказала Сил. – Но я все же думаю, что он согласится, если ты его подтолкнешь. Он уважает тебя, и спрены чести вообще любят иерархию. Те, кто присоединился к нам, сделали это вопреки воле большинства сородичей; они должны искать того, кому можно подчиняться».

Ну что ж, ладно.

– Как твой великий маршал и старший офицер, – сказал Каладин, – запрещаю тебе связываться с кем-то еще, пока ты не попробуешь поработать с Рлайном.

Пожилый спрен погрозил Каладину кулаком.

– Юнфа, у тебя есть два варианта, – сказал Каладин, не дожидаясь помощи Сил. – Повинуйся мне или откажись от всех усилий, которые ты приложил, чтобы адаптироваться к нашему миру. Тебе нужны узы, иначе твой разум померкнет. Я устал от твоей неспособности принять решение.

Спрен сверлил его взглядом.

– Ты будешь выполнять приказы?

Спрен что-то сказал.

«Он спрашивает, сколько времени ты ему дашь», – объяснила Сил.

– Десять дней. И пусть скажет спасибо за мою щедрость.

Юнфа что-то произнес и умчался прочь, превратившись в ленту из света. Сил подлетела к голове Каладина.

«Он сказал „ладно“, перед тем как улететь. Я почти не сомневаюсь, что теперь он хоть подумает про Рлайна. Юнфа не хочет возвращаться в Шейдсмар; ему слишком нравится этот мир».

Каладин кивнул и почувствовал прилив сил. Если это сработает, Рлайн будет в восторге.

Вслед за остальными Каладин устремился к Нарaku, их аванпосту в центре Расколотых равнин. Инженеры Навани превращали все плато из руин в укрепленную базу. На востоке возводилась стена около шести футов шириной у подножия, низкая и приземистая, прикрывающая от бурь. Остальную часть плато окружала более тонкая стена, а громоотводы помогали защититься от Бури бурь.

Каладин опустился на стену и оглядел крепость. Инженеры снесли большую часть старых зданий паршенди, сохранив для изучения только самые древние руины. Теперь вокруг них возвышались склады снабжения, казармы и цистерны для сбора воды во время бурь. Со стеной,

идушей прямо по краю пропасти, и с разборными мостами снаружи это изолированное плато быстро становилось неприступным для обычного наземного штурма.

– Представь, если бы паршенди знали современные методы постройки укреплений, – сказал Каладин Сил, когда она пронеслась мимо ворохом опавших листьев. – Несколько стратегических фортов, построенных вот так по всей равнине, и мы бы никогда их отсюда не выжили.

– Насколько я помню, мы не столько выжили их, сколько намеренно попали в их ловушку, надеясь, что это будет не слишком больно.

Рядом другие ветробегуны спустили Далинара, нескольких гранетанцоров и деревянный транспорт Навани. Это была хорошая идея, хотя держать в воздухе более крупный объект было немного сложнее. У этой штуки было четыре выступающих ребра, как у стрелы. Они начали с двух крыльев, которые, как думала Навани, позволят машине летать лучше, но в результате после сплетения ее неконтролируемым образом потянуло вверх.

Далинар спрыгнул со своего насеста. Сил описала длинную дугу вокруг старой колонны на краю плато. Высокая, со ступеньками снаружи, она превратилась в идеальное гнездо для дозорных. Рлайн сказал, что колонну использовали в церемониях паршенди, но он не знал ее первоначального назначения. Многие из этих руин – останки некогда великого города темных дней – сбивали их с толку.

Возможно, два Вестника смогли бы объяснить суть колонны. Они были здесь? К сожалению – учитывая, что один из них бредил постоянно, а другая – время от времени, – Каладин сомневался, что от них будет какой-то толк.

Он хотел добраться до Уритиру как можно быстрее – пока с ним опять не начали беседовать, натужно смеясь, и подбадривать. Он подошел к Далинару, который принимал рапорт батальон-лорда, командующего Наракком. Навани почему-то не показывалась из своего средства передвижения. Наверное, увлеклась каким-то исследованием.

– Разрешите первой группе вернуться, сэр, – сказал Каладин. – Хочу навести порядок.

– Минутку, великий маршал, – ответил Далинар, просматривая письменный отчет.

Батальон-лорд, сердитый мужчина с татуировкой, отмечавшей его принадлежность к старой крови, многозначительно отвернулся.

Хотя Далинар никогда не говорил, что перешел к письменным отчетам специально, чтобы заставить своих офицеров постоянно сталкиваться лицом к лицу с читающим мужчиной, Каладин видел некую театральность в том, как он держал лист и кивал по ходу чтения.

– То, что случилось со светлостью Йалай, достойно сожаления, – сказал Далинар. – Проследите, чтобы ее решение покончить с собой было опубликовано. Я разрешаю полную оккупацию военных лагерей. Позаботьтесь об этом.

– Да, ваше величество, – ответил батальон-лорд.

Далинар теперь был королем, официально признанным коалицией монархов правителем Уритиру – это был отдельный престол от алеткарского, который Ясна занимала в качестве королевы. В подтверждение этого Далинар официально отказался от идеи быть «верховным королем», чья власть превосходила полномочия любого другого владыки.

Далинар передал лист батальон-лорду, потом кивнул Каладину. Они отошли от остальных, затем прошли еще немного дальше, к секции базы между двумя зернохранилищами, созданными с помощью духозаклинателей. Король сначала ничего не сказал, но Каладин знал этот трюк. Это была старая дисциплинарная тактика – многозначительное молчание. Оно заставляло собеседника начать объясняться первым. Каладин не поддался на уловку.

Далинар внимательно посмотрел на него, заметив обожженную и окровавленную форму. Наконец он заговорил:

– У меня есть несколько донесений о том, что ты и твои солдаты отпускали Сплавленных, если вам удавалось их ранить.

Каладин сразу же расслабился. Вот о чем хотел поговорить Далинар?

– Я думаю, мы начинаем приходить к некоторому взаимопониманию с ними, сэр. Небесные сражаются честно. Сегодня я отпустил одного из них. В свою очередь, их предводительница Лешви отпустила одного из моих людей, а не убила его.

– Это не игра, сынок. Дело не в том, кто кому пустит первую кровь. Мы в буквальном смысле боремся за существование нашего народа.

– Я знаю, – быстро сказал Каладин. – Но это может оказаться полезным для нас. Вы же заметили, как они сдерживаются и атакуют один на один, пока мы играем по их правилам. Учитывая, что Небесных намного больше, чем ветробегунов, я думаю, стоит поощрять такой порядок сражений. Смерть для них всего лишь неудобство, ведь они возрождаются. А вот взамен каждого из тех, кого они убивают, требуется подготовить совершенно нового ветробегуна. Обменивать жизнь на жизнь – стратегия, выигрышная для нас.

– Ты никогда не хотел сражаться с паршунами, – сказал Далинар. – Даже когда ты впервые присоединился к моей армии, ты не хотел, чтобы тебя послали против паршенди.

– Мне не нравилась идея убивать людей, которые ведут себя с честью, сэр.

– А тебе не кажется странным, что им это свойственно? Всемогущий – Честь собственной персоной – был нашим богом. А их бог его убил.

– Раньше казалось. Но, сэр, разве Честь не был их богом до того, как стал нашим?

Это было одно из откровений, которое потрясло само основание Сияющих – как древних, так и новых. Хотя многие из орденов восприняли правду как странность и двинулись дальше, многие ветробегуны этого не сделали. Как и Далинар; Каладин видел, как он морщился всякий раз, когда обсуждалась эта идея.

Этот мир принадлежал певцам, которые поклонялись Чести как божеству. Пока не появились люди, а с ними – Вражда.

– Все это подчеркивает большую проблему, – сказал Далинар. – Эта война все чаще ведется в небе. Летающий транспорт Навани только обострит ситуацию. Нам нужно больше спренов чести и ветробегунов.

Каладин посмотрел туда, где в воздухе рядом с ним висела Сил. Мгновение спустя Далинар пристально посмотрел на нее, так что она, должно быть, решила открыться ему.

– Мне очень жаль, – тихо сказала она. – С моими родственниками бывает... трудно.

– Они должны понять, что мы боремся за выживание Рошара так же, как и за выживание алети, – сказал Далинар. – Мы не можем сделать это без их помощи.

– Для моих кузенов представляете опасность вы, – сказала Сил. – Не меньшую, чем певцы. Предательство Сияющих рыцарей убило слишком многих из них...

– Другие спрены начали приходить, – заметил Каладин. – Они понимают.

– Спрены чести более... жесткие, – сказала Сил. – По крайней мере, большинство.

Она пожала плечами и отвела глаза, словно пристыженная. Человеческие жесты с ее стороны были настолько обычны в эти дни, что Каладин их почти не замечал.

– Мы должны что-то сделать, – сказал Далинар. – Вот уже восемь месяцев, как к нам не приходят новые спрены чести. – Он посмотрел на Каладина. – Но эту проблему я, пожалуй, продолжу обдумывать. А сейчас я беспокоюсь о том, как взаимодействуют Небесные и ветробегуны. Похоже на то, что обе стороны сражаются не всерьез, а я не могу держать на поле боя солдат, неспособных сражаться, если ситуация ухудшится. Вот что меня беспокоит.

Встретив взгляд Далинара, Каладин похолодел. Значит, это все-таки разговор о нем. О том, что с ним случилось.

Снова.

– Каладин, – сказал Далинар. – Ты один из лучших солдат, которыми я когда-либо имел честь командовать. Ты сражаешься с пылом и самоотверженностью. Ты в одиночку создал то, что стало самым важным крылом моей армии, – и сделал все это, переживая худший кошмар, который я мог себе представить. Ты вдохновляешь всех, кто с тобой встречается.

– Спасибо, сэр.

Далинар кивнул и положил руку на плечо Каладина:

– Пришло время освободить тебя от обязанностей, сынок. Прости.

По телу Каладина пробежала дрожь. Как шок от удара ножом – или ощущение внезапного пробуждения в незнакомом месте, испуга от неожиданного шума. То чувство, когда внутренности слипаются в комок. Сердце начинает колотиться. Каждая частичка тела насторожена, ищет драки.

– Нет, – прошептал он. – Сэр, я знаю, как это выглядит.

– И как же оно выглядит? Поставь себе диагноз, Каладин. Скажи мне, что ты видишь.

Каладин закрыл глаза.

«Нет».

Далинар крепче сжал его плечо:

– Я не лекарь, но могу сказать, что вижу сам. Солдата, который слишком долго находился на передовой. Человека, пережившего столько ужасов, что теперь его взгляд все чаще устремляется в пустоту, а разум цепенеет, чтобы не нужно было ничего вспоминать. Я вижу солдата, который не может спать и огрызается на тех, кто его любит. Он притворяется, что все еще может действовать. Но на самом деле не может. И он это знает.

Каладин отбросил руку Далинара, уставился на него широко открытыми глазами:

– Вы не можете так поступить. Это я создал ветробегунов. Они моя команда. Вы не можете их у меня отнять.

– Могу, потому что должен, – парировал Далинар. – Каладин, если бы речь шла не о тебе, я принял бы это решение несколько месяцев назад, но ты – это ты, и я продолжал твердить себе, что у нас каждый ветробегун на счету.

– Это правда!

– У нас на счету каждый ветробегун, от которого есть толк. Прости. Был момент, когда, если бы я отстранил тебя от командования, это подкосило бы всю команду. Теперь мы его благополучно миновали. Ты останешься с нами... но больше не будешь участвовать ни в каких миссиях.

Из горла Каладина вырвалось рычание, и в глубине души он не поверил, что способен издавать такой звук. Он втянул в себя буресвет.

Он больше не потерпит поражения. Он не позволит какому-то светлоглазому бахвалу снова отнять у него все.

– Я не могу в это поверить! – воскликнул Каладин, и вокруг него забурили спрены гнева. – Ты не должен так себя вести! Ты...

– Почему? – спокойно спросил Далинар.

– Что «почему»? – огрызнулся Каладин.

– Почему я не должен так себя вести?

– Потому что не разбрасываешься своими людьми! – рявкнул Каладин. – Потому что... потому...

«Потому что ты о них заботишься».

Каладин сник. Он вдруг почувствовал себя маленьким. Ребенком, стоящим перед суровым родителем. Он пошатнулся и прислонился спиной к ближайшему зданию. Сил повисла рядом с ним, обеспокоенная и смущенная. Она не стала возражать Далинару. Почему она не вступилась за Каладина?

Он посмотрел в сторону. Он взял с собой почти весь изначальный Четвертый мост; ветробегуны, которых он оставил охранять воздушный корабль, когда-то были Тринадцатым мостом и их оруженосцами.

Поэтому он увидел множество дружелюбных лиц, стоящих в отдаленном дворе Нарака. Камень и Тефт. Ренарин. Сигзил, Лин, Лопен. Лейтен и Пит, Скар и Дрехи. Ларан, только что

ставшая полноправной Сияющей. Никто еще не произнес Четвертого идеала. Ему нравилось думать, что для них это было так же трудно, как и для него, и никто до сих пор не одолел эту преграду. Но... а если они просто сдерживались из-за него? Из какого-то ложного уважения?

Он снова повернулся к Далинару:

– А если меня там не будет? – В его голосе зазвучала мольба. Это был последний довод. – Если с ними что-то случится, когда они будут сражаться? Если кто-то умрет, потому что я не сумел их защитить?!

– Каладин, – тихо сказал Далинар, – а если что-то случится, потому что ты с ними? Если один из них погибнет, потому что будет ждать твоей помощи, а ты снова оцепенеешь?

Каладин резко вдохнул. Он отвернулся и зажмурился, чувствуя, как из глаз текут слезы. Что, если...

Шквал. Далинар прав.

Он прав.

– Я... – прошептал он.

Что это были за Слова?

«Ты не смог произнести Слова, – подумал он. – Ты должен был. Год назад, когда Далинар мог умереть. Ты должен был произнести Слова. А вместо этого рассыпался на кусочки».

Каладин никогда их не скажет, верно? Третий Идеал – его предел. Другие спрены говорили... говорили, что многим Сияющим так и не довелось принести последующие обеты.

Каладин глубоко вдохнул и заставил себя открыть глаза.

– Что... что мне теперь делать?

– Тебя не понизят в звании, – твердо сказал Далинар. – Я хочу, чтобы ты тренировал, учил и помогал нам в этой войне. Не стыдись, сынок. Ты хорошо сражался. Ты пережил то, что не должен был пережить ни один человек. Такой опыт оставляет шрамы, как и любая рана. Это нормально – признать их.

Каладин провел пальцами по лбу и шрамам, которые он все еще носил. Все его силы не смогли стереть их даже за годы, прошедшие после клеймения.

Далинар откашлялся, чувствуя себя неловко. Возможно, вспомнив о ране Каладина, он счел упоминание о шрамах дурным тоном. Но это было не так. Метафора была особенно здоровой.

– Могу ли я... могу ли я сдержать свои клятвы, не сражаясь? – спросил Каладин. – Я должен защищать их.

– Для этого есть много способов. В былые времена не все Сияющие шли в бой. Я сам нашел немало способов служить этой войне, не размахивая клинком на передовой.

Каладин посмотрел на Сил, и та кивнула. Да, он мог сдержать свои клятвы и таким образом.

– Ты не будешь первым прославленным солдатом, который перешел на позицию поддержки, после того как увидел гибель слишком многих друзей, – сказал Далинар Каладину. – Если будет так угодно Всемогущему, мы убедим спренов чести работать с нами, и тогда придется обучать стаи новых ветробегунов. В любом случае ты будешь очень полезен, наблюдая за тренировками Сияющих.

– Я просто не буду болтаться там, где могу причинить вред, – прошептал Каладин. – Потому что я сломлен.

Далинар снова взял его за плечо, затем поднял другую руку, вытянув указательный палец, как бы заставляя Каладина сосредоточиться на нем.

– Вот это, – сказал Далинар, – война делает со всеми нами. Пережевывает и выплевывает искалеченными. Не стыдно сделать шаг назад, чтобы прийти в себя. В этом не больше бесчестия, чем в том чтобы дать себе время исцелиться от колотой раны.

– Значит, я вернусь к битве? – спросил Каладин. – Возьму увольнительную, а потом вернусь?

– Если мы почувствуем, что это для тебя правильно. Да, такое возможно.

«Возможно, – подумал Каладин. – Но вряд ли вероятно».

Далинар, наверное, видел больше людей, покоровшихся усталости от битв, чем сам Каладин, но за все годы сражений ему ни разу не попадался тот, кто от нее исцелился. Похоже, это не тот недуг, с которым можно справиться.

Ну почему он не оказался сильнее? Почему не произнес Слова?

– Мы найдем способ сделать этот переход плавным и естественным, – пообещал ему Далинар. – Мы можем представить его остальным так, как ты захочешь. Тем не менее откладывать тоже не будем. Это не просьба, Каладин. Это приказ. С этого момента держись подальше от битв.

– Да, сэр.

Далинар сжал его плечо:

– Я ценю тебя не из-за того, сколько врагов ты можешь убить, а из-за того, что тебе хватает мужества понять и произнести такие слова.

Он кивнул и разжал хватку:

– Это не дисциплинарное взыскание, Каладин. Завтра у меня будут для тебя новые задания. Можешь не сомневаться, я найду для тебя дело. Мы объясним всем остальным, что это повышение.

Каладин выдавил улыбку, и это, казалось, успокоило Далинара. Надо было сохранить лицо. Надо было выглядеть сильным.

«Не дай ему узнать».

– Сэр, – сказал Каладин. – Я не уверен, что смогу занять пост, предполагающий обучение других Сияющих. Быть с ветробегунами, посылать их умирать без меня... ну, сэр, это разорвет меня на части. Не думаю, что я смогу смотреть, как они летят, и не присоединиться к ним.

– Я об этом не подумал, – нахмурился Далинар. – Если предпочитаешь просить о другой должности, я не возражаю. Может быть, в сфере логистики или планирования сражений? Или, может быть, в качестве посла в Тайлене или Азире. Твоя репутация обеспечила бы тебе почет в тех краях. Во всяком случае, я не хочу, чтобы кто-то вроде тебя сидел и обрастал кремом. Ты слишком ценен.

«Ну да. Разумеется. Забери у меня единственное, что имеет значение, а потом скажи, что я ценен. Мы оба знаем – я ничто».

Стараясь побороть эти мысли, Каладин выдавил еще одну улыбку:

– Я подумаю об этом, сэр. Хотя, возможно, мне понадобится время, чтобы решить, чего я хочу.

– Ладно, – сказал Далинар. – У тебя есть десять дней. К концу этого срока доложишь мне о своем решении.

Каладин кивнул. Он изобразил еще одну улыбку, которая должна была убедить Далинара не волноваться.

Направляясь к остальным ветробегунам, Каладин отвел взгляд. Живот скрутило. Его друзья смеялись и шутили, пребывая в приподнятом настроении. Насколько им было известно, ветробегуны сегодня не потеряли ни одного человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.